Калле КНИЙВИЛЯ

КРЫМ НАШ

Возвращение империи

Авторизованный перевод с эсперанто
Петра Паливоды

Луцк
Надстир'я
2020

УДК 327.5(477)
П 34

Калле Книйвиля – шведский журналист финского происхождения. Гражданин Швеции и Финляндии. Корреспондент «Сюдсвенска Дагбладет», крупнейшей ежедневной газеты юга Швеции. Несколько месяцев работал советником посольства Швеции в Москве, после чего занимал такую же должность в посольстве Швеции в Киеве.

Через полгода после аннексии автор посетил Крым, Киев и Москву, чтобы попытаться понять, что произошло и почему аннексия Крыма вызвала такой энтузиазм в России, хотя она поставила страну в положение международного изгоя.

«Крым наш» – вторая книга автора из четырех, написаных им о странах бывшего Советского Союза. Она была издана в 2015 году, в первую годовщину аннексии Крыма.

Авторизованный перевод с эсперанто Петра Паливоды

Переведено по изданию:
Kalle Kniivilä, Krimeo estas nia. Reveno de la imperio,
Mondial, Novjorko, 2015

© Kalle Kniivilд, Mondial, 2015.
© Петро Паливода, переклад російською, 2019.
© Надстир’я, 2020.

ISBN 978-966-517-910-

ПРЕДИСЛОВИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ МЕДЖЛИСА КРЫМСКОТАТАРСКОГО НАРОДА К РУССКОЯЗЫЧНОМУ ИЗДАНИЮ

Признаюсь, я не сразу принял предложение написать краткое предисловие к русскоязычному изданию книги Калле Книйвиля «Крым наш. Возвращение империи». И причиной этому были не только отдельные фактологические огрехи в тексте, которые, в общем-то, неизбежны для книги, написанной в очень короткие сроки, буквально вслед за тем как российские войска вторглись в Крым.

Вчитываясь в русскоязычную машинопись уже вышедшей ранее на эсперанто книги, я все время ловил себя на том, что веду дискуссию с большинством персонажей, чьи интервью легли в ее основу. Мне, как человеку, постоянно жившему в Крыму и оказавшемся в гуще описываемых событий в роли их активного участника, очевидны истинные мотивы недосказанности, иногда и явной неправды опрошенных автором книги людей. Нет-нет, не всех, конечно. Однако по всей книге заметно, что если противники российской оккупации Крыма высказываются сдержанно, давая понять чуть ли не эзоповым языком свое неприятие оккупации Крыма, то сторонники российской аннексии – словоохотливы в своих утверждениях, часто не имеющих и близкого отношения к объективности.

Причиной столь отличительного поведения среди жителей Крыма является страх, сковавший крымское общество вместе с оккупацией Крыма Россией. При этом, если одни в разговорах с чужими скрывают свою ненависть к российским оккупантам, чтобы избежать преследований, то другие стараются демонстрировать максимальную лояльность по отношению к оккупантам, чтобы заработать некие личные преференции или избежать подозрений в своей неблагонадежности.

Можете представить себе, как, по мере чтения текста, мне хотелось дополнить его своими исправлениями, возражениями, пояснениями. Но я был лишен этой возможности, ибо русскоязычная версия не могла кардинально отличаться от оригинального издания на эсперанто.

Однако мои опасения того, что русскоязычный читатель, пробираясь через противоречивые оценки интервьюированных лиц, может не распознать настоящую суть событий, случившихся в Крыму в феврале – марте 2014 года, оказались излишними.

Практически с самого начала повествования и далее по всему тексту Калле Книйвиля расставил несколько собственных маркеров, которые позволяют читателю в ходе чтения книги все время накладывать их в качестве своеобразных лекал на повествования опрашиваемых…

Первым делом автор шаг за шагом раскрывает причины совершения правителями России действий, которые, с точки здравого смысла, не могли не восприниматься в мире как сумасбродные, неразумные, варварские. Действительно, иррациональные действия Путина, разрушившие в феврале-марте 2014 года всю конструкцию международного права, столь тяжело и противоречиво воздвигавшуюся после Второй мировой войны, шокировали западных лидеров. Известная публичная оценка психологического состояния Путина, данная канцлером Германии Ангелой Меркель в марте 2014 года: «Я не уверена, сохранил ли господин Путин связь с реальностью, он находится в другом мире», органически требовала своей расшифровки

в книге, сюжет которой соткан из рассказов очевидцев событий российского вторжения в Крым.

Калле Книйвиля поясняет причины разрушительных действий России тем, что «правители России во главе с президентом Владимиром Путиным выходят с совершенно иной картины мира, чем западные наблюдатели, и поэтому у них другое понятие базовых интересов своей страны. Самое важное, в конце концов, – это не хорошее развитие экономики, хорошие отношения с соседями и благополучие народа, а статус России как сверхдержавы».

Пройдет несколько лет, и Владислав Сурков, один из идеологов отторжения Крыма от Украины, вполне открыто напишет в статье «Долгое государство Путина», опубликованной в «Независимой газете» от 11 февраля 2018 года: «Обрушившись с уровня СССР до уровня РФ, Россия рушиться прекратила, начала восстанавливаться и вернулась к своему естественному и единственно возможному состоянию великой, увеличивающейся и собирающей земли общности народов. Нескромная роль, отведенная нашей стране в мировой истории, не позволяет уйти со сцены или отмолчаться в массовке, не сулит покоя и предопределяет непростой характер здешней государственности».

Кажется, более цинично и более зловеще сказать нельзя…

О реальных угрозах предупреждает и Калле Книйвиля: «Российская аннексия Крыма стала поворотным моментом в послевоенной истории Европы, всего значения которого мы пока не можем оценить. До этого мы жили в мире, где было немыслимо, что границы страны в центре Европы могут быть изменены с помощью военной силы. В мире, где уважают сделанные обещания и принятые договоренности. Но теперь может случиться что угодно. А может, всегда было так – мы просто не решались увидеть, что скрывается по ту сторону зеркала?»

…Я дописываю данное предисловие в ночь на 9 декабря 2019 года, когда в Париже состоится встреча «нормандской четверки»: президентов Украины, Франции, России и канцлера ФРГ. У меня, как и у многих людей в Украине, очень тревожные ожидания. Россия, взявшая курс на восстановление империи, намертво вцепилась в Украину, осознавая, что без ее территории и человеческих ресурсов заветная цель недостижима. Как никогда в истории, будущее украинской нации и крымскотатарского народа связаны с сохранением независимого Украинского государства.

Разумеется, вместе с Крымом.

Рефат Чубаров
Киев, декабрь 2019 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА
К РУССКОЯЗЫЧНОМУ ИЗДАНИЮ

Аннексия Крыма в марте 2014 года стала резким переломным моментом в послевоенной истории Европы, моментом, когда образ России на Западе полностью и бесповоротно изменился.

Всего за несколько дней до того как парламент Крыма подвергся нападению «зеленых человечков», я брал интервью у шведских экспертов по поводу ситуации в регионе. Они полагали, что Россия не будет использовать военной силы в Крыму. Ведь это означало бы не только нарушение всех видов соглашений и международных стандартов. Важнее то, что Россия ничего не выиграла бы, она была бы только в проигрыше, поскольку такие действия привели бы к международной изоляции и крупным экономическим потерям. Почему какая бы то ни было страна действовала бы против своих собственных интересов?

Я согласился и написал газетную статью, выводы которой оказались ошибочными еще почти до того, как чернила успели высохнуть. У правителей России было иное мнение о национальных интересах страны, и население страны с большим воодушевлением согласилось с этим.

Через полгода после аннексии я посетил Крым, Киев и Москву, чтобы попытаться понять, что произошло и почему аннексия Крыма вызвала такой энтузиазм в России, хотя она поставила страну в положение международного изгоя.

В Крыму многие надеялись получить экономические выгоды: более высокие зарплаты и пенсии, новые рабочие места, укрепление отраслей советской промышленности. Теперь, пять лет спустя, очевидно, что надежды были в основном напрасными.

Крымскотатарский телевизионный канал, подвергавшийся во время моего посещения серьезным ограничениям, был закрыт вскоре после появления первого издания этой книги и теперь ведет вещание из Киева. Жители Крыма теперь должны испытывать ограничение своей свободы и международную изоляцию. Эйфория давно прошла, и ожидания о скором экономическом процветании не были исполнены. Тем не менее многие утверждают, что аннексия была необходимой, чтобы спасти Крым от судьбы, постигшей Донбасс. Однако войну на Донбассе затеяла именно Россия.

В этой книге я пытался, независимо от своей собственной позиции, честно изложить точки зрения всех сторон, а также показать, где факты не подтверждают точку зрения того или иного опрашиваемого.

Я очень благодарен своему хорошему другу Петру Паливоде за качественный перевод книги с эсперанто на русский язык. Также хочу выразить свою особую признательность Меджлису крымскотатарского народа, благодаря поддержке которого стало возможным издание книги на русском языке. Надеюсь, что ее будут читать не только в Украине, но и в России.

Калле Книйвиля

Киев, август 2019 г.

ТОСКА ПО СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ

Играет духовой оркестр, и на его фоне Владимир Константинов, представитель «Единой России», правящей партии, дает сигнал. Трогается изношенный кран. Дорожная табличка с украинскими названиями населенных пунктов Урожайне и Трудове вырвана из земли, ее место занимает новая, почти идентичная, свежая табличка: Урожайное и Трудовое. Затем Константинов говорит в телекамеры о восстановлении исторической справедливости в Крыму. Сюда относится также восстановление оригинальных, русских названий населенных пунктов, – говорит он.

– С политической точки зрения это очень важное событие. Даже важнее хлеба.

Эти два топонима на самом деле не русские, а, скорее, типичные советские. Трудовое появилось в советские времена, а Урожайное до 1944 года имело совсем другое название. Тогда крымскотатарские топонимы были устранены из Крыма вместе со всем крымскотатарским народом. Крымских татар депортировали в далекую Центральную Азию, и они не имели права возвращаться, пока существовал Советский Союз. Но это неважно. Для новых правителей в Крыму историческая справедливость означает, что должен быть восстановлен именно русский вариант советских топонимов. Ведь теперь снова правит Москва.

Полуостров Крым, и в частности город-порт Севастополь, где российский Черноморский флот базируется с 18-го века, в России всегда ассоциировался с военной доблестью. В 50-х годах прошлого века Крым был присоединен к Украинской ССР, но большинство жителей является русскоязычным еще с 19-го века. После распада Советского Союза Крым остался в составе независимой Украины – но многие в России никогда не признавали, что Крым принадлежит другой стране.

В России присоединение Крыма в марте 2014 года вызвало беспрецедентную волну патриотической истерии. В опросах общественного мнения и так мощная поддержка политики Владимира Путина превысила 80 процентов, выйдя на такой же уровень, как и после его предыдущей успешной военной кампании – короткой войны в Грузии 2008 года. Громкая критика окружающего мира послужила еще одним доказательством, что Россия на самом деле поступила правильно и остановила западную агрессию. Крым, и особенно легендарная база флота в Севастополе, молниеносно стали символами восстановленного статуса России как сверхдержавы.

В Крыму тоже праздновали. Большая часть русскоязычного населения после двадцати трех лет в независимой Украине приветствовала возвращение к сверхдержаве, управляемой из Москвы.

Запад отреагировал так, словно его разбудили после долгого сна, удивленно и растерянно. Действия России казались иррациональными. Почему они пошли на разрушение всей системы европейской безопасности и пренебрегли всеми соглашениями о неприкосновенности государственных границ, если аннексия к тому же неизбежно станет сверхтяжелым бременем для российской экономики, которая уже находится в состоянии стагнации?

Но правители России во главе с президентом Владимиром Путиным выходят с совершенно иной картины мира, чем западные наблюдатели, и поэтому у них другое понятие базовых интересов своей страны. Самое важное, в конце концов, – это не хорошее развитие экономики, хорошие отношения с соседями и благополучие народа, а статус России как сверхдержавы.

Речь идет о глобальной игре с нулевой суммой, в которой Россия должна защищать сферу своих интересов любой ценой. Какие-то вещи, в конце концов, важнее хлеба.

И, конечно, решительные шаги в Украине – это ясный способ дать понять, что они никоим образом не допустят подрывной деятельности у себя в России.

Эти объяснения не противоречат друг другу, а дополняют друг друга.

Путин – самый популярный политик в России в течение пятнадцати лет не только потому, что он заставил замолчать своих критиков и остановил всех конкурентов. Его поддержка, прежде всего, связана с тем, что он после хаоса и нищеты 90-х годов прошлого века возродил сильное государство и за счет прибыли от продажи нефти дал рядовым россиянам приемлемый уровень жизни. Поскольку материальное благополучие улучшилось, большинство народа согласилось с ограничением гражданских свобод.

Но после массовых протестов вокруг президентских выборов 2012 года стало понятно, что все большую часть благополучного среднего класса уже не устраивают только хлеб и зрелища. Тогда же можно было увидеть, что нефтезависимая российская экономика вскоре столкнется с большими проблемами.

Нужна была новая стратегия. И она была найдена.

Ключевым словом становится стабильность: руководители России говорят, что они работают на нее, и это действительно то, чего хочет народ после катастрофических катаклизмов 90-х годов прошлого века. Но речь уже не идет об экономической стабильности. Экономика должна приспосабливаться – ведь есть вещи поважнее хлеба, например, безопасность. Россию окружают враги, войска которых угрожают стране. Иностранные агенты пытаются уничтожить достигнутую кропотливым трудом стабильность России, тайком перенося опасные западные идеи.

Новое описание реальности не является абсолютно новым: кто помнит Советский Союз, это легко распознает. Враждебное окружение со своими несправедливыми антироссийскими санкциями – это тоже хорошее объяснение, почему растут экономические проблемы страны.

До аннексии весной 2014 года крымчане во многом продолжали жить в российско-украинском хаосе 90-х годов прошлого века, с олигархами и беспорядком. Тот, кто смотрел российское телевидение, видел, как процветает большой сосед на востоке. Поэтому, видимо, не было неожиданностью, что многие люди тосковали по сильному лидеру, который восстановил бы порядок и в Крыму.

В конце сентября 2014 года я объехал Крым и разговаривал со сторонниками и противниками аннексии. Все они хотели порядка и дисциплины вместо хаоса и коррупции. Но находили разные ответы.

Желающие, чтобы Крым оставался частью Украины, охотно говорили о демократии и правах человека. Реальное правовое государство по западному образцу и приближение к Европе – таким был их путь вперед. Но многие из них уже замолчали. Другие покинули оккупированный полуостров и отправились в Киев – чтобы иметь возможность свободно говорить, чтобы можно было работать для того, во что они верят. Для них российское правление в Крыму – это продолжение советского гнета, неприятный отголосок прошлого.

Желающие быть частью России охотно говорили о русском языке, который, по их мнению, подвергается притеснению в Украине. Большинство, конечно, надеется, что присоединение к России приведет к высшим зарплатам, более высокому уровню жизни. Но, по крайней мере, столько же они говорили о добрых старых временах. Некоторые сторонники присоединения

вспоминали Сталина как хорошего руководителя. Но даже Сталин не был таким безупречным, как Путин, – добавила одна из них.

Если в России возврат Крыма для многих стал символом возрождения страны как сверхдержавы после краха и национального унижения 90-х годов прошлого века, для многих крымчан путинская Россия – это действительно мечта о Советском Союзе. Не о настоящем, бедном Советском Союзе – с цензурой, с диссидентами в психушках и с длинными очередями в пустых гастрономах, а о хорошем Советском Союзе, о золотой эпохе, продолжающей жить в детских воспоминаниях о лете, и в классических советских кинофильмах, которые никогда не переставали показывать на российском телевидении.

Но хорошие советские времена никогда не вернутся. Ведь их никогда не было.

ВТОРЖЕНИЕ НИОТКУДА

Рано утром в пятницу 28 февраля 2014 года здание международного аэропорта в Симферополе в Крыму окружают пятьдесят вооруженных людей в зеленой форме без знаков различия. По словам очевидцев, эти люди приехали на трех российских военных грузовых автомобилях марки КамАЗ. На грузовиках отсутствуют номерные знаки. Мужчины, кажется, относятся к той же неопознанной, хорошо организованной группе, штурмовавшей накануне здания парламента и правительства Крыма.

После штурма «зеленые человечки» вывесили российский флаг над парламентом. В тот же день объявляется, что правительство Крыма отправлено в отставку. Новое правительство возглавляет Сергей Аксенов, лидер «Русского единства», маргинальной пророссийской партии. Но до сих пор никто не знает, кто такие «зеленые человечки».

Елена Механик с украинского телеканала «Интер» быстро добралась до аэропорта.

– Мы прибыли около трех часов ночи. Я была единственным журналистом, который решился подойти к одному из «зеленых человечков». Откуда вы? – спросила я. – Украина, Россия? Россия, – ответил мужчина.

Это могло бы стать новостью мирового значения. Но информация, которая быстро распространилась в украинских СМИ, была поставлена под сомнение международными агентствами новостей, поскольку российские власти настоятельно отрицали какое-либо вмешательство в события в Крыму. Целью было вызвать путаницу и как можно дольше сохранить видимость, что на самом деле речь идет о внутренних беспорядках, а не о российском вторжении, – говорит Фредрик Вестерлунд, аналитик из FOI, исследовательского института министерства обороны Швеции.

Тогда же Россия начала масштабные военные учения с северной стороны. Когда российские войска приблизились к Украине и создали очевидную угрозу на длинной наземной границе, правительство Украины в Киеве вряд ли могло сосредоточить свое внимание на Крыме. Замешательство возросло еще больше два дня спустя, 1 марта, когда Владимир Путин попросил и получил разрешение от российского парламента на использование российской армии на всей территории Украины в случае необходимости.

За три месяца до того в Киеве, столице Украины, начались массовые протестные акции, после того как президент Виктор Янукович в последний момент под давлением со стороны России кардинально изменил свое решение и приостановил давно запланированную договоренность о тесном сотрудничестве с Европейским Союзом. Но от Киева до Черного моря далеко. В Крыму все было тихо, и большинство не очень беспокоилось схватками в столице. Думали, что все образуется, как всегда. Но протестующие, которые заняли Майдан Незалежности в центре Киева, не отступают. Вследствие кровавых боев между милицией и протестующими сто человек погибло между 18 и 20 февраля, а 22 февраля президент Виктор Янукович бежит из столицы в Харьков в Восточной Украине. Оттуда он едет дальше в Крым, уже с помощью российских спецслужб, работающих сейчас на территории Украины. Там он остается несколько дней, пока по собственной просьбе не был тайком переправлен в Россию. Это позже рассказал его российский коллега Владимир Путин.

– Но тогда никто не знал, что происходит, – говорит крымскотатарский активист Эскендер Бариев, с которым я встречаюсь в Крыму через полгода после тех событий.

– Тогда все происходило очень быстро. Янукович сбежал, его разыскивала милиция. Пытались сделать так, чтобы жители здесь поверили, что в Киеве власть захватила фашистская хунта, фашисты сразу начнут массовую резню. Хотели всех убедить, что русскоязычное население находится под угрозой. А кто же им мог угрожать? Мы, крымские татары, конечно. Хотя очевидно, что такой угрозы не существовало. И по этой причине пророссийские группы уже 25 февраля начали выходить на митинги и требовать присоединения к России.

Журналист Арсен был репортером местной редакции украинской русскоязычной газеты «Сегодня» в Симферополе, когда начались пророссийские митинги в Крыму.

– Сначала их было немного, речь шла о нескольких сотнях, каких-то казаках и местных организациях. 25 февраля они пытались снять украинский герб со здания парламента, но не удалось. Они выкрикивали какие-то пророссийские лозунги, я точно не помню что. Это продолжалось до позднего вечера, я был там, чтобы написать репортаж о митинге, но наконец я ушел. А утром они снова собрались.

Ходили слухи, что парламент Крыма 26 февраля рассмотрит вопрос о независимости, что, как ожидалось, вскоре приведет к сближению с Россией. Сторонники и противники собрались вокруг здания парламента. Противниками были преимущественно крымские татары, и их было явно больше, чем сторонников, хотя пророссийские группы подвозились автобусами из Севастополя. Одним из проукраинских участников митинга была Лиза Богуцкая, которая после аннексии была вынуждена покинуть Крым.

– Сначала было довольно спокойно, хотя там было множество людей. Без сомнения, было пять тысяч крымских татар. И начали прибывать автобусы из Севастополя. То, что они прибывали оттуда, было очевидно, потому что это было написано на многих автобусах. Людей с пророссийской ориентацией было, возможно, около тысячи. Нас, выступавших за Украину, было, вероятно, в пять раз больше. Милиционеры сначала стояли между группами, но вдруг они исчезли. Потом кто-то сбил папаху с головы какого-то казака, кто-то выдернул флаг с другой стороны, и возникла потасовка.

По словам журналиста Арсена, протестующих было больше.

– Я думаю, что всего там было по крайней мере десять тысяч человек. Они начали толкаться там, по центру, где стояли казаки. Было очень тесно, мы еле могли поворачиваться. Наконец крымские татары оттеснили казаков и побежали к зданию парламента. Но тогда вышел Рефат Чубаров, остановил их и сказал, что они поступают неправильно.

Рефат Чубаров – председатель Меджлиса, главной организации крымских татар. В феврале 2014 году он был также членом местного парламента в Крыму. Теперь российские власти выслали его – он не имеет права въезжать в Крым.

Председатель парламента Владимир Константинов, который в то время еще представлял украинскую Партию регионов, также сообщил, что парламент не будет обсуждать независимость Крыма.

– Все успокоились и пошли домой. Думали, что победили. Они в это верили. Но на следующий день появились военные, и уже никто больше не решался выходить, – говорит Арсен.

Эсма Аджиева – крымскотатарский врач. До аннексии она работала координатором международных проектов по совершенствованию ухода за новорожденными и роженицами в Крыму. Теперь проектов больше нет, потому что Крым считается оккупированной территорией. Сама она поселилась в Киеве. А в конце февраля она была в центре событий.

– Я знаю многих врачей в Крыму, по моей работе следовало знать все актуальные события в области здравоохранения. И одна из моих знакомых дежурила в карете скорой помощи во время большого митинга у здания парламента. Она рассказывала, что это было ужасно, у них было четыре машины скорой помощи, но только две рации. А мобильные телефоны не работали, они не могли связаться с диспетчерской.

Один пожилой крымский татарин умер от сердечного приступа во время митинга. Женщина с пророссийской группы упала, была затоптана толпой и травмирована так серьезно, что умерла в больнице.

На следующее утро Эсма Аджиева пыталась попасть к крымскому министру здравоохранения, с которым она разговаривала после митинга.

– Мы договорились о встрече утром. Я почти не спала в ту ночь. Когда я позвонила ему утром, он сказал, что он не в министерстве, что кто-то штурмовал дом правительства. Он не хотел сообщать, где он находится. Позже я узнала, что он сразу же покинул Крым и уехал в Киев.

В предыдущие дни говорилось о передвижении российских войск в Крыму, но все равно все были удивлены, когда пятьдесят тяжеловооруженных мужчин в зеленой форме без знаков различия в четыре утра в четверг 27 февраля захватили здания парламента и правительства, вывесив российские флаги.

По словам Фредрика Вестерлунда из FOI, сейчас можно относительно уверенно сказать, что здание парламента штурмовал спецназ российской военной службы безопасности ГРУ. Среди людей в зеленой форме были также отряды элитных войск российской армии.

– У них были немного разные задачи. Здания политического и военного руководства Крыма штурмовал, прежде всего, спецназ ГРУ, тогда как те, что окружали военные базы и устанавливали блокпосты, в том числе на перешейке между материком и Крымом, как мы понимаем, были, прежде всего, элитными войсками российской армии, состоящими из десантных отрядов и морской пехоты.

Спецназ ГРУ использовался для штурмов, потому что был обучен захватывать здания с как можно меньшим количеством жертв, – объясняет Фредрик Вестерлунд. – Российские военные также пользовались поддержкой местных и приезжих неформальных вооруженных формирований, в том числе групп российских казаков, националистов в форме, которые считают себя потомками исторических казаков, преимущественно с южной России. Цель состояла в том, чтобы создать видимость, что это локальные, спонтанные события.

– В этом им удалось создать достаточную неопределенность, чтобы можно было с какой-то уверенностью отрицать, что это российские войска. Милиционеры размещались как прикрытие между российскими солдатами и местным населением. Тогда и журналистам было трудно определить, что это за солдаты на самом деле.

Таким образом, через несколько часов после штурма премьер-министр Крыма Анатолий Могилев узнал, что он и все его правительство отправлены в отставку парламентом, который, согласно сообщениям, собрался в захваченном здании. Также сообщалось, что 25 мая парламент решил провести референдум по расширению автономии Крыма. Но что происходило на самом деле в здании, захваченном неизвестными войсками, вряд ли кто-то мог знать. Все телефонные линии в здании были повреждены, телефоны парламентариев были изъяты, когда они зашли в здание парламента, и ни один журналист не был туда допущен. Невозможно знать

наверняка, сколько из ста членов парламента присутствовало, но, как можно предположить, их было меньше, чем те пятьдесят, которые необходимы для кворума в соответствии с законом.

Лиза Богуцкая села в свою автомашину и поехала к центру, как только услышала о штурме парламента.

– Я увидела, что здание парламента оцеплено. Это была не милиция, а люди в военной форме без знаков различия. Много людей. Они не позволяли никому подходить.

Репортер Татьяна Курманова работала в Центре исследовательской журналистики в Симферополе и была разбужена информацией о штурме парламента в пять часов утра.

– Мы немедленно отправились туда, мы были первыми на месте и стояли там, снимая, весь день. Так что мы могли видеть парламентариев, пришедших туда. Их не могло быть больше пятнадцати, потому что другой дорогой они не могли попасть. Так что очевидно, что все, что там происходило, было абсолютно незаконным.

Российский националист Игорь Гиркин, больше известный под своим военным прозвищем Игорь Стрелков, участвовал в так называемых отрядах самообороны Крыма в конце февраля. Потом он рассказывал в телевизионном интервью, что его отряды сгоняли вялых парламентариев в захваченное здание парламента, чтобы отправить крымское правительство в отставку и принять новое:

– Я, к сожалению, не видел никакой поддержки со стороны руководящих органов в Симферополе, где я оказался. Их не было видно. Отряды самообороны собрали парламентариев и затолкали их в зал заседаний, чтобы они голосовали. Я возглавлял одну из групп, я все видел собственными глазами.

Тележурналистка Елена Механик, которая вскоре подойдет к «зелёным человечкам» возле аэропорта, ехала в Крым ночным поездом из Киева в среду вечером 26 февраля.

– Я поехала сразу после большого митинга возле парламента, но когда я села в поезд, я еще не знала, насколько серьезным все окажется. Когда мы ехали, я позвонила в пресс-службу парламента, я всех их знаю, и мы договорились, что в четверг нам позволят снимать внутри в здании парламента. Когда мы утром пришли, я перезвонила. Тогда они сказали, что не могут попасть на свое рабочее место, что произошло что-то непонятное, что вооруженные люди захватили здание. Больше они ничего не знали. Мы, разумеется, сразу же принялись за работу и снимали все происходящее.

Елена Механик хотела сама сообщить о событиях в Крыму, потому что она родом оттуда, и потому что ее 12-летняя дочь тогда еще жила у ее родителей в Симферополе, где училась в украиноязычной школе.

– Это была самая большая украиноязычная школа в Крыму. Теперь она уже, конечно, не украинская. Как только все это началось, мы решили, что дочь останется дома, мы боялись, что могут быть провокации против украиноязычной школы.

Елена Механик и ее телевизионная команда работали в Крыму десять дней, чтобы документировать события. Она жила дома с родителями, другие члены команды – в гостинице. Они снимали одетых в зеленое солдат, когда те захватывали аэропорты и окружали украинские военные базы. Они сообщали также о большой украинской авиабазе Бельбек в окрестностях Севастополя, где Юлий Мамчур, командир авиабазы, со своим невооруженным отрядом шел против зеленых военных, стреляющих в воздух. Драматические телевизионные изображения с Бельбека распространились по всему миру.

Возле украинской военной базы в Феодосии в юго-восточной части Крыма впервые напали на ее команду.

– Когда мы прибыли к базе, мы увидели, что возле нее проходит пророссийский митинг. Они не давали нам подойти, они увидели, что мы с украинского канала. Они начали толкать нас, забрали мой микрофон. Когда я увидела, что казаки пытаются куда-то отвести нашего оператора, я начала снимать на телефон. Затем они забрали и телефон. Но в тот раз мы выкрутились.

В субботу 1 марта новый глава Крыма Сергей Аксенов в письме Владимиру Путину формально попросил российской помощи, чтобы «сохранить мир» на полуострове. В тот же день Путин попросил разрешение российского парламента на использование российской армии на территории Украины. Верхняя палата парламента дала свое разрешение на срочно созванном заседании уже в тот же вечер.

А несколько дней спустя начались перевозки российских военных и военного оснащения через пятикилометровый Керченский пролив на восточном краю Крыма. Но официально Россия и дальше не признавала, что люди в зеленой форме без знаков различия на самом деле являются российскими войсками, и журналисты, пытающиеся снять вторжение, не были желанными гостями. Одним из них была Ирина Седова, работающая тогда на местной радиостанции «Керчь ФМ».

– Я разговаривала с солдатами. Они получили информацию, что их повезут на обучение в Новороссийск на российской стороне, но вместо этого их отправили через пролив в Крым. Мы снимали все, паромная переправа в Керчи была действительно важным местом введения российских войск. И когда мы снимали, казаки подходили к нам и угрожали, они даже угрожали оружием, но мы все равно снимали через окна автомобиля. Затем, когда я разговаривала с украинскими пограничниками, они говорили, что командование в Симферополе приказало им замкнуть оружие. Через несколько часов вооруженные казаки подбежали и поставили их к стене. С ними были «зеленые человечки». А потом начали перевозить военную технику из России.

Украинская армия имела базу с 400 военными в Керчи, но они ничего не сделали, – говорит Ирина Седова.

– Я разговаривала с ними довольно много, потому что я делала объезды с волонтерами, которые раздавали им экипировку. Если бы они получили приказ, они могли бы заблокировать паромную переправу, когда началась перевозка российских войск. Но никаких приказов не поступало, а мы сами не могли начинать войну, – говорили они. Позже, когда стали поступать целые конвои, уже не было смысла, ведь что 400 военных могут сделать против такого количества? Так что они оставили базу и уехали.

Российские войска завозились не только через паромную переправу в Керчи, – рассказывает Фредрик Вестерлунд.

– Все отряды, которые они использовали, прибыли извне, кроме флота и одного из элитных отрядов. В Крыму был один российский отряд морской пехоты, который использовали. Кроме того, ввозили войска на самолете в аэропорт Гвардейское под Симферополем и кораблями в Севастополь. В начале марта начинают завозить регулярные российские войска через Керчь. А те, которые уже доставлены на место, владеют ситуацией, но их мало, чтобы можно было сопротивляться, если бы украинские отряды решили сделать что-то серьезное.

Отсутствует точная информация о количестве российских войск в Крыму на том этапе, но, вероятно, речь шла сначала о нескольких сотнях, а в конце февраля, возможно, о двух тысячах солдат. Когда регулярные войска начали вливаться в течение второй недели марта, их число увеличилось на одну или две тысячи, возможно, немного больше. Россия ввезла также боевые вертолеты, которые демонстративно летали над еще не сдавшимися украинскими военными базами.

За первую неделю марта телевизионной команде Елены Механик удалось посетить несколько украинских военных баз в Крыму, взять интервью у военных и задокументировать, как одна за другой забирались базы. Но украинские журналисты больше не были желанными гостями в Крыму, и 7 марта на команду снова напали, на этот раз возле базы противовоздушной обороны под Севастополем.

– Там работало много женщин, и я планировала сделать репортаж о женском празднике 8 Марта. Мы были первыми журналистами, которых вообще туда пустили, потому что база секретная, огромный подземный бункер. Они контролировали воздушное пространство над всем Черным морем и северное направление до самого Николаева.

Телевизионную команду впустили, и женщины-военные рассказывали, как это работать в подземном бункере, когда ситуация на земной поверхности неуправляема. Получился хороший репортаж о женском празднике, – считала Елена Механик.

– Мы уже уехали оттуда, было, пожалуй, восемь вечера. И тогда командир базы звонит и просит вернуться. Они сейчас штурмуют нас, – говорит он. Конечно, мы возвращаемся, – отвечаю, потому что не могла догадаться, что из этого получится.

Поскольку большинство украинских журналистов находилось в Симферополе, на 80-километровом расстоянии, команда Елены Механик прибыла первой, вместе с другой командой ее канала «Интер», уже находящейся в Севастополе. Последующие события были кошмаром, что наводит на мысль о романе «Остров Крым» Василия Аксенова 1981 года.

В романе Крым из-за капризов истории никогда не стал частью Советского Союза. После Гражданской войны в России Белая армия забаррикадировалась в Крыму, который в книге не полуостров, а остров. Там успешно развивалась рыночная экономика с процветающей демократией и свободной прессой. Но крымчане недовольны, они тоскуют по лону своей великой родины, они голосуют за воссоединение с Советским Союзом – и тогда могут в прямом эфире следить за тем, как советская армия входит в Крым и разбивает оснащение телевизионных репортеров, пока трансляция внезапно не прерывается.

– Мы начали снимать двумя камерами. И, кроме того, у меня была такая миниатюрная камера, как спичечный коробок. Я получила ее от нашего оператора. Он сказал, чтобы я снимала ею, если что-то случится. Они протаранили ворота огромным армейским грузовиком. Шестьдесят российских солдат перелезли через стену. Но тогда на них была еще форма без знаков различия. Они окружили всю базу и взяли в плен командира. Все женщины-военные, у которых мы раньше брали интервью, были теперь заперты в бункере. Мы стояли снаружи и снимали.

Штурм сумел снять только канал Елены Механик, это произошло, прежде чем другие журналисты добрались до места происшествия. И когда они снимали, автомашиной приехали две женщины.

– Они сказали, что они местные жители и потребовали, чтобы мы уехали. Ничего здесь не происходит, – сказали они.

Оператор ответил, что на самом деле события происходят, и показал женщинам, что ему удалось снять весь штурм базы. Женщины резко повернулись, запрыгнули в свою машину и скрылись.

– Нам надо позвонить, – сказала одна из них другой. Тогда я не думала об этом, но позже поняла, куда они звонили.

Через пятнадцать минут появились четыре автомобиля с крепкими мужчинами в масках. Некоторые были одеты в камуфляжную форму, другие – в спортивную одежду, но на всех были балаклавы, – говорит Елена Механик.

– На одной из машин было написано что-то вроде «Нет фашизму». Эти мужчины в масках немного понаблюдали, чем все занимаются, и, кажется, пытались выведать, что нам удалось снять. И вот вдруг они начали избивать журналистов, жестоко и целенаправленно. Мой оператор потерял пять зубов. Я стояла там будто парализованная, но меня спас греческий журналист Костас Онисенко. Он втолкнул меня в нашу машину.

– Мы ехали как можно быстрее. И мы позвонили нашему другому водителю и предупредили его, чтобы он не возвращался туда, а попытался спрятаться где-то в Севастополе. Поскольку была еще одна проблема: блокпосты на выездах из Севастополя. Там стояли казаки и обычные работники автоинспекции, а также самые разнообразные странные люди. Сепаратисты, я имею в виду. Во всяком случае, мы поехали, но через несколько минут мы заметили, что кто-то за нами едет следом. Мы пытались оторваться, но не сумели.

Был поздний вечер, и было темно. В безлюдном месте преследователи догнали машину телевизионной команды, одна машина перегородила дорогу, и выскочили люди в масках.

– У меня была видеокамера на груди. Один из мужчин резко открыл дверцу, потянул к себе камеру и начал крушить ее об автомобиль. Он бил, пока не остались одни обломки. Мы кричали водителю, чтобы он трогался, и нам удалось проехать еще немного. Все время звонил мой телефон. Мне до этого удалось дозвониться до журналистки из канала ATR, рассказать, что нас нападают, и предупредить ее, чтобы они не посылали туда своих журналистов.

Журналистка из крымскотатарского канала ATR в свою очередь предупредила других коллег о нападении на журналистов, и теперь на Елену Механик охотится также редактор популярной программы актуальных событий на украинском телевидении, чтобы она приняла участие в прямом эфире. Руководителю программы Шустеру всегда удается собрать самых актуальных лиц в своей передаче, и именно сейчас новый глава Крыма Сергей Аксенов на прямой связи из Симферополя. Он только что объяснил всей Украине, что в Крыму все спокойно – и в то же время начинает поступать информация о насильственном нападении на журналистов там, возле украинской военной базы, которую штурмуют.

– Я кричу в телефон, что не могу принять участие ни в каком прямом эфире, что кто-то преследует нас, что они отрезали дорогу, и это может закончиться ужасно. Именно тогда я вижу, что автомашины остановились возле нас, так что я заканчиваю разговор и выключаю звук в телефоне. Я запихиваю его за пазуху, а вместе с ним маленькую камеру. Те мужчины выходят из своих машин и начинают бить по нашему автомобилю палками. Они бьют изо всех сил, я чувствую, как машина будто коробится при каждом ударе. Я понимаю, что сейчас случится что-то ужасное.

Напавшие резко открывают дверцу автомобиля и вытягивают мужчин, только Елена Механик продолжает оставаться на заднем сиденье. Она не решается больше выглядывать

наружу, она главным образом вперяет взгляд вниз, но слышит, что начинают бить коллег. В то же время телефон вибрирует за пазухой.

– Мне надо было бы выключить его целиком, а не только звук. Теперь каждый пытается дозвониться ко мне, потому что меня упоминали в программе Савика Шустера. И моя мать, сидевшая перед телевизором в Симферополе с моей дочерью, вся в истерике, потому что как-то неправильно поняла то, что было сказано об отрезанной дороге. А я очень боюсь, что эти люди в масках услышат вибрирование телефона, поэтому держу руку на груди и делаю вид, что закашлялась.

Когда Елена Механик тайком выглядывает наружу, она видит, что греческий журналист Костас Онисенко лежит на земле и истекает кровью. Напавшие все еще бьют других и все время кричат, чтобы украинские журналисты никогда не возвращались в Севастополь.

– Потом они начали собирать наши вещи, все наше оборудование. Меня не трогали, но взяли мою сумочку, высыпали содержимое и забрали все: все карты памяти и SIM-карты, и USB-флешки. Но самое важное я сняла миниатюрной камерой, которую спрятала за пазухой. Я сидела там, на заднем сиденье, вытаращив глаза, они копаются в моем кошельке, тычут им мне в лицо и спрашивают, почему там так много карт. Достаточно идиотские вопросы. На украинских военных базах, которые мы посещали, солдаты подарили мне форменные нарукавные знаки. Когда они находят знаки, то это как будто показали красный флаг быку, они начинают орать, как сумасшедшие. Затем они находят мой внутренний паспорт с регистрацией в Крыму. Теперь мы знаем, где ты живешь, – говорят они и начинают разглагольствовать о том, что могут сделать с членами моей семьи.

В то же время новый глава Крыма Сергей Аксенов на телевидении повторяет, что в Крыму все спокойно, он уже позвонил, и его проинформировали, что отряды самообороны никому не угрожают, и никакого штурма бункера противовоздушной обороны под Севастополем нет.

Украинские общенациональные телеканалы уже отключены в Крыму, поэтому, чтобы крымчане могли увидеть программу Савика Шустера, она в тот вечер также транслировалась крымскотатарским каналом ATR, «единственным украинским каналом, оставшимся в Крыму», – как говорит Шустер в начале передачи.

Шустер всегда говорит по-русски на телевидении, но его программа – это нечто иное, чем так называемые дискуссионные программы на российском телевидении, где ни у кого нет права усомниться в мудрости государственного руководства. Последний раз крымчане смогут увидеть программу, в которой сторонники присоединения Крыма к России и те, которые хотят, чтобы Крым остался в составе Украины, кричат в рот друг другу, но время от времени также дискутируют почти цивилизованно. Сотрудники Шустера сделали представительный отбор крымчан и пригласили их в студию в Киеве, чтобы они сказали в прямом эфире, что они думают.

– Даже для разводов существуют правила. Если мы хотим разъединиться, мы должны стараться делать это цивилизованно, – говорит Савик Шустер в камеру, а потом улыбается немного смущенно, когда его гости в телестудии не могут придерживаться нормального тона диалога.

Тем временем продолжается избиение журналистов возле автомашины в Севастополе, где Елена Механик сидит и дрожит от страха.

– Они разбили все камеры, они забрали все наши документы и карты памяти. Я слышала выстрелы, и тела забрасывали в багажники. Я не знаю, что происходит, потому что

одновременно кто-то светит мне в лицо и допрашивает меня. Но потом кто-то звонит одному из этих мужчин, и вдруг они успокаиваются, бросают нам ключи от машины и говорят, что мы можем ехать. Это было так, словно телефонный звонок раздался из параллельной вселенной, я не знаю, кто позвонил, но, наверное, кто-то, кто смотрел программу Шустера, где принимал участие Аксенов.

Те, которые еще не лежали в багажнике, сломя голову сели в машину и уехали. Когда они уже были на некотором расстоянии от нападавших, они остановились, чтобы посмотреть, как чувствуют себя два человека, которые лежат в багажнике. Они живы. Пули в них не попали, нападавшие, кажется, стреляли в воздух, чтобы запугать. Но ужас не прошел, побитая автомашина, по-прежнему находилась между блокпостами сепаратистов.

– Когда мы приезжаем к блокпосту, нас, разумеется, останавливают. Там стоят казаки и люди в зеленой форме, а также обычные работники автоинспекции. Для меня милиционеры всегда означали закон и порядок, так что я делаю несколько шагов в направлении к этому работнику автоинспекции – и он смеется мне прямо в лицо.

Оказалось, что все на блокпосту уже знали, что произошло.

– Все казалось театром абсурда. Они сделали вид, что обеспокоены, и спросили, случилось ли с нами что-то, но было совершенно ясно, что они только смеются над нами. Нет, нет, все в порядке, – заверили мои коллеги, хотя они были залиты кровью.

Автомобиль еще раз обыскали, и теперь избитые журналисты могут свободно ехать в направлении Симферополя.

На следующий день, после того как Елена Механик получила несколько странных телефонных звонков и после того как неизвестная машина появилась у дома ее родителей, вся группа решает оставить Крым как можно быстрее. Но нападавшие украли все паспорта, и видимые раны избитых журналистов, несомненно, привлекли бы внимание на новых пограничных пунктах контроля сепаратистов.

– Наша телекомпания помогла им вылететь из Крыма без документов. Они уехали в тот же день. Я не могла поехать с ними, я должна была вывезти также дочь и родителей. У них были паспорта, а у меня не было. Мы взяли только самые необходимые вещи, мы были как настоящие беженцы, когда заняли спальное купе. Проводницей была украинская женщина, которая хорошо понимала, что происходит. Она сказала, что перед отправлением поезда из Севастополя какие-то люди искали журналистов, заставляли пассажиров раздеваться и рылись во всех чемоданах.

8 марта, когда Елена Механик оставила Крым со своей семьей, контроль киевского поезда еще был нерегулярным, и она надеялась на успех.

– Но я все еще боялась, что та «самооборона» войдет в поезд в Джанкое, непосредственно перед границей, и меня от этого бросало в дрожь. Я ждала только, чтобы мы переехали перешеек, чтобы мы достигли материковой земли, чтобы я могла почувствовать себя в безопасности. И когда мы наконец были там, у меня потекли слезы. До того как все произошло, я не могла плакать. Я ничего не чувствовала, просто текли слезы.

Через восемь дней, 16 марта, новая власть в Крыму организовала свой референдум, который с молниеносной скоростью провели на два месяца раньше, чем объявили. На официальных афишах Украина изображалась как нацистская Германия. Согласно официальным результатом, 97 процентов проголосовало за присоединение к России. Для тех, кто был другого мнения, самым мудрым было молчать. На следующий день после голосования нашли тело Решата

Аметова, крымского татарина, которого «самооборона» вывезла двумя неделями ранее, когда он участвовал в митинге против российской оккупации. На его теле были следы пыток.

18 марта Владимир Путин выступил со своей исторической речью перед обеими палатами российского парламента и провозгласил, что Крым принят в состав Российской Федерации.

Будто по тайному сигналу парламентарии неоднократно вставали, аплодировали и скандировали: «Россия! Россия!». Церемония завершилась подписанием соглашения с представителями новой пророссийской власти Крыма под аккомпанемент российского гимна, старой советской мелодии, которую Путин вновь вернул в первый год своего правления.

Хотя многие детали аннексии Крыма остаются неизвестными, очевидно, гладко проведенная масштабная военная операция России была запланирована задолго до этого. Когда ситуация в столице Украины в конце февраля 2014 года вдруг стала хаотичной и в течение нескольких дней было непонятно, у кого власть, российские правители воспользовались возможностью и осуществили свой план.

НА АННЕКСИРОВАННОЙ ЗЕМЛЕ

Когда я приземляюсь в Симферополе спустя полгода после тех событий, аэропорт уже не международный. Окружающий мир не признает российской аннексии Крыма. ИКАО, авиационная организация ООН, не признает российского контроля над крымским воздушным пространством. Поэтому сюда летают только российские авиакомпании, и только из России. Я выбрал послеобеденный полет «Уральских авиалиний» из Москвы.

Первое, что вижу на аэродроме, – это огромный флаг России на высокой красно-белой полосатой мачте. Небольшой зал для прибывших охраняется пятью российскими полицейскими, и когда чемоданы после получасового ожидания наконец появляются на конвейерной ленте, их надо отдать в полицию на рентген, прежде чем их можно будет выносить. Когда я потом попытался открыть чемодан, оказывается, что цифровой код больше не работает, и я должен ломать замок. Конечно, это просто случайность. Но здесь легко заподозришь.

Середина сентября, и в Крыму тепло – многие еще в шортах. Это самая южная часть Украины, если верить ООН, ЕС или украинскому правительству. Но почти все, что я вижу, намекает, что на самом деле речь идет о России. На припаркованных машинах все еще украинские номера, а расплачиваются российскими деньгами. Водитель упорно предлагает мне поездку в центр за шестьсот рублей, примерно втрое дороже обычной цены. Вместо этого я выбираю маршрутку, которая стоит десять рублей. До аннексии цена была 2,75 украинских гривен, но на табличке в передней части автобуса старая цена закрыта бумажкой. Хотя, кажется, старые правила для пассажиров автобуса продолжают действовать.

Информационная табличка только на русском языке, так же, как всегда почти все было в Крыму.

Над передним окном водитель автобуса повесил российский флажок.

Здесь только что проходили местные выборы, и по дороге от аэропорта до центра стоят рекламные щиты партий. Коммунист Зюганов обещает «честное руководство», тогда как партия Путина, «Единая Россия», напоминает, что она «команда победителей». Самое забавное послание националистической партии Владимира Жириновского: «Голосуйте за нас – или терпите старых правителей». Не совсем ясно, каких старых правителей имеет в виду Жириновский – ведь предыдущее, демократически избранное правительство Крыма отправлено в отставку российской армией в конце февраля.

Все партии, имеющие право участвовать в сентябрьских выборах, конечно, поддерживают аннексию Крыма Россией. Быть против было бы сепаратизмом, серьезным преступлением в России. И все региональные партии тоже запрещены в соответствии с законодательством.

Часть города, где расположен аэродром, называется Комсомольское в честь молодежной секции Коммунистической партии Советского Союза. После современного центра Москвы поездка в столицу Крыма воспринимается как ностальгическая экскурсия в бетонно-серые воспоминания о покрытых пылью постсоветских девяностых. И не удивительно. Россия и Украина – как две одинаковые бутылки с минеральной водой, – шутили когда-то украинцы. Разница лишь в том, что украинская бутылка без газа. Газ поступает из России. И нефть. Деньги текут в обратном направлении.

В первую очередь не компетенция Владимира Путина вызвала резкий рост экономики России на рубеже тысячелетий, а быстрое повышение мировых цен на нефть.

Тогда Путин ловко использовал благоприятную экономическую ситуацию, чтобы укрепить государственную власть, чтобы обуздать сверхбогатых олигархов, чтобы управлять СМИ – и чтобы создать иерархическую систему, сделавшую его незаменимым отцом нации. Между тем Украина оставалась в ловушке продолжения российских 90-х годов прошлого века, в положительном и отрицательном смысле. В то время как соседние страны Россия и Польша переживали быстрый экономический рост – Россия, как уже отмечалось, прежде всего, из-за повышения цены на нефть, Польша – в результате успешных реформ, Украина со своей устаревшей тяжелой промышленностью и коррумпированным управлением застряла в прошлом. Олигархи, сумевшие забрать при развале Советского Союза честным или нечестным путем промышленные предприятия и другую собственность, дальше правили страной, в которой почти все было доступно за деньги, будь то решение налогового органа или место в парламенте, или решение Конституционного суда. Импорт российского газа, который чрезвычайно важен для украинской экономики, был монополизирован подозрительными компаниями, анонимные владельцы которых зарабатывали миллиарды.

И политическая жизнь в Украине в значительной мере была театральным представлением, которое ставили олигархи или из-за кулис, или непосредственно из правительства. Странные приватизации тяжелой промышленности в пользу олигархов с правильными связями здесь и далее проходили еще долго после наступления нового тысячелетия. Но поскольку группы олигархов имели различные интересы, это означало также, что, в отличие от России, в Украине никто не мог полностью монополизировать политику или средства массовой информации. Даже в самые трудные времена нельзя было заставить замолчать критические голоса в Украине. Во время двух революций 2004 и 2014 годов народ поднялся, чтобы положить конец вечно коррупционным 90-м годам. И оба раза протестовали против Виктора Януковича, человека, который в 2004 году получил открытую поддержку Владимира Путина и который сам пытался завоевать благосклонность электората как «украинский Путин».

На этот раз, кажется, Януковича изгнали навсегда. Самого же его российская армия тайно переправила в Россию через Крым за несколько недель до аннексии.

Наконец мой автобус добирается до большого транспортного кольца к северу от центра города. Мы проезжаем три четверти кольца и проходим огромный советский жилой колосс из бетона. Это Московская площадь. Водитель снижает скорость на склоне, и вскоре мы добираемся до части города, где я планирую жить – такие же бетонные коробки 70-х годов прошлого века. Улица была названа в честь Кечкемета, венгерского города-побратима Симферополя. Возле автобусной остановки нахожу маленькую продуктовую лавку, витрину которой продолжает украшать реклама в цветах Украины, желтом и синем, и текст по-украински: «Шостка» – улюблений сир моєї родини». Захожу в магазинчик и покупаю продукты. И лавка будто непосредственно взята из российских 90-х годов прошлого века – все товары за прилавком, и грубое овсяное печенье, которое я прошу, продавщица берет по одному из большой коробки и взвешивает. Молоко привозят из Нальчика в материковой части России. Когда я позже открываю пакет, оказывается, что молоко уже скисло, хотя еще остается несколько дней до истечения срока годности. Это совсем не редкий случай, узнаю я позже – доставки с материковой части России не всегда работают так гладко, как бы того хотелось.

Небольшая однокомнатная квартира, которую я нашел через Интернет, принадлежит Алексею. Сам он в настоящее время живет в квартире своих пожилых родителей на той же лестничной площадке ветхой советской пятиэтажной бетонной коробки. Семья нуждается в

дополнительном доходе, потому что отец тяжелобольной и регулярно ездит в Москву на лечение.

– Здравоохранение теперь, когда мы принадлежим к России, бесплатное. А в Москве есть хорошие специалисты, они говорят, что лечение раковых пациентов у нас отстает в развитии на несколько десятилетий. Но билеты на самолет не бесплатные, – говорит Алексей.

Громоздкий телевизор в углу комнаты показывает только российские каналы.

– Раньше были другие каналы. Это информационная война, – говорит Алексей.

На стене прихожей все еще прикреплен советский электросчетчик, изготовленный в 1972 году, на что указывает отметка, выдавленная на бакелитной коробке. Однако два старомодных фарфоровых предохранителя заменены на современные автоматические, которые прикреплены болтами на коричневом бакелите. На лестничной клетке висит хаотическая куча проводов и по-современному упорядоченный серый металлический шкаф. Это подключение к Интернету. Когда подсоединяюсь к нему, IP-номер показывает, что я нахожусь где-то под Киевом в Украине. Установленные линии связи Крыма остаются подключенными к общей сети Украины. Но если я вместо этого подсоединяюсь к сети со своего мобильного телефона с российской SIM-картой, то узнаю, что нахожусь в районе Краснодара на юге России. Сеть мобильной связи теперь подключена к России, и только самые упрямые украинские патриоты продолжают использовать свои украинские SIM-карты. Они должны оплачивать дорогие международные звонки, чтобы позвонить своим соседям.

Вечером я гуляю по городу с Павлом – эсперантистом, врачом и блогером, которого я уже немного знаю по Интернету. Он русскоязычный, родился и вырос в Крыму, – и он против аннексии. Она не состоялась должным образом, – говорит он. Действительно, он и другие работники бюджетной сферы получили более высокую зарплату, хоть и цены тоже поднялись. Но это не самое важное, – считает он.

В своем русскоязычном блоге он до последнего момента пытался приводить аргументы против аннексии. Это означало бы конец демократии и свободы выражения мнений, и привело бы к тому, что маргинальные пророссийские политики с сомнительным прошлым пришли бы к власти. Во многих аспектах произошло именно так. Но в последнее время сам Павел больше не в силах интересоваться политическими вопросами. У него просто нет желания думать об этом, возможно, это какой-то защитный механизм, – говорит он.

Но сколько людей в Крыму думает, как он? Об этом почти невозможно узнать. Согласно опросам, поддержка присоединения к России в последние годы перед аннексией колебалась от чуть менее 30 до чуть более 40 процентов. Один опрос в мае 2013 года указывает на поддержку лишь 23 процентов. Даже если поддержка, возможно, возросла в связи с неясной ситуацией в Киеве, она, конечно, никогда не приближалась к тем 97 процентам, которые показывает официальный результат референдума. Но все-таки можно поверить, что большинство крымчан поддерживает аннексию или, по крайней мере, открыто не выступает против нее. Ведь понятно, что на сторону сильного переходят легко, особенно тогда, когда твое, не такое, как у всех, поведение может тебе только навредить.

Не только бетонные окрестности, но и центр Симферополя имеет четкую атмосферу провинциальной России 90-х годов прошлого века. Многие здания однозначно нуждаются в ремонте, а небольшие, часто немного изношенные магазины даже в центре не были заменены большими торговыми сетями и роскошными торговыми центрами. Движение на узких улицах интенсивное, и уши не имеют права на отдых даже в детском парке на проспекте Кирова –

российская попса звучит из громкоговорителей, которые прикреплены к каждому электрическому столбу. Дети Симферополя получили новые игрушки: большие трамплины, нижняя часть которых окрашена в цвета российского флага.

Мы проходим мимо восьмиугольного здания парламента в советском стиле. Здесь все началось в феврале. Когда я позвонил Павлу на второй день после штурма парламента, он уже побывал в центре города, чтобы посмотреть, что происходит. Однако он долго не был уверен, что парламент действительно захватили российские военные – это казалось слишком невероятным. Но это было очевидным, – говорит он теперь, – он просто не хотел верить.

И он был не единственным. Почти все эксперты, и на Западе, и в России, до последнего момента были уверены, что Россия не собирается ни покорять Крым, ни отправлять войска в Украину. Ведь даже если мы в своей повседневной жизни вынуждены считать, что разные люди могут иметь разные взгляды на мир, разные понятия о морали и различные приоритеты, мы на удивление часто ожидаем, что те, кто принимает политические решения в других странах, должны поступать так, как мы сами сделали бы в подобной ситуации, в соответствии с критериями, которые мы сами считаем очевидными и бесспорными. Это называют зеркальным мышлением – мы предполагаем, что все остальные думают так же, как и мы.

Поэтому предположение, что Россия может аннексировать Крым, казалось абсолютно иррациональным. Не было никаких конкретных угроз русскоязычному населению в Крыму или где-либо в Украине. Военное вмешательство России означало бы большие экономические потери и ухудшение условий жизни для значительной части российского населения. Кроме того, агрессивные действия со стороны России означали бы международную изоляцию страны и усиление присутствия НАТО в Европе.

И все же это произошло.

Российская аннексия Крыма стала поворотным моментом в послевоенной истории Европы, всего значения которого мы пока не можем оценить. До этого мы жили в мире, где было немыслимо, что границы стран в центре Европы могут быть изменены с помощью военной силы. В мире, где уважают сделанные обещания и принятые договоренности. Но теперь может случиться что угодно. А может, всегда было так – мы просто не решались увидеть, что скрывается по ту сторону зеркала?

Теперь, во всяком случае, государственный герб Украины удален с фасада парламента в Симферополе и текста на трех языках на фасаде уже нет. Новая вывеска только на русском, хотя российский Крым имеет на словах три официальных языка: русский, украинский и крымскотатарский. Единственное официальное здание, на котором я во время своего визита вижу трехъязычную вывеску, – это старое российское консульство поблизости. Консульство теперь стало «Представительством Министерства иностранных дел Российской Федерации в Республике Крым».

В крупном торговом центре, кажется, находится единственный современный супермаркет в центральной части города: можно самостоятельно класть продукты в свою корзину для покупок. Но не оплачивать карточкой. Банковские карточки, которые еще имеются у Павла, теперь просто сувениры из прошлой эпохи: украинские банки в Крыму закрыты, деньги со счета снять нельзя, а зарплата выплачивается наличными.

Взявшим кредиты в украинские времена, с другой стороны, не нужно думать о возвращении, – так сказал Владимир Путин во время своей «прямой линии» по телевидению, когда один крымчанин спросил, что ему делать с кредитом, который он взял, чтобы купить автомобиль.

«Катайтесь спокойно. Не хочет господин Коломойский с Финкельштейном получать деньги с вас, это их дело», – пояснил президент. Сразу же после этого он пообещал, что владельцы депозитов в закрытых банках получат компенсацию от российского государства. Но бюрократия настолько сложна, что Павел до сих пор не хочет заниматься этим делом.

– Во всяком случае, у меня не очень много денег на том счете.

Но есть и другие, которые пытаются удвоить сэкономленный капитал, требуя те же деньги и от российского государства, и от своего украинского банка.

Как бы там ни было, украинские банковские карточки больше не работают. Павел не знает ничего о банкоматах, которые, возможно, работают, когда я спрашиваю. Он немного сомневается в том, возможно ли в Крыму вообще снять деньги с помощью иностранной банковской карточки.

Первый банкомат не работает. Второй шумит какой-то момент в раздумьях, но наконец выплевывает стопку гладких российских рублей. Я спасен. Лишь через три месяца Крым фактически будет отключен от международной системы переводов кредитными карточками.

На маленькой пешеходной улице мы вдруг встречаем российского политика-популиста Владимира Жириновского. Ближе оказывается, что это картонная фигура в натуральную величину. Он стоит у стеклянного павильона, который называет себя «первым российским кафе в российском Крыму». Павильон стоит посреди пешеходной улицы без необходимых разрешений, и поэтому ему грозил снос. Но владелец «первого российского кафе» быстро обзавелся хорошими связями, и, когда снос должен было начаться, оказалось, что в павильоне полдничает российский парламентарий из партии Жириновского. Это же совершенно случайно. С тех пор картонный Жириновский стоит у павильона и охраняет свою новую территорию, которой больше никто не смеет угрожать.

РУССКОЯЗЫЧНЫЙ ЧЕРЕП

На письменном столе лежат три распиленных человеческих черепа, рядом с газетами, ручками, мобильным телефоном и российской пятирублевой купюрой. Они пластмассовые, не так ли, – говорю я, размышляя, и касаюсь пальцами одного из черепов. Действительно, на ощупь это пластмасса.

– Нет, что вы! Конечно, это настоящие черепа, мы сами готовим их, – говорит мой знакомый Павел, врач. Он берет один из черепов в руки и показывает золотой зуб. Я чувствую себя некомфортно, думая о том, что я только что касался черепа умершего человека, и уже не так некомфортно, когда думаю о том, что три врача, сидящие сейчас в маленьком кабинете, ежедневно в своей работе используют фрагменты умерших людей.

– Так мы здесь работаем, мы всегда используем подлинные материалы человеческих тел, а не пластмассовые учебные модели, – объясняет Павел.

Затем он улыбается и продолжает:

– Ведь это, конечно, русскоязычный череп.

Два других врача в комнате, Петр и Гуливер, криво улыбаются. Да, шутка немного грубоватая, но всем трем так надоела российская телевизионная пропаганда об украинских фашистах, распинающих русскоязычных детей, или какие-то другие актуальные сказки. Итак, само собой разумеется, что гнусные врачи держат на своем столе именно русскоязычный череп, – объясняет Павел.

Мы пьем чай на втором этаже флигельного здания института нормальной анатомии Крымского медицинского университета в Симферополе. Павел ставит свою чашку на стол, как раз возле трех черепов.

И действительно, именно русскоязычного черепа я только что касался своими пальцами – в Крыму почти все русскоязычные: и сам Павел, и Петр, даже если у них есть родственники также в Украине. И Гуливер преимущественно говорит по-русски, даже у себя дома, даже если он крымский татарин. Украинский все трое изучали как иностранный язык. Однако все они противники российской аннексии Крыма. Ни один из них не участвовал в непризнанном референдуме 16 марта.

– Но я полагаю, что для большинства это не слишком важно, при условии, что они получают заработную плату. Особенно, если зарплата даже растет. Если им говорят по телевидению, что теперь так должно быть, их это устраивает, – говорит Гуливер.

У Петра есть брат, который до недавнего времени служил в украинской армии в Крыму. Некоторые из его товарищей перешли на сторону России, но этого не захотел делать брат Петра. Он уже выехал из Крыма и служит в другом месте в Украине. Родственники в России никак не могут понять, почему он и Петр не приветствовали присоединение к России – родные же смотрели телевизор и узнали, что новое украинское правительство состоит из фашистов. И от тех фашистов спасли крымчан.

– Когда я говорю по телефону со своей тетей из России, она совсем не слушает то, что я говорю, она просто повторяет то, что услышала по телевизору. «Я доверяю нашему правительству», – говорит она все время.

Другой коллега заходит в комнату, собирает какие-то вещи, но опять быстро выходит, когда понимает, о чем разговор. Коллега поддерживает аннексию, узнаю позже. Или «воссоединение», как теперь это официально называют.

– Так становится легче, избегают говорить о политике с теми, у кого иная точка зрения, тогда легче говорить о другом, – говорит Гуливер.

Он сам хочет и дальше считать себя гражданином Украины, хотя вопреки своему желанию получил российский паспорт.

– Они говорят мне, что я теперь гражданин России, и я должен принять паспорт, если я и дальше буду работать здесь.

Однако большинство крымчан сохранило и свои украинские документы. Если они переезжают новую границу, они могут сначала показать российский паспорт российским пограничникам, а потом украинский паспорт – украинский охранникам.

Павел хочет показать мне музей анатомического института, и мы уходим с небольшого кабинета. На лестнице мы проходим мимо цветного портрета строгого лысого мужчины в голубой куртке и с бакенбардами, которые были популярны в 19-м веке. Этот человек – Николай Иванович Пирогов.

Анатомические исследования в Крыму начались с 50-х годов 19-го века, когда Россия пыталась усилить свое влияние на Ближнем Востоке и в черноморском регионе. В конце 18-го века Россия завоевала Крымский полуостров, который до этого принадлежал Османской империи. Когда Россия несколько десятилетий спустя хотела завоевать другие территории, колониальные государства Великобритания и Франция решили остановить такое развитие событий. Следствием этого стала кровавая Крымская войны, во время которой Николай Иванович Пирогов основал современную военную хирургию.

После вскрытия многих замороженных тел Пирогов смог опубликовать свой большой анатомический атлас, который сыграл важную роль в дальнейшем развитии хирургии. «Mortui docent vivos» – умершие обучают живых – это написано на фасаде главного корпуса института анатомии. Музей расположен в широком коридоре на втором этаже. На полках – старые хирургические инструменты и стеклянные сосуды с препарированными человеческими органами, на которые я предпочитаю не смотреть вблизи. На почетном месте устроена выставка под названием «Пирогов в Симферополе» с картинами масляными красками, показывающими великого хирурга за работой, и с четырьмя восковыми фигурами: лежащим выбритым пациентом, медсестрой и двумя задумчивыми бородатыми мужчинами в одежде 19-го века. Сходство с портретом не бросается в глаза, но человек с большой бородой из двух лысых, видимо, должен изображать Пирогова.

Согласно настенной табличке, выставка принадлежит «Министерству здравоохранения СССР, Медицинскому институту Крыма». Никто не успел поменять табличку после распада Советского Союза, и с этим все в порядке, потому что это снова актуально. Украинский государственный медицинский университет должен стать российским. Но еще не совсем ясен вопрос о будущем статусе университета и о том, какому российскому министерству он должен подчиняться. Именно это беспокоит Татьяну Фоминых, директора анатомического института. Это обязательно должно быть министерство здравоохранения, как это было на Украине, потому что министерство образования совершенно не разбирается в системе здравоохранения, в которой новые врачи должны работать после получения дипломов, – считает она.

Но это на самом деле единственное, что ее беспокоит, совершенно очевидно, что все станет только лучше теперь, когда наконец Крым вернулся домой, в Россию, – говорит она, кипятя воду для кофе в своем маленьком кабинете.

– Не слушайте Павла и тех других, которые продолжают жаловаться на все, я не понимаю, о чем они думают. Они, вероятно, просто решили, что не любят Россию, и поэтому во всем будут винить Россию.

Действительно, некоторые украинские студенты оставили университет, но появились другие – крымчане, которые больше не хотят учиться в Украине, и русские из других частей Украины, которые сейчас решили учиться здесь. И болтовня о проблемах с выплатой заработной платы является необоснованной. Да, действительно, украинские банки были закрыты и банкоматы перестали работать. Но россияне быстро подготовили наличность, которая была доставлена в университет, чтобы выплатить зарплату. И заработная плата выросла намного больше, чем цены. Кроме того, не экономика важна, а факт, что наконец Крым нашел свой путь домой, в Россию, и здесь нет войны, – отмечает Татьяна Фоминых.

И все прошло вполне спокойно, – говорит она. Сама она почти не видела следов всемирно известных ныне «зеленых человечков», только военный автомобиль, который стоял рядом с университетом недолгое время. Да, действительно, были солдаты у здания парламента, но это далеко.

– Вообще никто не думал, что это может произойти. Я очень волновалась, когда в Киеве начались демонстрации, так как понимала, что это плохо закончится. У меня есть знакомый в службе безопасности, я иногда встречаюсь с ним, потому что он отвечает за разрешения на пребывание иностранных студентов и подобные вопросы. И только за несколько дней до событий я спросила его, что будет. Он сказал, что Крым никак не может войти в состав России по нескольким причинам. Но что же нам делать, – удивлялась я, – ведь те из Украины придут сюда и убьют меня.

Татьяна Фоминых не знает, как доходчиво объяснить, почему теперь украинцы захотели бы вдруг убить ее и все других русскоязычных в Крыму. Но они угрожали сделать это, – настаивает она.

Во всяком случае, все было вполне спокойно в Симферополе и до того, как появились зеленые солдаты, и после того, – говорит она.

– Все произошло очень неожиданно. Из Крыма в Киев долгий путь, длиннее, чем в другие части страны, и море между нами и материком, так что здесь было спокойно. И вот вдруг мы просыпаемся утром и узнаем, что парламент захвачен солдатами, которые защищают здание. Я обрадовалась, потому что поняла, что это наши люди, а не украинцы.

Как вы это узнали?

– Я просто поняла это. Накануне вечером я была крайне встревожена после митинга, я думала, что здесь будет война. То, что происходит на Украине, – это же ужасно, вряд ли там можно сказать полслова по-русски, хоть они делают вид, что у них демократия. Но это не так.

Многие в России на самом деле убеждены, что сейчас опасно для жизни говорить по-русски в Украине. Наверное, это не удивительно, учитывая то, что большинство россиян получает информацию о событиях из соседней страны через государственные пропагандистские каналы. Большее удивление вызывает то, что даже в Крыму, похоже, многие верят в эти российские телевизионные сказки, хотя они должны знать по своему собственному опыту, что именно русский, а не украинский является основным языком в большей части страны, например, в столице Киеве. Да, все вывески на украинском языке уже много лет, но почти все разговаривают между собой по-русски. Во время моего последнего посещения Киева осенью 2014 года, когда уже долго длилась война на востоке, лишь однажды кассирша в супермаркете обратилась ко мне по-украински. Сразу же позади меня в очереди другой клиент немного повеселился украинским словом относительно полиэтиленового пакета, которое употребила кассирша. Но беззлобно, скорее шутливо. Торба? – повторил он. Действительно, звучит

немного забавно по-русски, не как обычный полиэтиленовый пакет, а, скорее всего, как наплечный мешок крестьянина в древние времена. Да, конечно, торба или торбочка, – ответила кассирша по-украински со смехом. Вот и все. После я слышал, что именно эта кассирша известна тем, что всегда говорит по-украински. Следовательно, так мало людей разговаривает по-украински в Киеве публично, что только это может стать темой обсуждения – и все равно российская пропаганда утверждает, что говорящий по-русски в Киеве рискует быть избитым.

Это, разумеется, не означает, что по-украински в Киеве не говорят, многие делают это – но почти во всех повседневных ситуациях сначала выбирают русский, когда неизвестные люди обращаются друг к другу.

В Крыму по-русски говорят все, большинство школ всегда были русскоязычными, и все официальные документы были русскоязычными еще до аннексии. Опросы общественного мнения показывают, что жители Крыма не очень были обеспокоены официальным статусом русского языка в украинские времена. В исследовании, проведенном Международным республиканским институтом США в мае 2013 года, 1 200 жителей Крыма получили вопрос о том, какие, по их мнению, политические вопросы являются важнейшими на полуострове. Лидерами в списке оказались безработица, высокие цены, неработающая промышленность, а также коррупция власти и бедность.

Статус русского языка был на 14-м месте среди важнейших вопросов, и его упомянули лишь 4 процента опрошенных. Важнейший вопрос, безработица, упоминался 68 процентами. Немного выше, чем статус русского языка, были отношения с Россией. Важным этот вопрос считали 12 процентов респондентов. А теперь многие говорят, что именно притесняемое состояние русского языка в Крыму был важной причиной, по которой Крым нужно было аннексировать.

Понятно, что с точки зрения стратегии было катастрофой, когда украинский парламент после февральской революции 2014 года снова взялся обсуждать вечный вопрос о языках и захотел отменить закон о региональных языках, который предоставлял русскому официальный статус в ряде регионов. Закон был символически важным вопросом, потому что его ввела партия президента, который уже сбежал, и именно поэтому его противники хотели теперь выбросить его на помойку и написать новый. Однако временный глава государства, глава парламента Александр Турчинов отказался подписать решение, и старый закон остался в силе – но это уже не помогло. Многие в Крыму уже были убеждены, что новые правители в Киеве снова хотят «запретить русский язык», – хотя закон о региональных языках даже никогда не вводился в Крыму. Он был ненужным, потому что украинская Конституция Крыма 1998 года четко гарантировала статус русского языка в государственном администрировании Крыма и право каждого на обучение на родном языке.

А Татьяна Фоминых все равно убеждена, что говорить по-русски опасно в Украине. К тому же дети поют гимн Украины в школе!

– И они вкладывают оружие в руки маленьких детей, вы видели это? Это неправильно.

Пение государственного гимна в школе не кажется таким уж опасным, а заявления об украинских детях-солдатах – это еще одна выдумка российской пропаганды. Но мы немного отклонились от аннексии Крыма – простите, воссоединения. Что произошло на самом деле?

– Был четверг 27 февраля, и мы должны были учиться, но наше руководство решило, что все студенты должны идти домой. Я сама думала, что было бы лучше оставить их здесь, чем отпускать в город. Но везде было тихо, у меня даже не было времени, чтобы увидеть «зеленых

человечков», как уже я говорила, потому что езжу только на работу, а потом снова домой. Но многие подходили к ним и фотографировали или фотографировались вместе с ними, много женщин и детей. Все, конечно, считали, что это хорошо. А знаете ли вы, что крымские татары на самом деле требовали, чтобы памятник Ленину был разбит! Здесь у меня совершенно противоположное мнение, и о политике и о жизни в целом. Я хочу, чтобы Ленин остался.

Почему Ленин должен остаться?

– А зачем его разбивать? Я не хочу этого. Я не хочу, чтобы вообще что-то разбивали. Статуя – это исторический памятник. Они не только хотели снести его, они также хотели переименовать площадь Ленина. Это мне не нравится, потому что речь идет не только о Ленине. Социализм, который у нас был раньше, я думаю, что это было хорошо. Это же была моя родина, я оттуда родом. Я родилась в 1967 году и очень хорошо помню, как было у меня в детстве и юности. Некоторые говорят, что тогда было плохо, а я думаю, что жизнь тогда была хорошей.

Татьяна Фоминых – далеко не единственный друг России в Крыму, который, кажется, на самом деле стремится вернуться в Советский Союз. Но сегодняшняя Россия, однако, это не то же самое, что Советский Союз ее молодости? Что на самом деле знали крымчане о путинской России до воссоединения?

– Мы ничего не знали. Все же совершенно новое, прошло более двадцати лет, как мы были вместе. А Россия снова стала сильной лишь несколько лет назад. Теперь они возродили промышленность и достигли того, о чем только мечтает Украина – избавились от коррупции. Конечно, какая-то коррупция существует даже в США. Но эта открытость, все публичное, этого больше из России.

В качестве примера российской открытости Татьяна Фоминых вспоминает, что на российском телевидении есть программа по экономике. Но она сама была не в силах смотреть ее.

– Очень скучная программа, они все время говорят только о финансах. Это показывают каждый день. Я считаю, что они беспокоятся о том, чтобы люди поняли, куда идут деньги. А это хорошо.

Однако в действительности контролируемые государством российские средства массовой информации скупо сообщают о том, как используются деньги налогоплательщиков. Летом 2014 года правительство уже второй год подряд решило потратить пенсионные взносы, уплаченные частными лицами, а не инвестировать их в фонды, как было обещано – аннексия Крыма не была же вполне бесплатной для государственной казны. Скандальное решение не привлекло большого внимания государственных СМИ, и, когда заместитель министра экономики Сергей Беляков на своей странице в Facebook написал, что ему стыдно за то, что государство не выполняет своих обещаний перед людьми, которые экономят на свои пенсии, он был немедленно уволен.

Но деньги пойдут на повышение заработной платы для работников бюджетной сферы в Крыму, и поэтому неудивительно, что Татьяна Фоминых и ее коллеги довольны. Однако даже в России не все идеально, – с этим Татьяна Фоминых соглашается.

– Я думала, что в России нет идиотов, но оказалось, что их на самом деле много, и некоторые забрались высоко, я должна сказать. Эти люди, которые хотят иметь власть, многие из них просто хотят присвоить деньги. Недавно же какой-то министр украл миллиард, и теперь за ним

гоняются. Путину просто нет времени их всех контролировать, вот что. Но мне действительно нравится Путин. По-моему, он лучший руководитель за всю историю человечества.

Почему же Путин так хорош?

– Он честный человек, я полностью доверяю ему. Все решения, которые он принимает, хорошие. Мне нравится его образ действия. У него есть самоуважение, он имеет свое собственное мнение обо всем и никогда не представляет что-то другое. И не угрожает другим. Когда он стал президентом, он был первым, кто не выступил со своей новогодней речью в кабинете, а под открытым небом, на Красной площади. Он был молод, с бокалом шампанского в руке, и он выступил с новогодней речью, которая была такой необычной. Он мне сразу понравился.

Однако в действительности Владимир Путин выступил со своей первой новогодней речью в своем кабинете, точно так же, как и его предшественник Борис Ельцин обычно делал. И бокал шампанского был у Ельцина, а не у Владимира Путина.

Но новогодняя речь была действительно очень хорошая, – к сожалению, потом Путин не сдержал своего обещания защищать достижения демократии и свободы слова в России. С другой стороны, затем он действительно выступал с новогодними речами под открытым небом, но не на Красной площади, а в стенах Кремля. И самое главное ощущение, что Татьяна Фоминых действительно впечатлена харизмой Путина. Для нее Путин – это воплощение всего хорошего в ее новой родине – в России.

– Мне нравятся все его решения, он всегда делает то, что лучше. Он великий стратег. Если он держит паузу, весь мир ожидает и удивляется: почему Путин молчит? Было же так, он ничего не говорил пять дней, когда все ждали, что он скажет что-то об Украине. Всех охватила истерика, а он молчал, как на театральной сцене. Он очень мудрый, он всегда внимательно обдумывает свои высказывания и действия. И еще важно: он компетентен практически во всех отраслях. Он пытается понять, как обстоят дела, он посещает армию, он может плыть на броненосце, он занимается плаванием. Он молодой и сильный, он не пьет, не курит, он пропагандирует здоровый образ жизни. Немногие руководители делали это. Он снова ввел ГТО, это тоже правильное решение.

ГТО означает «Готов к труду и обороне». Это было одной из основ в программе патриотического воспитания, введенной в советских школах в 1931 году, и означало, что ученики в возрасте от десяти лет должны были собирать очки за достижения различных целей в беге, плавании, метании ядра и других видах спорта, среди которых были также стрельба из военного оружия и метание гранат. Программа исчезла вместе с Советским Союзом, но теперь она действительно снова введена решением Владимира Путина. С 2015 года президент ежегодно 1 мая должен получать отчет о физическом состоянии населения, – указывает распоряжение, подписанное в марте 2014 года. И это хорошо, – считает Татьяна Фоминых.

– Мне не нравится, когда люди позволяют себе полнеть, поэтому он делает все правильно. Я на самом деле очень восхищаюсь им. Если что-то не так, я всегда думаю, как Путин исправил бы это, если бы он только узнал. Точно так же, как это было со Сталиным в его времена. Возможно, это не совсем правильно, но я и Сталина уважаю. Не потому, что он якобы был жестоким, он не был таким. Но после его смерти у него не нашли собственности, только пару сапог и мундир. Он ничего не получал от страны, он служил стране. Но Сталин, конечно, не был таким безупречным, как Путин. Даже критики Путина свидетельствуют, что он живет для

страны. Это очень важно. Даже его противники, если они честные и мудрые, признают, что он хороший президент.

В то, что времена Путина у власти означают ограничение свободы выражения мнений, Татьяна Фоминых не верит.

– Его же критики открыто говорят о том отсутствии свободы выражения мнений. И продолжает существовать оппозиционная радиостанция «Эхо Москвы». Никого не лишают свободы. Ну да, посадили в тюрьму Ходорковского, но это было из-за финансовых махинаций. Путин с ним же говорил и сказал ему, чтобы он занимался своими делами, а он начал поддерживать оппозиционные партии.

А если все-таки говорить о Крыме, что произошло после появления «зеленых человечков»? – спрашиваю.

– У нас был референдум, мы были очень рады, по-настоящему рады, и ночью, когда мы перевели часы на российское время, был настоящий народный праздник. Я живу здесь недалеко от железнодорожного вокзала, и там были массы народа, которые праздновали с шампанским, потому что мы перевели часы. Это было настоящее, ничего подобного нельзя инсценировать, это была искренняя радость.

Референдум проводился в соответствии с законом, и все прошло совершенно правильно, этого в действительности никто не может отрицать, – считает Татьяна Фоминых.

– Ведь Путин такой умный человек, он не мог позволить себе никаких юридических ошибок. Ни один юрист не обжалует законность референдума, не так ли? Ведь сделали все, чтобы это по возможности как можно больше соответствовало закону, и у нас также были международные наблюдатели, даже из Финляндии был кто-то. Это мы видели по телевизору, наблюдатели были здесь все время.

Однако в действительности в Крыму не было официальных международных наблюдателей, поскольку референдум был незаконным и не был признан ООН или ОБСЕ, Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе. К «международным наблюдателям», которые красовались перед российскими телекамерами, принадлежали представители сомнительных пропутинских политических групп, часто связанных с крайне правыми. Из Финляндии участвовал Юхан Бекман, сторонник Путина, который также называет себя «представителем Донецкой Народной Республики в Финляндии». В Финляндии он известен, между прочим, своим заявлением, что в Финляндии происходит геноцид русских.

Референдум, кстати, позже получил высокую оценку от французского «Национального фронта», венгерского «Йоббика» и бельгийского «Фламандского интереса», все они представители крайне правых. Большинство других политических групп в ЕС не признало референдум, потому что он не соответствовал Конституции Украины и проводился под российской оккупацией. Ибо невозможно было провести свободную избирательную кампанию, не было возможности голосовать за неизмененный статус Крыма и достоверность результата нельзя было проверить – подготовка к голосованию осуществлялась в обстановке полной секретности в течение десяти дней, что само собой давало возможность для власти объявить любой желаемый результат.

Но вместе с тем многие же ходили голосовать – за исключением сел и городских кварталов, где высокая доля крымскотатарского населения. Из крымских татар очень немногие пошли на избирательные участки. Официально в голосовании приняли участие 83 процента жителей Крыма, и из них, как утверждается, 97 процентов проголосовали за присоединение к России.

Другие, независимые оценки участия в выборах, различаются. Согласно отчету, который в апреле 2014 года опубликовали некоторые члены совета по правам человека при президенте России, в голосовании, вероятно, приняли участие явно меньше 50 процентов жителей.

Татьяна Фоминых и все ее соседи и знакомые, во всяком случае, пошли на избирательные участки и проголосовали за присоединение к России, – говорит она.

– Было еще темно, когда я проснулась, пришлось ждать до восьми часов, чтобы, наконец, можно было побежать и проголосовать за Россию. И когда я туда пришла, я увидела, как много желающих принять участие, также пожилые люди, которые еле ходили на костылях, все хотели быть там и проголосовать, все так хотели освободиться от Украины и стать частью России. Вся моя семья пошла: мать, отец и брат. И все соседи в доме, я живу в пятиэтажном доме. Если взять за основу тех людей в доме, всех сотрудников здесь в институте, мы же можем спросить, как все они проголосовали, и я уверена, что девяносто процентов из них скажут, что они голосовали за Россию. Это правда.

Теперь Крым в составе России, и это хорошо. Почти все на самом деле хорошо, – говорит Татьяна Фоминых.

– Единственное, на что хотелось бы надеяться, – это то, что и наши местные бюрократы будут пытаться стать порядочными людьми, чтобы я могла быть довольна также ими, а не только Путиным, который сидит далеко в Москве.

Но если что-то было лучше в Украине, то это относительно малая территория страны по сравнению с Россией.

– До Киева ближе, можно позвонить и поговорить с людьми. Путину не позвонишь, и страна большая, Москва далеко. Но, кажется, теперь он заметил нас, мы узнали, что Путин теперь получил информацию. Мы же долгое время пытались послать ему письмо о статусе университета, и кажется, что оно уже поступило. Но это было непросто.

Одно, что явно улучшилось, после того, как Крым вошел в состав России, – это заработные платы, – говорит Татьяна Фоминых.

– Даже если цены сейчас немного выше, чем они были на Украине, деньги все же остаются. Или мои знакомые, во всяком случае, говорили, что им удалось сэкономить немного, я не смогла. Пожалуй, я начала тратить больше. Но материальное положение у нас сейчас немного лучше, и я убеждена, что развитие будет продолжаться в этом направлении. Действительно, были некоторые небольшие проблемы с поставкой продуктов, но это не коснулось меня, в магазинах есть все, что мне нужно. В остальном ничего существенно не изменилось. И для чего нам существенные изменения? Важно то, что у нас нет войны. В противном случае, безусловно, началась бы война, и я сама пошла бы на баррикады против украинцев.

Татьяна Фоминых абсолютно не верит, что войска из России штурмовали здание парламента в Крыму и блокировали украинские военные базы в конце февраля.

– Украина заявляет, что завезли войска из России. Они что, полные идиоты? Или у них была такая огромная дыра в границе, или они только смотрели в другую сторону, когда Россия вводила войска? Какая же это чушь! Подобному нет никаких доказательств. Нет, они пришли из Севастополя. Это полностью российский город Севастополь, и там весь российский флот, у них было соглашение с Украиной, и они имели право находиться там.

Утверждение, что Россия не вводила войска в Крым, а использовались только те войска, которые имели право находиться в Севастополе, постоянно появляется, когда говоришь с крымчанами, которые приводят доказательства, что Россия забрала власть на законных

основаниях. Но, кроме того, что такое утверждение явно ложное, так как можно доказать, что войска были ввезены на паромах с материковой части России, в аргументации есть еще один недостаток: соглашение о базировании флота в Севастополе между Украиной и Россией не давало права российским войскам штурмовать здание парламента в Крыму и отправлять в отставку правительство.

Как бы там ни было, «зелеными человечками» были российские солдаты, это признал сам Владимир Путин в апреле 2014 года. Войска были нужны для безопасности крымчан и для контроля над референдумом, – пояснил он.

Законно или нет, но теперь в Крыму распоряжается Россия. Что это значит для будущего, какие у вас ожидания? – спрашиваю у Татьяны Фоминых.

– У меня большие надежды, единственное, чего я боюсь, что кто-то может убить Путина. Кто-то может захотеть избавиться от него, потому что он многим мешает, не так ли? Этого я боюсь. Но если он и дальше будет придерживаться своей линии, верю, что все будет хорошо. Существуют планы по строительству моста в Керчи, и, если это реализуется, у нас будет хорошая связь, будет проще туристам из России приезжать сюда. И я надеюсь, что восстановят старые санатории. Но доброе дело, которое уже случилось, – это то, что начали сносить все заграждения, которые ранее появились на пляжах. Там требовали денег от людей, которые хотели загорать и купаться. Снесли много таких ограждений.

Я благодарю за кофе и вкусный российский шоколад. Когда я уже за воротами университета, Татьяна Фоминых звонит и просит меня вернуться. Она забыла сказать самое главное:

– Мои дедушки и бабушки воевали против фашистов в годы Великой Отечественной войны. Поэтому Крым должен принадлежать России!

С другой стороны, дедушки и бабушки большинства украинцев тоже воевали на стороне Советского Союза во время Второй мировой войны. Но этот аргумент почему-то здесь не срабатывает.

ПРЕДАТЕЛЬ ВСЕГДА ОСТАНЕТСЯ ПРЕДАТЕЛЕМ

Сине-желтый флаг Украины висит на фасаде белого двухэтажного дома в центральной части Симферополя. Это последний украинский флаг, который можно публично увидеть в столице

Крыма, а вскоре и его не будет. Рядом с ним висит светло-голубой флаг крымских татар. Двое мужчин с автоматами, в масках и камуфляже охраняют вход. Это специальный отряд российской полиции.

На другой стороне улицы стоят полицейские в обычной форме, две полицейские машины и большой белый грузовик марки КамАЗ, в котором расположен мобильный штаб полиции. Там стоит также группа журналистов, которые находятся здесь с самого утра. Уже вечереет, но обыск в штаб-квартире Меджлиса, главной организации крымских татар, все еще продолжается.

Крымские татары, которые говорят на тюркском языке и, как правило, являются мусульманами, живут в Крыму по крайней мере с 15-го века. До российского завоевания в 1783 году государство крымских татар – Крымское ханство – подчинялось Османской империи. После завоевания Россия построила свою важнейшую военно-морскую базу в природной гавани Севастополя. Расширение территории России беспокоило другие великие державы того времени, что привело в середине 19-го века к кровавой Крымской войне, когда Великобритания и Франция в союзе с Османским государством заблокировали и в конечном итоге завоевали важный портовый город. Весь черноморский флот России был уничтожен.

Во время Второй мировой войны Севастополь и весь советский Крым были завоеваны нацистской Германией. Когда советские войска в 1944 году отвоевали Крым, Сталин обвинил весь крымскотатарский народ в сотрудничестве с врагом и измене. Согласно официальным документам, по крайней мере 180 000 крымских татар за два дня были вывезены на пожизненную ссылку в отдаленные районы Центральной Азии. Многие из них получили только полчаса времени на сбор имущества. Тысячи людей погибли в дороге или сразу после прибытия, потому что не хватало еды для переселенцев. Выжившие вынуждены были начинать свою жизнь с нуля.

Выселение крымских татар было запретной темой в течение всего советского периода. Обвинения в государственной измене были в 1967 году наконец сняты, но крымским татарам и дальше не позволяли вернуться. Мустафа Джемилев, известный с советских времен крымскотатарский правозащитник, провел в целом 15 лет в советских тюрьмах и ссылке за «антисоветскую деятельность». Он был освобожден в 1986 году. Только после этого, во время перестройки Михаила Горбачева, крымские татары снова могли на законных основаниях поселяться на полуострове. Мечта о потерянной родине продолжала жить среди крымских татар, которые выросли в изгнании и никогда не видели земли предков. В начале 1990-х годов, в связи с распадом Советского Союза, началась большая реэмиграция в Крым. Теперь там снова проживают около 250 000 крымских татар, которые составляют примерно 12 процентов населения полуострова.

Первые крымские татары, вернувшиеся в течение последних советских лет, были вынуждены пережить презрение и страх от других жителей Крыма. Новые жители, которых переселили в Крым после войны, с тех пор были уверены, что крымские татары – предатели, и многие считали, что теперь они хотят отомстить русским. У всех крымских татар нож в кармане, – шептали русские дети в школе. Никто не хотел взять крымского татарина на работу. Только в украинские годы отношения между этническими группами постепенно нормализовались, и в то же время все больше крымских татар находили свое место в новой рыночной экономике. Большинство крымских татар связывает украинские времена с примирением и относительным благополучием, тогда как московское правление вызывает воспоминания о пятидесяти лет

изгнания и полицейском государстве. Можно было ожидать, что большая часть крымских татар очень скептически отнесется к идее, что Крым снова должен стать российским, и именно крымские татары больше всего протестовали против аннексии.

За несколько дней до запланированного в марте 2014 года референдума 70-летний Мустафа Джемилев был приглашен в Москву, чтобы переговорить с представителями Кремля. Российские правители, очевидно, пытались кнутом и пряником достичь какого-то компромисса с Меджлисом, организацией крымских татар, и Джемилев был приглашен также на разговор по телефону с Владимиром Путиным, находящимся на тот момент в Сочи. Но разговор бывшего советского диссидента и политзаключенного с ветераном КГБ Путиным прошел не очень хорошо, как позже сказал сам Джемилев. Он отметил, что аннексия была бы преступлением против международного права и против многих соглашений, подписанных Россией. Когда Путин пообещал, что права и безопасность крымских татар будут уважаться, Джемилев ответил, что лучшей гарантией безопасности будет вывод российских войск из Крыма.

Большинство крымских татар бойкотировало референдум 16 марта, и с тех пор российские власти в свою очередь бойкотируют представителей крымских татар. Сам Мустафа Джемилев сейчас в Киеве – ему не позволяют приехать в Крым. А в Симферополе спецназ полиции 16 сентября производит обыск офиса Меджлиса. Все компьютеры изымаются.

На следующее утро я буду разговаривать с Эскендером Бариевым, одним из руководящих членов Меджлиса. Его тоже посетили спецназовцы в масках. Мы договорились о встрече у двухэтажного дома, на фасаде которого украинский флаг еще имеет право развеваться на слабом ветре. Флаг вывешен новый, после того как несколько мужчин в масках и униформе в начале недели сорвали старый. На улице тепло, и я становлюсь в тень небольшого дерева на другой стороне улицы, чтобы наблюдать за ситуацией.

Две полицейских машины и два серых автомобиля российской военной марки «Патриот» без номеров стоят в переулке рядом со штаб-квартирой крымских татар. За автомобилями «Патриот» можно увидеть группы людей в камуфляже с автоматами. Кажется, что полиция готовится к беспорядкам, но на улице все тихо.

Я не знаю, как выглядит Эскендер. В тени другого дерева, как раз напротив Меджлиса, стоит молодой черноусый человек. Он что-то набирает на своем мобильном телефоне и, кажется, кого-то ждет. Может, именно это и есть Эскендер. Спрашиваю.

– Нет, не я. Что, по-вашему, я похож на крымского татарина? – спрашивает он обиженно.

Но я не знаю, как должен выглядеть крымский татарин. И, между прочим, почему было бы плохо выглядеть как крымский татарин?

Но я ему этого не говорю, я просто вежливо извиняюсь. Когда Эскендер Бариев, наконец, приходит, оказывается, что у него явно более светлые волосы, чем у того обиженного мною юноши. Но его лицо немного шире и круглее. На нем желтая рубашка с короткими рукавами и белые летние брюки. Возможно, именно это является типичным крымскотатарским видом?

Садимся в кафе за углом, заказываем чай, и я прошу Эскендера Бариева рассказать, что произошло с ним накануне.

– Было около полседьмого утра. Мы услышали, что кто-то сильно стучит в нашу дверь. Я быстро подошел к двери. Они продолжали бить в дверь с другой стороны и кричали, что я должен немедленно открыть.

Когда я открыл, вбежали трое или четверо мужчин с автоматами. Вместе с ними зашли одетые в гражданское люди, которые сразу же начали копаться во всех комнатах.

– Нет, подождите, – говорю я, – у меня двое маленьких детей, не пугайте их, и вообще, в чем дело? И кто вы?

Наконец гражданские представили официальное решение об обыске. Преступление, которое расследуется, связано с событиями 3 мая, когда группа крымских татар должна была встретиться с Мустафой Джемилевым на границе с территорией, контролируемой Украиной. Когда Джемилеву запретили въезд, группа игнорировала вооруженных российских пограничников и перешла на украинскую сторону, чтобы встретить Джемилева.

– Теперь они говорят, что это преступление расследуется и они ищут оружие, наркотики и запрещенную литературу. В машине возле дома было пятнадцать человек, пять или шесть были в гражданском, другие были в форме с автоматами. Лейтенант ФСБ наконец представился, я попросил его убрать людей с автоматами, чтобы они не пугали детей, и они вышли, один остался у дверей для охраны. И я попросил их снять обувь, потому что дети ползают по полу, у меня один четырехмесячный сын и один – шести лет.

Обыск продолжался нескольких часов, но единственное, что конфисковала служба безопасности, были два компьютера Эскендера Бариева.

– Я считаю, что все это было связано с нападением на Меджлис. За день до этого вооруженные люди сорвали флаг Украины с Меджлиса, это произошло в ночь с воскресенья на понедельник. И вот, во вторник прошел обыск у меня и в Меджлисе.

Тех руководителей Меджлиса, которые и в дальнейшем могут пересекать границу между Крымом и Украиной, каждый раз задерживают и допрашивают, тогда как пограничники обыскивают автомобиль, – рассказывает Эскендер Бариев.

– Я не езжу поездом, потому что знаю, что в таком случае меня высадят на границе, и поезд пойдет дальше без меня. Ведь это продолжается два часа каждый раз. Впервые это произошло 20 июня. Мы возвращались из Киева, я и другой член Меджлиса. Они нашли наши имена в каком-то списке, и вдруг наш автомобиль окружают восемь мужчин с автоматами. Теперь мы уже немного привыкли, потому что такое происходило неоднократно. Последний раз, когда они остановили меня, они не знали, что спросить, поэтому я начал рассказывать им об истории Крыма, о гражданском обществе в Крыму. И этот ФСБшник, который родом где-то с Оренбургского края, спрашивает меня, что это такое – гражданское общество. Поэтому я должен был рассказать ему также об этом.

Об этом Эскендер Бариев знает много, потому что его отец был активистом крымскотатарского движения еще в советские времена, когда это было опасно. Или как это было опасно в прошлый раз. Сам Эскендер родился в ссылке в Средней Азии, как и большинство крымских татар среднего возраста. Те, кто родились в Крыму, – старше 70 или моложе 25 лет.

– Я родился в Узбекистане, в городе Намангане. Моя мать родилась здесь, в Крыму, ей было шесть лет, когда она была депортирована вместе со своей матерью и бабушкой. Она до сих пор помнит депортацию, тот железнодорожный вагон, как люди умирали в дороге и как ее мать пыталась им помочь. Их спасла профессия моей бабушки, когда их выбросили из поезда где-то в полупустыне Узбекистана. Она была искусным врачом, и узбеки давали ей хлеб, как благодарность за ее помощь, поэтому они не голодали.

Отец Эскендера Бариева был одним из немногих крымских татар, которые не были депортированы – его не было в Крыму в мае 1944-го.

– Он служил в железнодорожных войсках в Западной Украине. Только в 1950 году он по собственному желанию переехал в Узбекистан, ведь его родственники и большинство других крымских татар находились там. Там и встретились мои родители.

Семья никогда не забывала мечту о потерянной родине.

– Начали говорить о возможности вновь поселиться в Крыму после встречи на высшем уровне Горбачева и Рейгана в 1986 году, во время которой Рейган поднял вопрос о праве крымских татар на возвращение. Поэтому у нас есть улица Рональда Рейгана в селе, в котором живут преимущественно крымские татары, на окраине Симферополя. Инициативу о названии проявил фактически я.

Название улицы в селе Ана-Юрт, в нескольких километрах к северу от Симферополя, ясно показывает, что Крым не всегда принадлежал России, потому что в России Рональд Рейган никогда не смог бы получить свою улицу. Здесь его рассматривают как одного из главных инициаторов распада Советского Союза – а в России, разумеется, это дело плохо. Но в Украине нет.

Эскендер Бариев поселился в Крыму в 1991 году, сразу после окончания школы.

– У меня была возможность учиться в Москве, но я хотел только в Крым, поэтому я приехал сюда и начал учиться в медицинском университете. Мой отец переехал сюда в том же году и начал стараться, чтобы у нас было какое-то жилье. Сначала мы жили в доме сестры моего отца – три семьи в небольшом доме. Затем мы отстроили разрушенный дом, в котором нам было разрешено жить. Старшая из моих сестер переехала сюда в 1992 году после окончания школы. Только в 1993 году мы смогли устроиться в нормальном доме, поехали в Узбекистан, чтобы перевезти сюда все наше имущество. Тогда переехала сюда также мать и младшая сестра. Четыре года потребовалось нам, чтобы создать более или менее нормальные условия. Моя мать была депортирована в 1944 году, а вернуться она смогла в 1993-ем. То есть 49 лет она жила в ссылке.

Когда мы выходим из кафе, полицейских машины и вооруженных людей в камуфляжной форме уже нет. Иду за Эскендером Бариевым в штаб-квартиру Меджлиса. Там царит атмосфера беспорядка. Российские власти только что объявили, что здание должно быть освобождено и опечатано в течение 24 часов.

– Нет, мы должны защищать дом, это наш дом! Заприте дверь, и пусть они ломают ее, если захотят, – говорит пожилой мужчина с белой бородой и круглой шапочкой на голове.

Молодой человек в синей рубашке и пиджаке не согласен.

– Мы должны попытаться защитить себя законом, иначе все пропало. Но как можно говорить о законных правах, когда они даже не допустили наших адвокатов во время вчерашнего обыска, – добавляет он, отступая.

Человек в пиджаке – Дилявер Акиев, административный руководитель Меджлиса. Через минуту нахожу его в кабинете на верхнем этаже, где он пытается навести порядок в бумагах после обыска. Прошу его рассказать, что случилось накануне.

– В девять утра на здание напали люди в масках с оружием. Они сказали, что пришли от имени полиции. Их было по меньшей мере двадцать, и они перевернули вверх дном все, что было внутри.

Обыск продолжался двенадцать часов. Когда люди в масках наконец покинули здание, они забрали все компьютеры и много документов. А теперь, в первой половине дня, пришли новые посетители.

– Это были представители другой инстанции – судебные приставы. Они принесли официальное решение о том, что мы должны покинуть здание. И не только это, но и другие помещения, используемые Меджлисом, все они конфискованы. Утверждают, что мы не уплатили какой-то штраф, но об этом мы ничего не знаем.

Возвращаюсь через 24 часа, чтобы посмотреть, что происходит. Небольшой белый автобус припаркован у входа, который теперь охраняют три человека в черной форме. Несколько сотрудников Меджлиса разговаривают с журналистами у здания. У Дилявера Акиева под мышкой мегафон, но он не нужен, так как нет большого количества людей. Чтобы избежать конфликта, Меджлис просил крымских татар публично не протестовать. К тому же большинство боится.

Через несколько часов людей в черном уже нет, и мне удается войти, чтобы поговорить с Резой Шевкиевым, президентом фонда, который владеет зданиями, используемыми Меджлисом. Это пожилой человек, который, очевидно, плохо спал прошлой ночью. Он рассказывает, что в автобусе приехали судебные приставы, чтобы официально представить решение о штрафе в размере 50 000 рублей за то, что здания до сих пор не освобождены. Теперь суд требует, чтобы Мустафа Джемилев, бывший советский диссидент и политзаключенный, был исключен из состава правления фонда. Согласно закону он не имеет права быть членом совета российского фонда, потому что ему запрещено находиться на территории России, – так объясняет суд свое требование.

Но дело странное: фонд не является российским. Он продолжает оставаться украинским юридическим лицом и должен оставаться таким в течение всего переходного периода до нового года.

– В этом нет никакой логики. Речь идет о какой-то кампании против нас, которую они ускоряют день за днем. Сначала те трое мужчин, которые сорвали флаг, на следующий день – обыск, еще на следующий – судебные приставы с решением о конфискации, а теперь штраф и это новое требование. Я не знаю, кто мог бы это остановить, по крайней мере, мы не можем. Единственным способом остановить это было бы народное восстание, но тогда они могут делать что угодно, это мы видим на востоке Украины, – с болью в голосе говорит Реза Шевкиев.

– Единственным вариантом остается подчиниться, иначе приставы вернутся на следующий день с новыми требованиями и даже еще большим штрафом, – считает он.

Здание освобождено и опечатано бумажными полосками на дверях. Крымские татары потеряли свое помещение. Еще несколько дней флаг Украины имеет право повисеть на фасаде. 30 сентября его уже нет, и больше нигде в Симферополе не увидишь украинский флаг.

Через несколько дней после обыска в Меджлисе Гуливер из университета приглашает меня и своих коллег Павла и Петра на ужин. Мы едем в бетонную советскую часть города немного за пределами центра. Расстояние между уличными фонарями большое, и дома выглядят немного ветхими, как обычно. Но интерьер квартиры вполне современный и богатый. Обеденный стол накрыт в гостиной – кухни в советских стандартных квартирах небольшие. В углу телевизор показывает украинскую программу новостей.

На телевизоре стоит крымскотатарский флажок, а в левом верхнем углу экрана светится флаг Украины. Его несколько месяцев демонстрируют все украинские каналы. Под флагом часто можно прочитать текст «Единая страна». Поочередно на русском и украинском. Одновременно и правда, и мечта. Крым и некоторые восточные части страны действительно оторваны, но

остальная Украина более едина, чем когда-либо прежде. Мало что может так объединить страну, как общий враг.

– Я приобрел спутниковую антенну в тот день, когда отключили украинские каналы в кабельной сети телевидения. Я просто не выдерживаю смотреть российскую пропаганду, – говорит Гуливер, пока мы следим за последними новостями об антитеррористической операции, как называют в Украине бои на востоке.

Две дочери Гуливера, 12-летняя Эмине и 7-летняя Сафие, заходят и здороваются с гостями. Затем Эмине показывает сложную задачу по математике, она нуждается в помощи. Как ее решить?

Проходит немного времени, прежде чем Павел и Петр приходят к согласию в этом.

Дети ранее ходили в украиноязычную школу, но теперь она уже не украинская. После аннексии обучение стало очень российско-патриотическим, – говорит Гуливер. Девочки начали ходить в другую, международную школу. Языком обучения является русский, но, кроме английского, дети учат также турецкий, близкий к крымскотатарскому. Новая школа тоже попала под российскую аннексию – оказывается, что учителя, которые не являются гражданами России, не могут работать в Крыму. Но как тогда должна работать международная школа?

Когда сам Гуливер был в первом классе в начале 1980-х годов, его семья еще жила в ссылке в Узбекистане. Когда появилась возможность вернуться обратно в Крым в 1988 году, его семья была одной из первых, сделавших такой шаг. Тогда он был в таком же возрасте, как Эмине сейчас, – двенадцатилетним.

– Тогда было еще очень трудно моим родителям получить разрешение поселиться здесь. Прошло полгода, прежде чем они смогли получить прописку, хотя уже купили здесь дом. А если они не были прописаны, то не могли получить работу. Их постоянно отсылали из одного ведомства к другому, к третьему. Наконец они нашли друга одного из знакомых, у которого были связи в паспортном столе.

Не только власти с подозрением относились к крымским татарам, которые хотели вернуться. В школе новые одноклассники Гуливера спросили его, где он спрятал нож.

– Я пытался шутить с ними и сказал, что я в тот день не взял нож, потому что они хорошо себя ведут. В последнем классе несколько друзей сказали мне, что они действительно верили в это.

Жена Гуливера Тамина заходит с крымскотатарской едой – шурпой, овощным супом с бараниной. Главным блюдом должны быть манты, вареные пакетики из теста, начиненные мясом – популярное блюдо большой части Центральной Азии.

– Я охотно предложила бы вам чебуреки, но они требуют много времени, мы готовим их главным образом летом, когда находимся в деревне у родителей.

Чебуреки, жареные в масле пирожки с мясом, сыром, грибами или картофелем, – это национальная еда крымских татар. В советское время чебуреки были любимым блюдом в стране – они были одним из очень немногих вариантов быстрой еды, доступных в Советском Союзе. Чебуреки ели в небольших столовых, которые назывались «Чебуречная». Волна ностальгии по советским временам вызвала то, что во многих местах в России в настоящее время снова появились «Чебуречные» с такими названиями, как «Советская» или «Советские времена». Немного иронично, если учитывать, что сами крымские татары в «добрые» советские времена жили в ссылке.

Тамина – зубной врач и работает в частной клинике, где многие работники – крымские татары.

– Почти случайно получилось так, я не могу сказать, что мы особенно обращали внимание на национальность людей. Но, видимо, должны начать это делать, потому что вдруг может случиться так, что крымским татарам будет трудно получить работу, ведь есть много склонных к подозрению. Так что мы должны помогать друг другу.

Стоматологическая клиника пользуется популярностью, и мы часто принимаем клиентов из других стран, так как цены приемлемые, – говорит Тамина.

– Речь идет о русскоязычных клиентах не только из России, но также часто о русскоязычных, живущих из разных стран Евросоюза. Для них дешевле прилететь сюда и остановиться в гостинице, чем платить за такие же услуги в странах, где они проживают. И к тому же они получают небольшой отпуск.

Но не ясно, как долго это будет продолжаться. Украина не требует виз от граждан ЕС, для въезда достаточно иметь только действительный паспорт. Но теперь, чтобы посетить Крым, необходимо иметь российскую визу, а это требует не только много работы и документов, но и дорого стоит. Кроме того, дорога в Крым стала сложнее. К тому же нет гарантии, что цены и дальше будут оставаться такими низкими, – говорит Тамина.

– Одной из причин низких цен было то, что мы дешево закупали нужные нам материалы в Украине. Теперь это стало труднее. Часто вместо этого мы должны заказывать из России, а если речь идет о зарубежных материалах, это обходится намного дороже.

Другое, что стало намного дороже под властью России, – это алкогольные напитки и, особенно, табачные изделия. Это может быть хорошо для здоровья людей, но раздражает многих, и неизлечимые курильщики не отказываются от более дешевых украинских сигарет, даже если они являются заядлыми сторонниками российской аннексии.

– Это одна из последних украинских бутылок. Это не российская водка, это украинская горилка, – говорит Павел с уважением в голосе, когда ставит на стол бутылку.

Гуливер составляет ему компанию. Мы с Таминой предпочитаем красное вино из Крыма, на котором еще украинская акцизная марка. Петр удовлетворяется водой: после ужина он должен отвезти меня и Павла домой.

Гуливер и Тамина рассказывают, что прошло полгода после аннексии, а они до сих пор не понимают, что происходит.

– Все это кажется совершенно нереальным. Мы наконец немного упорядочили свою жизнь, дети уже большие, жилье готово, есть машина, мы даже съездили в Турцию во время отпуска. Теперь все в порядке, – думали мы. И вдруг такое. Мы не знаем, что это значит для нашей жизни, мы даже не уверены, что и впредь будем жить здесь, но мы действительно хотим этого, – говорит Тамина.

Гуливер поддакивает головой.

– Такое ощущение, будто кто-то пришел и натягивает на мою голову, как свитер, другую страну. Я не хочу ее, но не могу отказаться, единственное, что я могу сделать, это приспособиться, насколько это возможно, если это вообще возможно. Таким образом, мы действительно начали задаваться вопросом, сможем ли мы дальше жить здесь. Мы действительно этого хотим, это наша родина, наши родители много боролись, чтобы иметь возможность вернуться сюда. Но если станет действительно плохо, то последним вариантом будет наш переезд в иное место, – говорит он.

Многие уже покинули Крым и уехали в другие части Украины – по официальной украинской статистике, это почти 20 000 человек за первые шесть месяцев после аннексии, многие из них – крымские татары. Фактическое число, вероятно, выше, многие не регистрируются как внутренние беженцы.

Гуливер и Тамина серьезно не думают покинуть Крым. Эта мысль, прежде всего, как запасной выход. Но уже труднее поехать за границу, если живешь в Крыму. Российские власти стали выдавать также и загранпаспорта, но так как большинство стран не признает российскую аннексию, они также не признают российских паспортов, выданных в Крыму. Поэтому в паспортах крымчан написано, что выданы они в Краснодаре, на признанной международным сообществом территории России. Но позволит ли ЕС обманывать себя? Уже ходят слухи, что ЕС располагает информацией, какие серии паспортов выдаются на самом деле в Крыму, так что они считаются недействительным. Говорят, что лучше самому поехать в Краснодар для оформления паспорта. Но будет ли этого достаточно? Для получения шенгенской визы нужно указать место жительства. Никто не знает.

Кроме того, как было сказано, нельзя летать из Крыма никуда, кроме России, и те российские авиакомпании, которые летают в Крым, рискуют попасть под санкции. Именно так случилось с дешевой авиакомпанией «Добролет», принадлежащей государственной компании «Аэрофлот». У нее после аннексии была монополия на линию Москва-Симферополь. Но санкции ЕС против компании стали причиной того, что она вынуждена была закрыться в начале августа 2014 года. Даже иностранные круизные корабли больше не посещают Крым.

Гуливер и Тамина уже почувствовали проблемы из-за паспорта и прекращения полетов. Перед аннексией запланировали поездку в Турцию во время отпуска, но вдруг исчез рейс Симферополь-Стамбул. Что делать?

– Мы планировали поездку с несколькими друзьями, мы уже заплатили за перелет и за проживание в Турции. Но как туда попасть? Мы подумали, не отказаться ли от всего этого, и отель в Турции хорошо понял нашу ситуацию – они были уже готовы возместить нам деньги. Но потом мы почувствовали, что нам просто надо на некоторое время отойти от всего, – рассказывает Гуливер.

Турецкая авиакомпания тоже с пониманием отнеслась к проблемам крымчан.

– Они спросили, откуда мы можем вылететь, и сказали, что поменяют билеты бесплатно. Мы поехали через Москву, и было действительно хорошо, что мы решили сделать такую поездку, было очень приятно немного расслабиться. Но путешествие домой было странным, потому что у меня был только мой украинский заграничный паспорт, и я должен был предъявить его на паспортном контроле в Москве. Они спросили, почему у меня нет российского паспорта, если я живу в Крыму и являюсь гражданином России. Поэтому я должен был заполнить формуляр для иностранцев, прежде чем они пустили меня в страну.

Завтра школьный день, и Эмине и Сафие пора ложиться спать, а нам, гостям, идти домой. Но сначала еще посмотрим последние телевизионные новости. И теперь тележурналист вдруг говорит по-русски, а не по-украински.

– Неужели? Я не думал об этом, – говорит Гуливер.

Не язык является важным, а содержание. А канал действительно украинский, в верхнем левом углу размещен небольшой желто-голубой флаг.

– Российское телевидение не могу смотреть, – без сомнений утверждает 12-летняя Эмине. Она, конечно, говорит это по-русски.

Затем, среди недели, Гуливер отпрашивается в университете, чтобы показать мне горные пейзажи и побережье к югу от Симферополя. Он приезжает на своем серебристом «Chevrolet Aveo», небольшом автомобиле, который, кажется, очень нравится ему.

– Крым – это наша родина, но мы очень мало знали его, пока не купили автомобиль. Тогда мы начали делать однодневные поездки всей семьей в разные части полуострова, чтобы по-настоящему его узнать. Здесь невероятно много такого, что стоит увидеть, у разных частей Крыма совершенно непохожие пейзажи, даже климат много отличается между побережьем, горами и степью к северу от гор.

На внутренней панели, что хорошо видно через переднее стекло автомобиля, Гуливер закрепил крымскотатарский флаг на коротком древке. Его не было до аннексии.

– Нет, но когда я увидел, что многие устанавливают на свои автомобили российские флаги, я приобрел этот.

У большинства автомобилей на улицах Симферополя нет, однако, никакого флага. После некоторого наблюдения вычисляю, что, возможно, один из десяти автомобилей имеет российский флаг за передним стеклом, а один из двадцати – крымскотатарский. Флагов Украины не вижу совсем, но почти у всех автомобилей украинские номера.

– Большинство не очень хочет менять номера, – говорит Гуливер. – Не хотят иметь российские номера, потому что хотят ездить на украинскую территорию. Если у тебя российские номера и украинские пограничники видят в реестре, что автомобиль должен иметь украинские, получишь проблемы.

Немного отъехав от города, заправляем бак. Бензин, разумеется, русский, и литр стоит 40 рублей. По текущему курсу, который равен примерно 1,20 евро – чуть меньше, чем в украинские времена, но явно больше, чем в материковой части России. И 40 рублей за литр бензина – это много, учитывая уровень заработной платы. До референдума говорили о дешевом бензине в России, но цена не очень-то упала. Поскольку Крым с транспортной точки зрения сейчас стал островом, стало дороже завозить бензин из России.

Когда доезжаем до относительно недавно реконструированной дороги через горы к побережью, Гуливер нажимает на газ. Вид верхушек гор, прячущихся между облаков, вызывает головокружение, и так же действуют извилистые повороты широкого, трехполосного пути, вьющегося вниз по крутому склону. На крутых поворотах украинские дорожные строители сделали запасные выезды для автомобилистов, которым не удалось вовремя повернуть свою машину. Когда асфальтированная главная дорога поворачивает резко влево, покрытая гравием запасная дорога продолжается прямо несколько сотен метров, уже вверх по склону. Парковаться на запасной дороге строго запрещено – идея заключается в том, что человек, который не может остановить машину по-другому, может направить свой автомобиль на гравийную дорогу, где склон поможет водителю сбить скорость. Иногда кажется, что Россия Владимира Путина напоминает тяжелый грузовик, который без тормозов движется по крутому склону вниз, автомобиль, водитель которого полностью потерял контроль. Россия также требует запасного выхода в сторону, чтобы избежать аварии.

«Переходи на низшую передачу», – предупреждает щит. По-украински. Знаки здесь все еще украиноязычные, было бы слишком дорого сразу заменить все, когда российские налогоплательщики должны финансировать еще так много других дел.

Перед нами движется медленная колонна автобусов. «Артек», – сообщает текст на них. Советский пионерский лагерь на берегу Черного моря – самый известный в стране, отдохнуть в

котором мечтали только лучшие юные коммунисты Советского Союза и образцовые пионеры из других стран советского блока. Среди его почетных гостей были Юрий Гагарин, Индира Ганди, Никита Хрущев, Леонид Брежнев и даже военный диктатор Центральноафриканской Республики Бокасса. Также и 11-летняя американка Саманта Смит. В 1982 году она написала письмо за мир во всем мире Генеральному секретарю Коммунистической партии Советского Союза Юрию Андропову и получила право посетить Артек во время своего двухнедельного пребывания в Советском Союзе в качестве приглашенной Андроповым гостьи. Но с самым тяжелобольным Андроповым она не встретилась.

В украинские времена, после распада Советского Союза, Артек был просто международным летним лагерем для детей. После российской аннексии Артек был «национализирован» российским государством так же, как и все государственное имущество Украины в Крыму, а затем передан новому промосковскому правительству Крыма.

– Видите, снова начали возить сюда детей. Но не соблюдаются правила дорожного движения, автобусы не имеют права ехать так близко друг к другу. Они не дают возможности обогнать всю колонну за один раз, – говорит Гуливер.

Он дожидается удобного момента и обгоняет всю колонну. Однако через минуту дорога снова заблокирована медленным ездоком, на этот раз большим грузовиком, движущимся едва пятьдесят километров в час, хотя ограничение скорости – девяносто. Гуливер обгоняет – и видит российскую полицейскую машину, стоявшую за большим грузовиком на левой стороне дороги. На обочине стоит дорожный полицейский.

– Фу, сейчас он меня остановит, – говорит Гуливер, прежде чем полицейский поднимает свой полосатый черно-белый жезл.

Гуливер останавливает машину и идет говорить с полицейским. Какое-то время они спорят возле автомобиля Гуливера, а потом садятся в полицейскую машину на другой стороне дороги. Я остаюсь сидеть на пассажирском месте и пытаюсь увидеть, что происходит. Наконец Гуливер выходит из полицейской машины с какой-то бумагой в руке, садится на свое место и пускается в путь. Что случилось и что это за бумажка? – спрашиваю.

– Он, видимо, хотел денег, но я никогда не плачу взяток. Он сказал, что я пересек сплошную линию, когда обгонял грузовик, а это серьезное нарушение. Мы должны составить протокол, – сказал он. Но я знаю правила: когда едешь за автомобилем, движущимся медленно, имеешь право на пересечение сплошной линии, если нет движения во встречном направлении. Поэтому я не признал, что нарушил правила. В таком случае вы должны пройти со мной в отделение полиции, – сказал он и посмотрел на купюру, лежащую на видном месте. Пишите протокол, – сказал я, – я никогда не даю взяток.

Решающим аргументом была небольшая видеокамера Гуливера, которая закреплена на внутренней стороне лобового стекла.

– Можем идти в суд, и я покажу свою видеозапись, – сказал я, – тогда будет четко видно, что я не нарушил никакого правила. А я смогу обвинить вас в безосновательном подозрении. Это была для него слишком большая работа, поэтому наконец мы оба подписали протокол о моем задержании, что нет никаких взаимных претензий.

Через некоторое время проезжаем мимо огромного рекламного щита с текстом: «Вы встретились с коррупцией? Позвоните на нашу горячую линию». Коррупция в Крыму будет уничтожена, как уверяют российские власти. Хочется посмотреть, как они будут это делать. Полиция, остановившая нас, в любом случае была не крымская – патруль был из Краснодара,

ближайшего крупного российского города на другой стороне Керченского пролива. Местная украинская полиция молниеносно перешла на другую сторону и стала российской, как и большинство государственных служащих, но, видимо, именно поэтому полицейское начальство в России не совсем уверено в стопроцентной лояльности крымской милиции и шлет дополнительные силы с материка.

– Этим, наверное, надо пополнить свою дорожную кассу, – шутит Гуливер.

Дорожные полицейские из Краснодара, кажется, только что прибыли, они интересовались всем, – говорит он позже.

– Вы – крымский татарин? – спросили они, – А почему у вас такое имя? – Не унизительно, как могли бы сделать местные полицейские, он действительно заинтересовался, он, вероятно, никогда раньше не встречался с крымским татарином. И он спросил, почему я еще не изменил номера автомобиля и есть ли у меня российский паспорт. Я сказал, что паспорт не имеет значения. А почему? – поинтересовался он. И я объяснил ему, что все граждане Украины, которые проживали в Крыму 18 марта 2014 года, согласно закону теперь автоматически являются гражданами России, независимо от того, имеется у них российский паспорт или нет. О, вы хорошо знаете законы, – удивился он. И тогда я показал ему свой российский паспорт, чтобы он был доволен.

Был ведь вариант, чтобы не стать гражданином России, – надо было сделать специальное официальное заявление, что не хочешь менять гражданства. Но власть умышленно эту процедуру усложнила, – говорит Гуливер.

– Во всем Крыму было всего четыре места, где можно было сделать такое заявление. Но большинство людей сделало вывод, что будет разумнее принять гражданство, если намерен продолжать жить здесь.

Мы приближаемся к побережью и наконец въезжаем в небольшой курортный город Алушту, имеющий корни с 6-го века. В начале 20-го века более половину жителей все еще составляли крымские татары. Въезжаем в узкую, извилистую улицу с домами того времени.

– Где-то здесь у моих родственников был дом. Сейчас, конечно, здесь живут другие люди, все дома заняли соседи или другие, когда крымские татары были высланы. И они имели право и в дальнейшем жить здесь, и никто из крымских татар не пытался забрать свое старое семейное имущество. Это была линия, которой придерживался Меджлис. Имеющие право на возврат просто хотели жить в мире со всеми. Но есть много печальных историй, такая, как о старике, который просто хотел посидеть во дворе дома, где он когда-то вырос. Но ему не дали, его просто выгнали оттуда.

Ставим машину и идем прямо к воде по крутому переулку, со стороны которого стоят будки с вином и лотки с сувенирами. На приморской аллее построили большую временную сцену для уже прошедшей избирательной кампании. Сцена украшена цветами флага России и надписью: «Крым – Единая Россия». Над текстом – большой сине-белый медведь с российским триколором – символом правящей партии «Единая Россия». За сценой, на громоздкой полупостроенный бетонной конструкции, нарисовано огромное сердце, наполненное цветами России. «Я люблю тебя, Таня!» – написал кто-то угловатыми белыми буквами возле российского сердца.

Выезжая из Алушты, мы снова встречаем полицейскую машину из Краснодара. Полиция, пожалуй, отказалась от охоты на шоссе. Облака висят низко, и дорога на гору Ай-Петри закрыта. Мы путешествуем дальше вдоль побережья, и наконец поворачиваем в горы у Фороса,

чтобы добраться до церкви Воскресения Христова, построенной в конце 19-го века на склоне горы, в 400 метрах над уровнем моря. Вид на горы на одной стороне и ярко– зеленое побережье на другой требует тишины.

Гуливер показывает на крышу, которую можно увидеть сквозь деревья на краю небольшого курортного городка Форос.

– Это была дача Горбачева, где он был арестован.

В течение трех дней путча в августе 1991 года, когда судьба Советского Союза была неопределенной, президент страны Михаил Горбачев был полностью изолирован от окружающего мира. Четыре корабля береговой охраны патрулировали у дачи со строгой охраной, которую по приказу самого Горбачева построили в этом живописном месте. Теперь можно увидеть только один парусник в море. На этот раз переворот удался, и в Крыму все спокойно.

Накрапывает дождь, когда мы в конце дня добираемся до Бахчисарая, бывшей столицы страны крымских татар – Крымского ханства. Теперь здесь снова живет много крымских татар, в маленьком городке между двумя горными склонами, где скрываются уютные коттеджи среди деревьев, переходящие выше к голому каменистому склону. Это – другой Крым, не такой, как русские курортные города на побережье. В центре городка стоят два минарета. Они принадлежат к ханскому дворцу, старые части которого построены в 16-м веке, задолго до российского завоевания. Во внутреннем дворе стоит фонтан, который вдохновил национального поэта России Александра Пушкина на одну из самых известных его поэм. В центре настенного рельефного изображения арабской вязью – таможенная марка ханства – тамга. Такой же знак находится на голубом флаге крымских татар. Он происходит отсюда, это не вариант буквы Т, как я до сих пор думал.

Завершаем экскурсию на балконе крымскотатарского ресторана с видом на ханский дворец и всю долину. Оказывается, что официант – старый сосед Гуливера, и они обмениваются новостями об общих знакомых. Пока мы едим лагман и чебуреки, солнце уже садится над столицей крымских татар.

НАВЕРНОЕ, СТАЛИН ВСЕ-ТАКИ БЫЛ ПРАВ

Часы на высокой башне с пятиконечной красной звездой на железнодорожном вокзале в Симферополе показывают московское время. Они делают это уже в течение полугода, с тех пор как после аннексии их перевели на один час назад. Здесь на площади толпы людей праздновали

и пили шампанское. «Крымчане вместе с Россией», – написано на большом рекламном плакате возле перехода. В нескольких сотнях метров отсюда нахожу объявление с другим текстом «По не зависящим от нас производственным причинам, компания «Макдональдс» приняла решение временно закрыть заведение в Симферополе. Приносим извинения за неудобства. Администрация». Вся большая современная двухэтажная постройка из стекла и металла опоясана широкой красной пластиковой лентой. «Производственные причины», на которые ссылается «Макдональдс», – это на самом деле российская аннексия Крыма. Даже если доставка пищевых продуктов с материка усложнилась и молоко сейчас иногда кислое уже на прилавке, то «Макдональдс», вероятно, смог бы доставлять то, что нужно для дальнейшего функционирования своего ресторана – если бы действительно этого хотел. Но три ресторана в Крыму принадлежат филиалу «Макдональдс» в Украине и предприятие не может работать на оккупированной территории.

Вблизи от закрытого заведения быстрого питания нахожу остановку троллейбусов на Ялту. Обычная маршрутка быстрее, но было бы неправильно не воспользоваться шансом и проехаться самым длинным троллейбусным маршрутом мира. Троллейбусная линия была построена в конце 1950-х годов, чтобы облегчить поездку советских отдыхающих от аэропорта и железнодорожного вокзала в Симферополе к морскому побережью. Общая протяженность маршрута от аэропорта до Ялты составляет 96 километров. В советское время в период летних отпусков троллейбусы к морскому побережью курсировали так же часто, как поезда в московском метро в часы пик – каждые две минуты. Сейчас напряжение не такое высокое, и мне сразу удается купить билет на следующий троллейбус, отправляющийся через десять минут. Текст на билете все еще на украинском языке, но цена указана уже в рублях. 64 рубля, примерно 1 евро.

Троллейбус движется к морскому побережью по тому же горному шоссе, где ехал Гуливер, однако на этот раз полиция не останавливает нас. Один из немногих пассажиров – женщина с четырьмя большими ящиками винограда, который она, видимо, собирается продавать отдыхающим в Ялте. Там за виноград можно выручить гораздо больше денег, чем здесь, – говорит она своему попутчику. Она немного ворчит, когда кондуктор требует еще 15 рублей за багаж, но все-таки платит. Когда троллейбус тормозит на остановке, ее тележка с четырьмя ящиками опрокидывается. Виноградины катятся по полу. Другие пассажиры помогают ей поставить на место пирамиду из ящиков. На этот раз она слаживает их на пол, а не на зыбкую тележку.

Сейчас сезон сбора урожая, и на полпути к морскому побережью мы обгоняем трактор с прицепом, нагруженным виноградом. Трактор украшен небольшим российским флагом, хотя, между прочим, немногое свидетельствует о народном подъеме по случаю российской аннексии. По всей девяностокилометровой дороге в Ялту вижу только один дом с российским флагом. Перед самой Ялтой мы проезжаем мимо большого рекламного щита с плакатом, который снимают рабочие на лестнице. «Крым – это Россия. Справедливость – это сила», – написано на этом плакате. Это электрическая реклама партии «Справедливая Россия», которая не смогла пройти в крымский парламент на только что состоявшихся выборах.

Наконец, после почти двухчасовой поездки, троллейбус добирается до автостанции на окраине курортного города Ялта, где Антон Чехов прожил свои последние годы. Статуи дамы с собачкой и ее тайного любовника Дмитрия Гурова стоят на городской набережной, где они когда-то встретились, вблизи классической гостиницы с кариатидами у входа, где недолго жил

Чехов в 1899 году. Здесь так же закрыт и загражден «Макдональдс» «по производственным причинам». У столиков под открытым небом гостей немного – сезон почти закончился – но несколько десятков любителей загара лежат на пляже у городской набережной. Почти все туристы в Крыму сейчас приезжают из России, и здесь на набережной не услышишь другого языка, кроме русского. Украинцам здесь не рады, а нечастых иностранных туристов, находивших в последние годы дорогу в Крым, сейчас не видно – вероятно, из-за аннексии, а, возможно, потому что сейчас дорого и сложно получить российскую визу, тогда как Украина, как уже было сказано, не требует виз от туристов из Евросоюза.

Здесь я встречаю своего давнего знакомого – эсперантиста Ефима, у которого я в последний раз гостил 23 года назад, когда Крым был еще частью Советского Союза. Тогда он жил в маленькой комнате у побережья и сетовал на то, что Украинская Советская Республика начала укреплять статус украинского языка – вдруг по-украински начали говорить на телевидении, – сказал он. Между моими двумя визитами Украина стала независимой, а Крым – российским. Ефиму уже 70, но изменился немного. Он остался таким же бодрым, энергичным, и, как всегда, уверенным в своей правоте. Сейчас он живет в однокомнатной квартире в ветхом советском доме еще 1970-х годов с застекленным балконом. Я смогу спать на балконе под толстым одеялом.

– Я могу организовать тебе недорогую комнату в студенческом общежитии, здесь недалеко, я здесь всех знаю, – обещает Ефим. Но я соглашаюсь на балкон и слушаю Ефима, когда он начинает проповедь об ужасных украинских националистах, угрожающих мирной жизни в Крыму. Очень хорошо, что Крым теперь принадлежит России, этого все хотели, – говорит он. Кроме того, пенсии выросли вдвое, а медицинские услуги стали бесплатными.

– Мне нужна операция по удалению катаракты, и теперь она будет бесплатная. Мне надо заплатить только за линзу, которую мне вставят. А, возможно, мне ее тоже дадут бесплатно, это еще точно не известно. Но в украинское время это все дело стоило бы гораздо дороже.

Квартира Ефима завалена книгами. На почетном месте, у окна, стоит бюст Заменгофа. Возле бюста занимает свое место компьютер Ефима с современным плоским экраном, веб-камерой и стационарным подключением к Интернету. В последнее время он пользуется сетью, чтобы читать об опасном прогрессе ужасных украинских националистов.

– Но я легко очень возбуждаюсь от этого, можно совсем сойти с ума, когда слышишь, что там происходит. Поэтому у меня появилось новое хобби – я заинтересовался камнями и минералами. Этим я занимаюсь тогда, когда мне надо успокоиться, – говорит он, открывая несколько картинок драгоценных камней.

Затем он непринужденно открывает на экране пиратскую копию моей книги «Люди Путина», которую он получил от знакомого из Китая, и спрашивает, действительно ли я писал там, что Путин послал российские войска в Крым 3 февраля.

– Ведь это неправда, это ошибка. Но кто-то говорил, что там так написано.

Это трудно найти в книге, так как я этого не писал, – говорю я и дарю ему напечатанную книгу.

Позже, после обеда, к нам приходят Игорь и Светлана, молодые супруги, живущие поблизости. Оба они очень довольны, что Крым теперь принадлежит России. Они никогда не чувствовали себя украинцами, – говорят они. У мужчины на пиджаке российский флажок. Игорь работает строителем, она – в государственном санатории – так они и дальше называют здесь прибрежные гостиницы.

Протестов в Киеве, начавшихся в ноябре 2013 года, на самом деле в Крыму почти не замечали, – говорит Светлана, – чего не скажешь о январе, когда стали посылать военнослужащих из Крыма в Киев, чтобы помогать там властям.

– Многие из моих коллег в санатории сейчас в том возрасте, когда их сыновья служат в армии. И их начали посылать в Киев, они не хотели, но им приказывали. У меня есть знакомый, которого тоже туда послали, он работает в транспортной части. Им, конечно, не дали никакого оружия. Он рассказывал, что они должны были просто стоять там днем и ночью, и они не имели права даже разговаривать с теми протестующими, которые ругали и оскорбляли их, хотя солдаты просто выполняли свой долг. А позже стало очень трудно возвращаться в Крым, они должны были ехать длинными окольными путями.

Еще раньше обычных крымчан свозили автобусами в Киев для участия в демонстрациях в поддержку президента Януковича. У этих автобусов тоже были проблемы с проездом к месту назначения, – говорит Светлана.

– У нас тоже было несколько маленьких манифестаций в Ялте, и мы принимали в них участие, но мы не могли ехать в Киев, потому что нужно было работать. Но когда наше правительство в Крыму пыталось посылать людей в Киев, чтобы они показали, каково их мнение, то их не пропускали. Там можно было увидеть только тех, кто хотел в ЕС. Мы также не против Евросоюза, но в таком случае мы хотим войти в него на основе равенства, а не так, как сейчас. Сначала следовало бы в течение десяти лет развивать экономику, и только после этого войти как равноправная страна.

По мнению Игоря, сближение Украины с ЕС должно было бы означать, прежде всего, что русский язык получил бы равноправный, официальный статус.

– Вот возьмите Финляндию, там есть два официальных языка – финский и шведский. Но в Крыму, где 95 процентов жителей говорят по-русски, здесь в кинотеатрах показывают фильмы, озвученные на украинском языке. Это нарушение права на русский язык.

Хотя вся повседневная жизнь, школы и все официальные документы в Крыму всегда были русскоязычными, именно язык в кинофильмах и на телевидении в течение многих лет был важным символическим вопросом для защитников русского языка в Крыму. Зарубежные фильмы с украинским озвучиванием многих раздражали. Когда Светлана рассказывает, что никогда не чувствовала себя украинкой, она быстро снова возвращается к фильмам.

– Я никогда не разговаривала по-украински, ну, может, однажды в шутку. Но в 1990-х годах, когда Кучма был президентом, это вопрос не казалось столь важным. Даже субтитры в фильмах тогда казались более русскими. А когда пришел к власти Ющенко, это в 2005-м, тогда начали придумывать новые слова. Кажется, самым важным было то, чтобы они звучали иначе, чем русские.

Сейчас все фильмы в кинотеатрах показывают на русском. Но на самом деле в Крыму изменилось не так уж и много. Милиционеры те же, что и раньше, только одели другую форму. И зеленых солдат она никогда не видела. Да, деньги стали другие, и появились российские банки вместо украинских, – вспоминает она впоследствии.

– Но, кроме того, изменилось немногое. С паспортами появились некоторые проблемы, это правда. Но все прошло тихо и мирно, это самое главное. И у нас в санатории подняли зарплату, сейчас мы получаем на пятьдесят процентов больше, чем раньше.

Санаторий принадлежит государству, и большинство государственных служащих получило повышенные зарплаты. Но не все остальные. Да и цены тоже выросли. Но прошло всего полгода, так быстро невозможно все изменить, – говорит Игорь.

– Возможно, ситуация еще не улучшилась для всех. Но когда переселяются из одной квартиры в другую, то сначала бывает беспорядок, прежде чем расставят все на свои места. А мы именно это и делали, переселялись в новую квартиру, в Российскую Федерацию. Не может быть сразу образцовый порядок во всем.

Одно дело, которое уже улучшилось на стройке, где работает Игорь, – это то, что в Крым больше не прибывают украинские строители. Они работали за низкую зарплату и отбирали работу в крымчан, – считает он.

И так же там, где работает Светлана.

– Раньше сюда приезжали многие женщины из Западной Украины, и они работали за мизерную зарплату, только за то, чтобы иметь право жить около у моря. Они имели право бесплатно проживать в санатории, и они работали в две смены, ведь им не надо было здесь заниматься семьей.

Однако новая граница с Украиной вызвала новые проблемы, – отмечает Игорь.

– Некоторые частные предприятия вынуждены были закрыться из-за санкций, или поскольку они были представителями украинских компаний. Некоторые предприятия сейчас пытаются найти поставщиков в России, некоторые должны увольнять работников, но появляются и новые предприятия.

Как и прежде, чаще всего можно ввозить небольшое количество товаров из Украины, но граница препятствует большим перевозкам.

– Я знаю людей на предприятии, строящем плавательные бассейны и водоочистные станции. Они могут завозить сюда без особых проблем трубы и насосы из Украины, но когда речь идет о больших вещах, например, готовом бассейне из деталей, то они должны перевозить эти вещи через Россию, такие перевозки уже не пропустят через украинскую границу.

Но самое важное – это не экономика, а чувство общности с Россией, – говорит Игорь.

– Может, не так многое изменилось, но лично для меня самое важное то, что я за Россию, а не то, что я получаю более высокую зарплату.

Светлана соглашается с ним.

– Не стоит относиться ко всему так материально. Я чувствую, что у меня более близкие связи с Россией, я, наконец, могу гордиться своей страной. Сейчас я могу смотреть футбол или хоккей и поддерживать нашу команду. Я никогда не болела за украинских спортсменов или украинских музыкантов на конкурсах Евровидения, я всегда поддерживала Россию.

Однако до событий в феврале-марте никогда не появлялась мысль, что Крым на самом деле мог бы стать частью России, об этом говорили в основном в шутку, – добавляет Светлана.

– Ведь мы мечтали об этом, мы шутили об этом, когда я училась в университете, что, мол, объявим войну России и сразу сдадимся...

Светлана улыбается от воспоминаний и продолжает:

– Было вполне привычным, что в Крыму мыслили так, что было бы хорошо, но это невозможно. Но, разумеется, есть другие, думающие иначе, имеющие немного больше денег, люди, привыкшие ездить в Европу, у которых там много связей. Для них все эти санкции как нож в сердце. Но для большинства людей, для простых людей, которые и раньше не ездили за границу, для них это не так важно. Понятно, что у каждого свои проблемы, есть имеющие

родственников на Украине, они так же сейчас не рады. Но у меня самой есть дядя в Мелитополе, и я не могу сказать, что эти события на нас особо повлияли.

– Не должно быть важным, есть ли у тебя родственники на Украине. У меня на работе есть коллеги, у которых много украинских родственников, однако они поддерживают Россию. Если родственники хотят поддерживать Украину, то это их дело, – говорит Игорь.

Большинство знакомых Игоря и Светланы соглашается с российской аннексией, но не все, – говорит она.

– Часто дело в деньгах. Мы знаем супружескую пару, они предприниматели, занимающиеся игорным бизнесом, и у них близкие связи с Украиной. Сейчас все их дело закрыто. Понятно, что у них нет никакой надежды, у них кредит на автомобиль и большая ипотека, потому что они рассчитывали, что и в дальнейшем будут эти прибыли. Для них все это стало катастрофой, и понятно, что они делали все, чтобы дела оставались так, как было раньше. Их можно легко понять.

– И есть верующие, у нас есть знакомые, не православные и не католики, а те... сектанты. Многие из них поддерживают Украину, – добавляет Игорь.

– Да, потому что все религиозные меньшинства в России запрещены, – говорит Светлана.

Ефим, сидевший рядом и слушавший, больше не может молчать.

– Все эти протестантские секты, баптисты и другие, они же все получают деньги с Запада, и они проголосуют так, как им прикажут. Но они не запрещены в России, откуда ты это взяла?

– Во всяком случае, иеговисты в России запрещены, – утверждает Светлана.

Это правда, что в России запретили периодические издания Свидетелей Иеговы, их обвиняют в «экстремизме», и власти закрыли несколько их общин. Значит, некоторые законы в России более строгие. Хорошо ли это?

– Многие законы в России более строгие, – удовлетворенно кивает Игорь.

Светлана соглашается с ним:

– Раньше у наших милиционеров были до смешного низкие зарплаты и они постоянно брали взятки. Сейчас они получают гораздо более высокие зарплаты. Но если они примут хотя бы малейшую взятку, то сразу будут наказаны тремя годами заключения. И это хорошо, не так ли?

Также и в санатории, где работает Светлана, была большая коррупция до российской аннексии.

– Это был санаторий украинского парламента, деньги поступали из государственного бюджета. А деньги воровали везде, на всех уровнях. Ведь нам надо покупать продукты питания, а начальник говорит, что надо покупать у определенного поставщика, хотя это предприятие гораздо дороже других. Я работаю завхозом, и моя задача – убедиться, что мы покупаем товары там, где получаем хорошее качество по приемлемым ценам, но я не имела права это делать. Я не знаю, как будет в дальнейшем, и этого еще никто не знает, но, по крайней мере, этих предприятий больше нет, а начальник уехал.

Светлана смеется, когда вспоминает, что случилось, когда исчезло старое начальство санатория.

– Наши бедные повара думали, что воспользуются возможностью и пытались воровать все, что можно. Но охранники охотились за ними там, в рощах, и проверяли их сумки. Ведь нужно больше дисциплины, чтобы такие люди не разворовали все. Пожалуй, сейчас стало больше порядка.

Но что бы ни делалось, всегда будут недовольны, – говорит Игорь.

– Это видно по Белоруссии. У них порядок и дисциплина, и, однако, люди недовольны. Люди такие, они всегда чем-то недовольны. Они говорят, что законы слишком суровые, что полиция все контролирует. Но они могут выйти ночью и размахивать пачкой денег, и с ними ничего не случится. Потому что там никто даже и не подумает нарушать закон. И они хорошо живут, у меня есть двоюродная сестра, которая обычно отдыхает здесь, в Ялте. У нее достаточно денег, хотя она и не большая шишка, а обычный химик на заводе. Она может отдыхать здесь целый месяц и ходить на различные экскурсии. И, однако, люди там недовольны.

Возможно, потому, что там им не хватает свободы слова, – подсказываю я.

– Да, этого у них нет, но они могут ездить за границу и проводить отпуск там, где им нравится, – говорит Игорь.

По мнению Светланы, свобода слова – это неважно, если все равно никто не слушает.

– Когда у нас на Украине была свобода слова, то почему никто не слышал нас, когда мы были против революции? Вот у вас есть ваша свобода, каждый может говорить все, что хочет, но никто не слушает. И постоянно высмеивали Януковича по телевизору. Они считали, что это забавно, но мне кажется, что это глупо. Следует уважать действующего политика. Мы можем показать все, что думаем о нем, когда идем голосовать, но должен быть порядок. Но когда речь идет о свободе слова, то в социальных сетях я пишу все, что хочу, я свободно говорю по телефону и по скайпу, и никто меня не арестовывает за это. И не бывает так, что я всегда говорю, что все в России хорошо, могут быть вещи, которые мне там не нравятся. Однако я хочу жить в более стабильном государстве.

По мнению Игоря, свобода, которая была в Украине, вообще никому не нужна.

– Такая свобода нам не нужна. На Украине была полная свобода, если кто-то нарушал закон, то ты мог пойти в милицию и пожаловаться, и ничего из этого не было. И свобода слова – это понятие относительное. Возможно, в Белоруссии меньше свободы, но там, по крайней мере, кто-то реагирует на жалобы. На Украине можно говорить все что угодно, но никто ничего не будет делать.

И Светлана, и Игорь голосовали за Россию 16 марта, и так же делали почти все их знакомые. Но до февраля на самом деле никто не хотел отрыва Крыма от Украины, – говорит Светлана.

– Никто серьезно не думал об этом, не было сепаратизма. Мы были врагами не Украины, а нового правительства. Мы не понимаем, о какой демократии говорят, когда законно избранный президент не имеет права занимать свой пост до конца мандатного периода, независимо от того, любят его или нет. Но они изгнали президента, а затем на его место поставили другого, то о какой же демократии идет речь? Когда народ имеет право сказать свое мнение? Разве это демократия? Но когда в Крыму проводят организованный референдум, где люди получают шанс сказать, что хотят принадлежать к другому государству, потому что это государство для них ближе по языку, культуре и другим вещам, то это вдруг становится недемократическим. Здесь какое-то искажение.

Я пытаюсь возразить, что референдум в Крыму не был признан международным сообществом, потому что был организован после того, как российские войска вошли в Крым.

– Нет, российские войска не входили в Крым, – говорит Светлана.

– Да если бы и так сделали, сравните с Косово, там же можно было, – говорит Игорь.

Именно независимость Косово является примером, который приводят российские представители, чтобы доказать, что в Крыму все сделано правильно. Одновременно российскому министерству иностранных дел с удивительной логикой удалось самому не

признать независимость Косово – вместо этого они продолжают линию Сербии, согласно которой Косово – это неотъемлемая часть Сербии. Но Косово, в отличие от Крыма, даже не было аннексировано ни одним иностранным государством. Кроме того, независимость Косово наступила после длительного серьезного этнического конфликта, который в итоге привел к войне и масштабной катастрофе с сотнями тысяч албанских беженцев. Наибольшей угрозой русскоязычному большинству в Крыму, которую назвали Игорь и Светлана, были фильмы, которые в кинотеатрах очень часто имели украиноязычное озвучивание, а не русскоязычное.

Во всяком случае, то, что Крым вообще стал частью независимой Украины, было исторической ошибкой, и эту ошибку сейчас исправили, – говорит Светлана.

– Крым – это Россия, и Крым должен быть Россией, потому что здесь Россия.

Что еще полгода назад сама она даже не думала о такой возможности, для нее не так уж и важно.

Помимо того, Украина на самом деле не существует, по крайней мере, больше не существует, – уверяет Игорь.

– Украина как государство не существует. Суверенное государство должно иметь независимую внутреннюю и внешнюю политику. А Украина ее не имеет, они делают так, как им приказывают. Значит, это не государство. Для чего они нам нужны?

Здесь не действует аргумент, что решение Украины установить более тесные контакты с ЕС могло бы быть именно выражением независимой политики. Нет, решение Украины диктует ЕС и, в конце концов, США, – это говорят на российских телевизионных каналах и повторяют в Крыму. Но, с другой стороны, если бы Украина, делала так, как предписывал Владимир Путин, и отказалась бы от сотрудничества с ЕС, то тогда страна показала бы свою независимость, по той же аргументации. Не очень легко понять такую логику, но она каким-то образом напоминает концепцию ложного сознания в марксистской философии. Народ Украины, который на демократических выборах сейчас выразил свою полную поддержку прозападным политическим силам, просто не понимает своих объективных интересов, и позволяет собой манипулировать.

А как местные выборы здесь в Крыму, легко было здесь выбирать, за кого голосовать? – спрашиваю я. Ну да, само собой разумеется, что надо было голосовать за партию Путина, – говорит Игорь.

– Ведь все, что произошло здесь, происходило под руководством людей из партии «Единая Россия». У них была политическая воля осуществить дела – если они приняли решение, то способны выполнить его, они не боятся других. А не так, как на Украине.

Светлана соглашается с Игорем – она тоже голосовала за «Единую Россию». В российской политике хорошо то, что отсутствуют конфликты, которых много на Украине, – говорит она.

– Ведь Украина все время разделена на две части, посредине, по Днепру. Этот конфликт между западом и востоком продолжается в течение всей независимости. А в России этой конфликтности нет.

Но должны ведь существовать разные политические интересы в России, – уверяю я, – разве не странно, что в российском парламенте совсем отсутствует реальная оппозиция? Нет,– считает Игорь, – это является признаком зрелости, – говорит он и сравнивает политику с горными путешествиями.

– Два человека с разными интересами сбились с дороги в горах. Один говорит, что надо идти на запад, а другой говорит: нет, надо идти на восток. У них нет карты, никто не знает, какое

направление лучше. Так куда вы пойдете, если не согласитесь? Никуда. Вы будете сидеть на месте, пока не умрете от холода и голода. Следует выбрать дорогу. Нужна партия или человек с более сильной волей и пониманием, который будет направлять, куда идти. Никто не знает, какой из путей правильный, а какой ложный, это будет понятно через сотню лет. Но нужно идти куда-то, надо начинать.

Но выбрала ли Россия правильный путь? – спрашиваю я.

– Это не имеет значения. Это можно будет оценить через сотню лет. Ведь говорят, что людей угнетали в сталинские времена, в 1930-х годах. Так правильно ли он делал? С точки зрения тех, кто пострадал, конечно, нет. Но если посмотреть сейчас назад во времени, то можно увидеть, что он построил экономику страны за два десятилетия. То, что он делал, конечно, было плохо для некоторых, хорошо для других. Ведь может быть мнение, что он был неправ, когда действовал слишком жестоко. Но если бы он не был таким, тогда Советский Союз проиграл бы эту войну. Так как знать, правильно ли он делал? Однако, наверное, Сталин был все-таки прав.

– Но он отправил в ссылку всех тех военачальников, – возмущенно возражает Ефим.

– Были другие, которые могли воевать. Ведь нужно каким-то образом мотивировать людей, – аргументирует Игорь массовые репрессии Сталина.

Но если так рассуждать, то тогда можно совсем забыть о демократии, – удивляюсь я. Игорь выглядит скептически.

– Демократия? Это слово, которое можно интерпретировать по-разному. Точно так же, как на Украине. То, что произошло в Киеве, это они называют демократией, а когда кто-то это отрицает, то тогда это не демократия, а сепаратизм.

Светлана рассуждает подобным образом:

– Откуда можно знать, какой путь правильный? Когда наши родственники из Белоруссии приезжали в гости, то говорили о том, как хорошо все здесь, на Украине, когда имеешь право говорить все, что хочешь и делать все, что хочешь. А в Белоруссии все плохо. Но они могут купить квартиру в новой части города и получить беспроцентную ипотеку. А когда здесь была Украина, то никто не говорил о политике. Когда приедешь в Белоруссию, там продолжают говорить о политике. Однако они говорят, что у них нет свободы слова.

Игорь продолжает:

– Понятно, у них там есть определенные ограничения, но есть и хорошие стороны. Но и демократия, что это такое? Это тогда, когда сын депутата парламента может купить автомобиль «Бентли» и наезжать на людей, а его за это не наказывают. Такая ваша демократия.

Политик, о котором говорит Игорь, – это скандально известный миллионер Иосиф Файнгольд, который несколько лет был депутатом крымского парламента. Там он представлял партию «Союз», поддерживающую идею объединенного государства, которое состояло бы из России, Беларуси и Украины. Однако кажется, что он сам использовал свое положение в основном для того, чтобы добывать себе больше денег. Иосиф Файнгольд и его сын-мажор Виталий в итоге были обвинены крымским судом в присвоении общественных денег и непреднамеренном убийстве, однако не были серьезно наказаны.

– Такие дела не могут иметь места в Белоруссии, там люди даже не решаются превышать скорость, у них даже есть смертная казнь. Все боятся, – говорит Игорь.

И пусть так будет, – считает Светлана. – Строгая дисциплина необходима, если думать о том, как шли дела в Крыму в украинские времена, – говорит она.

– В России люди также боятся. Но здесь у нас, если у тебя есть деньги, то можешь делать все, что заблагорассудится, водить автомобиль навеселе и наезжать на людей, однако всегда сможешь выкрутиться.

Когда разговор снова возвращается к тому, что же улучшилось после аннексии, а что изменилось, Ефим больше не выдерживает, выбегает из своего угла маленькой комнаты.

– Нет, постой, постой, теперь ты послушай меня. Ведь ты спрашиваешь о деньгах, о тех, кто получает большую зарплату, и о тех, кто не получает, но не это самое важное. Дело в том, что мы продолжаем жить, без «зеленых человечков» здесь происходила бы резня, ты должен это понять. Здесь было бы гораздо хуже, чем в Одессе. Все уже было запланировано, и была известна дата, было две тысячи террористов на стороне крымских татар и они должны были напасть на нас, ты это знаешь? Они стояли здесь перед парламентом и готовились, они точили ложки и вилки, и все возможное...

Я спрашиваю, откуда Ефим получил эти конспирологические теории, но его невозможно остановить.

– Об этом писали в газете, автор был хорошо информирован. И я видел базы террористов на Западной Украине, ведь это показывали по телевизору. Их задачей было перехватить все оружие и начать вырезать славян, чтобы спровоцировать Черноморский флот. Тогда началась бы страшная резня и не было бы никакого референдума. И они уже знали, когда именно все должно было начаться, но «зеленые человечки» пришли раньше, всего на два дня раньше.

Ефим вполне уверен, что согласно тайным планам крымские татары должны были устроить резню.

– Ведь здесь были украинские войска, я долго думал, почему Киев не захотел использовать армию, и потом понял. Ведь они договорились с крымскими татарами, как все должно было начаться. Ты же знаешь, как они сжигали людей в Одессе. Если бы не пришли «зеленые человечки», то было бы такое же. И, кроме того, крымские татары убили бы массу людей.

Трагедия в Одессе на материковой Украине 2 мая 2014 года началась, когда пророссийские сепаратисты напали на манифестацию за единую Украину. Насилие постепенно обострялось, в то время как милиция в основном пассивно наблюдала за тем, что происходит. После уличных боев разъяренные толпы людей погнали сепаратистов в их лагеря перед Домом профсоюзов и подожгли палатки. Сепаратисты закрылись в Доме профсоюзов. Началась стрельба с крыши этого дома, а также из вражеского лагеря перед ним. Скоро начали бросать коктейли Молотова, и огонь распространился на здание. В результате погибли 43 человека, большинство – из-за пожара.

Все, кажется, свидетельствует, что речь шла о неконтролируемом росте насилия, по крайней мере, частично вызванном некомпетентными действиями милиции, однако российская пропаганда последовательно описывала эти события как резню русских, заранее спланированную украинскими ультраправыми силами в сотрудничестве с украинскими властями. И подобная резня случилась бы и в Крыму, если бы «зеленые человечки» не помешали ей, – в этом Ефим абсолютно уверен.

– Моя внучка Юлька рассказывала мне, что у нее на работе был крымский татарин, который рассказывал это, «мы скоро перережем вас всех». И разве ты не веришь, что они так же говорили и раньше?

Светлана, до сих пор не сказавшая ни одного плохого слова о крымских татарах, вдруг присоединилась к этим аргументам:

– Да, да, они об этом говорили, и вполне открыто. У моего отца был коллега по работе – крымский татарин, он приехал сюда в 1992 году, и с тех пор они работали вместе восемь лет. Это случилось где-то в 2000 году, у них на работе была какая-то вечеринка и они сидели за одним столом. И тогда отец спросил его об этом: «Ведь мы все работаем вместе после развала Советского Союза, мы привыкли друг к другу, поэтому ты ведь не будешь нас резать?» Так что он ответил? «Нет, я это сделаю, буду плакать, но тебя убью». Я подумал о Гуливере, крымскотатарском враче из Симферополя, у которого в 1990-х годах его однокурсники хотели узнать, куда тот прячет свой нож. Гуливер пошутил и сказал, что оставил свой нож дома, потому что его товарищи в последнее время хорошо себя ведут. Возможно, и этот эпизод сейчас рассказывают, как пример того, какие ужасные эти крымские татары? Когда вдруг нужна угроза в качестве аргумента в оправдание российской аннексии, то чья-то неудачная шутка или рассказ внучки вдруг становятся доказательством того, что крымские татары действительно планировали резню русских. И не только крымские татары, ведь, кроме них, также поезд, наполненный ультраправыми экстремистами из Западной Украины, уже направлялся в Крым, чтобы убивать русских, – уверены здесь. Этого поезда никто не видел, но из-за постоянных пересказываний это стало такой же правдой, как и тайное оружие крымскотатарских экстремистов – заостренные ложки в кармане брюк.

Сразу после того как президент Янукович сбежал из Киева, российские государственные средства массовой информации раструбили на весь мир, что фашисты с помощью путча захватили власть в Киеве. Это даже нельзя назвать искажением правды – все это абсолютная ложь. Ну да, ультраправые были среди протестующих на Майдане Незалежности, и одним из основных лидеров протеста был председатель националистической партии «Свобода». Но националисты получили лишь второстепенные роли в первом новом правительстве – а позже полностью проиграли парламентские и президентские выборы. Вместо них в обоих выборах победу одержали центристские политические силы.

И о путче здесь вряд ли можно говорить. Ведь был полностью легитимный парламент Украины, который вечером 20 февраля, после массовых расстрелов в Киеве, принял решение, что войска должны быть отведены из столицы, а также запретил спецслужбам расстреливать граждан. Когда войска были выведены, президент Янукович решил бежать.

В отличие от Крыма, в Киеве никто не штурмовал парламент. После исчезновения президента государства временно исполняющим обязанности президента страны был назначен председатель парламента, как того требует закон. Но дни после расстрелов в Киеве были беспокойными, и радикальные группы охотились на всех, кого можно было заподозрить в какой-либо связи с неустановленными снайперами, которые расстреляли десятки протестующих на Майдане Незалежности. Именно тогда колонны автобусов по дороге в Крым подвергались нападениям с применением насилия. Произошла настоящая резня, – рассказывает Ефим. Он видел пропагандистский фильм, который новая власть Крыма разместила в сети.

– Их остановили возле Корсуня, к югу от Киева, и там их порезали, это сделал «Правый сектор». Они сжигали людей в автобусах. Я могу показать видео с другими доказательствами, а, кроме того, во время демонстраций я слышал рассказы выживших. Там был парень, которого заставили стать на колени и требовали, чтобы он пел гимн Украины. Он не знал его, он начал петь на русском языке, и тогда ему перерезали горло. В те дни случались подобные вещи, и мы это знаем. И здесь тоже могли бы случиться подобные вещи, если бы своевременно не появились «зеленые человечки».

Однако все-таки странно, что ни западные, ни украинские СМИ не сообщали о какой-либо резне крымчан вблизи Корсуня-Шевченковского в Центральной Украине, где были остановлены автобусы в конце февраля. Утверждения о десятках убитых можно найти только на российских пропагандистских сайтах, распространивших профессионально изготовленный фильм, в котором выжившие рассказывают о своих ужасных переживаниях. Этот фильм получил название «Корсунский погром» и был публично показан в парламенте Крыма 20 июня.

Так же, как и многие другие события в Украине, все эти рассказы о десятках убитых, перерезанных глотках и сожженных телах – это всего лишь пропагандистская ложь. Более детальные исследования официальных высказываний в соответствующие дни показывают, что ни один человек не был убит во время нападения на автобусы в Корсунь-Шевченковском. Тогдашний министр здравоохранения Крыма быстро получил информацию об этих событиях и позже на пресс-конференции смог доложить местным журналистам, что все, кроме трех из 320 пассажиров, находившихся в автобусах, даже не были ранены. Двое пассажиров получили незначительные ранения, и им оказали помощь на месте, они позже вернулись в Крым поездом. Один получил более серьезные ранения и попал в больницу с диагнозом «вывих тазобедренного сустава и ранение живота». По крайней мере один автобус был действительно сожжен – но он был пуст, когда это происходило.

Конечно, нападение на автобусы был очень неприятным переживанием для тех, которые были вынуждены выйти, испытать унижение и даже физические оскорбления, но это нападение было лишь одним из многих случаев насилия, которое применяли обе стороны конфликта в те решающие дни в феврале. Но что же произошло на самом деле – это не так уж и важно, когда нужно доказать, что в Украине царит фашистская хунта. Для Ефима и многих других в Крыму «корсунский погром» является неопровержимой истиной и еще одним аргументом в пользу того, что Крым должен принадлежать России – ведь в противном случае придут мерзкие фашисты и всех убьют.

Когда Игорь и Светлана идут домой, мы решаем больше не говорить о фашистах в Киеве – уже понятно, что мы ни к чему не договоримся. Вместо этого Ефим показывает мне несколько новых красивых минералов в сети. Когда он хочет смотреть российское телевидение, я сажусь на маленькой кухне пить чай и читать – я не выдерживаю дополнительных экспертов, которые кричат друг на друга, и каждый пытается показать, что именно он больше всего ненавидит фашистскую хунту в Киеве.

Ночь на узком застекленном балконе с видом на зеленый дворик и покрытые облаками вершины гор – это очень приятно, хотя осень уже отчетливо приближается. После завтрака Ефим провожает меня, чтобы показать лучшую дорогу к остановке городских автобусов. У русла почти пересохшей горной реки он мне показывает несколько цветов.

– Я посадил их с молодежной группой еще весной. Они плохо росли, поэтому я время от времени поливал их. Сейчас они выглядят красиво. Но посмотри, какими небрежными бывают люди!

Ефим поднимает пустую пивную бутылку, лежащую между цветами, и швыряет ее через невысокий каменный забор в сухое русло реки.

Центральная остановка городских автобусов расположена возле известного кинотеатра «Спартак». На ограде балкона большими буквами написано «Hollywood». «Американская кухня», – рекламирует ресторан немного меньшими буквами. Кажется, что здесь все еще можно получить американо. В знак протеста против «агрессии» Соединенных Штатов против

России через Украину некоторые кафе в Крыму сейчас вычеркнули это слишком американское название из своих меню. Кофе теперь называется россиано.

Название кинотеатра написано на фасаде рельефными буквами – с одной стороны балкона цветами Украины, а с другой стороны буквы образуют российский триколор. Ранее эти цвета должны были символизировать вечную дружбу России и Украины. Сейчас дело лишь в том, что ни у кого не нашлось времени, чтобы закрыть презренные украинские цвета чем-то более приемлемым.

ГОРОД РУССКОЙ СЛАВЫ

Суббота, и в зале автостанции, расположенной на окраине Ялты, ближе к горам, чем к морю, длинные очереди. Когда я приближаюсь к окошку, вижу на внутренней стороне стекла объявление: «Вниманию пассажиров! Лиц, прибывших в Крым с территории России, в последнее время не пропускают на территорию Украины и высаживают из автобуса на границе». Жители Крыма и украинцы, которые въехали в Крым с украинской территории, могут беспрепятственно ехать автобусом на территорию Украины. Но те, кто прибыл в Крым через российскую границу, согласно украинским законам незаконно находятся на территории, оккупированной Россией, и поэтому не имеют права пересекать украинскую границу.

Но я поеду в противоположном направлении, в самый пророссийский город Крыма – Севастополь. В советское время этот город был закрытым для посторонних из-за его большого военного значения, и после развала Советского Союза ельцинская Россия долго не могла согласиться, что не только Крым, но и город базирования морского флота Севастополь принадлежит независимой Украине. Только в 1997 году Россия и Украина смогли договориться о том, как Черноморский флот будет поделен между странами. В советские времена в Севастополе базировались тысячи военных кораблей и катеров, но многие из них нельзя было больше использовать. Лучшие корабли получила Россия, которая несколько дней назад имела около сорока военных кораблей в Севастополе, среди которых флагман – крейсер «Москва». Договор об аренде 1997 года дал российскому флоту еще двадцать лет для подготовки нового место базирования. Для многих украинских политиков 28 мая 2017 года было святой датой. В тот день российский флот должен был покинуть Севастополь. Наконец этот город станет полностью украинским. Но это невозможно, – говорили русские, – ведь Севастополь является городом русской славы с 1783 года и останется таким навсегда.

21 апреля 2010 года, когда Виктор Янукович был президентом неполные два месяца, он подписал соглашение о продлении срока базирования российского флота в Крыму до 2042 года. Перед голосованием по поводу ратификации этого соглашения в Верховной Раде Украины началась драка, и сырое яйцо попало прямо в глаз спикеру Верховной Рады Владимиру Литвину, прежде чем охранники прибежали с полотенцем и двумя черными зонтами, чтобы прикрыть его. Позже кто-то из представителей оппозиции бросил две дымовых шашки, чтобы заставить парламентариев покинуть помещение.

Тем не менее Литвин, который был едва заметен сквозь дым, поставил на голосование вопрос о соглашении. Решение о продлении было принято с перевесом в десять голосов, а взамен Украина получила большую скидку на российский газ. Теперь Россия отменила скидку: соглашение уже недействительно, – говорят они, поскольку Крым больше не принадлежит Украине.

Россия также уже не считает, что обязана ограничить количество своих военных кораблей в Севастополе, что предусмотрено соглашением. Соглашение позволяло добавлять новые корабли только после изъятия старых. После аннексии Крыма Россия объявила, что тридцать новых кораблей будут добавлены в состав Черноморского флота в течение шестилетнего периода. Кроме того, французский вертолетоносец типа «Мистраль» должен был значительно усилить мощь Черноморского флота не только в Черном море, но и в Восточном Средиземноморье и на океанах. В целом военное значение российского Черноморского флота значительно возросло после аннексии Крыма, – говорит Якоб Хеденског, аналитик по политике безопасности FOI, исследовательского центра министерства обороны Швеции.

До незаконной аннексии Крыма российский Черноморский флот имел, прежде всего, символическое значение, но действия России в Грузии в 2008 году и сейчас в Украине в 2014 году свидетельствуют, что порог использования военного вмешательства снизился. Стратегическая ситуация резко изменилась, и не только в Черном море. Своей агрессией против Украины и аннексией Крыма Россия бросила вызов всей европейской системе безопасности. И поэтому Россия планирует и в дальнейшем укреплять Черноморский флот.

Но сейчас, как уже было сказано, суббота и многие желают осуществить автобусное путешествие из Ялты в город русской славы. Желающих совершить такую поездку так много, что билеты на два следующих рейса уже распроданы. Я спрашиваю, когда будет моя очередь

приобрести билет, и покупаю его на автобус, отправляющийся через два часа, а затем сижу с пивом и пирожком на балконе спокойного кафе позади автостанции. Вкусное бочковое пиво украинского производства. Очевидно, старые каналы поставок с материка все еще работают, по крайней мере, когда речь идет о товарах первой необходимости.

Интернет по мобильному телефону в Ялте не блестящий, но кое-как можно прочитать самые свежие новости из Симферополя. Положение Меджлиса и крымских татар, кажется, постоянно ухудшается. Но в Ялте светит солнце, хоть верхушки гор позади автостанции покрыты облаками. На рекламном щите на обочине заметен хвастливый лозунг городской мэрии: «Ялта – город счастья!» После сорока пяти минут на балконе я прогуливаюсь к автостанции, чтобы прозондировать, нельзя ли выехать раньше.

– Один? Сто рублей, – говорит контроллер, кладет мой чемоданчик в багажник автобуса и направляет меня на одинарное место в передней части автобуса.

Квитанции я не получаю и предполагаю, что не стоит что-то говорить об оплаченном билете на следующий автобус, который уже есть в моем кармане. Все это выглядит не совсем законно, ведь автобус должен быть полным, но, кажется, не только у меня нет действительного билета. Сразу же после того как автобус выезжает с территории автостанции, он останавливается, чтобы подобрать еще нескольких пассажиров, которые платят наличными. В автобусе, который выехал раньше и на который я не попал, за лобовым стеклом висела российско-патриотическая лента святого Георгия. Здесь ее заменяют три православные иконы. Лучше уж так, если я должен выбирать, потому что георгиевская лента меня не привлекает, с тех пор как сепаратисты в Восточной Украине начали использовать ее в качестве своего символа.

Через несколько дней, когда смотрю местные новости в квартире на улице Кечкеметской в Симферополе, вижу, как российская налоговая полиция прочесывает автостанцию с целью выявления водителей, перевозящих пассажиров без действительных билетов и берущих деньги наличными. Типичный пример украинской коррупции, которую не будут терпеть в новом, российском Крыму, – объясняет ведущий новостей.

Но я доволен, потому что теперь доберусь до Севастополя на час раньше. Прибрежная дорога туда из Ялты широкая и в хорошем состоянии. С этой дороги начались первые неуверенные наблюдения за передвижением российских вооруженных сил за несколько дней до штурма крымского парламента. Утверждалось, что эти группировки передвигались в направлении Ялты, и позже их можно было увидеть там, возле санатория российской армии.

Когда приближаемся к Севастополю, то сначала проезжаем плоскогорье с большими виноградниками. С этого направления немцы атаковали город в конце зимы 1942 года, когда вся остальная территория Крыма уже была оккупирована. Путь змеится вверх по склону, и мы проезжаем мемориальный парк с большим количеством советских пушек и военных грузовиков времен Второй мировой войны – одну из крупнейших туристических достопримечательностей города. Большие ворота на въезде в город – это огромная белая арка, украшенная гигантскими копиями трех советских орденов, которые город получил за героизм во время Великой Отечественной войны. На верхушке прикреплен орден Ленина, высшая награда Советского Союза, с профилем вождя, а над орденом – золотая звезда, символ того, что Севастополь является городом-героем. Эти рельефные ордена недавно были сдержанно-белыми на белом фоне. Сейчас они окрашены в золотые, серебряные и красные цвета, от чего их резко видно издалека. Возле медалей – число 1783 – год основания города Екатериной Великой, и 1983,

когда закрытый советский военный город праздновал свой двухсотлетний юбилей и когда были сооружены ворота.

Возле ворот стоит также бюст Екатерины Великой. Она была царицей, и, соответственно, не очень популярной в советское время. И в украинские времена ее не очень любили, но всего лишь через четыре недели после российской аннексии ее бюст появился на въезде в город, который она сделала российским. Текст на пьедестале объясняет, почему она была хорошим правителем страны: «За время ее пребывания на троне в 1762-1796 годах была преобразована структура империи, выросло могущество российской армии и флота, присоединено много земель. Процветали культура, образование и наука». По левой стороне дороги сейчас стоит другой бюст – князя Григория Потемкина, известного фаворита Екатерины, который аннексировал Крым в 1783 году и затем сам правил новыми южными провинциями России. Статуи были доставлены огромным грузовиком, в котором была еще дюжина бюстов российских и советских военных героев. Другие бюсты на похожих углубленных металлических пьедесталах были установлены в виде длинного ряда в центре Севастополя и названы «Аллея российской славы».

В то время как столица Крыма Симферополь создает впечатление провинциального и хаотического города со своими свисающими электрическими проводами и беспорядочной городской застройкой, Севастополь выглядит важным военным городом с прочным наследием времен мощной Российской империи. «Смерть фашизму», – кричит белая надпись на черном бронепоезде, достопримечательности Великой Отечественной войны, а сейчас музейном экспонате возле автостанции. Помпезные здания с колоннами и военные памятники стоят вдоль прямых бульваров в центре города. С любой точки набережной заметна мемориальная колонна – памятник погибшим кораблям, которые были затоплены, чтобы остановить вражеский флот во время Крымской войны 1850 года. Эта колонна, изображенная также на гербе и флаге города, стоит на огромной каменной глыбе в море на расстоянии нескольких десятков метров от набережной. Паром под названием «Адмирал Истомин» перевозит туда и обратно машины из северных частей города через длинный залив. Небольшой паром покрыт рекламой местного банка «Морской», который был основан через месяц после аннексии. Украинские банки тогда перестали функционировать в Крыму, в то время как крупные российские банки не желали открывать здесь свои филиалы, потому что тогда бы им угрожали международные санкции.

Ходовым товаром на сувенирных раскладках на набережной являются футболки с изображением российского президента в черных противосолнечных очках или в военной форме с автоматом на плече. «Вы не с нами? Тогда мы идем к вам!», – написано на одной из футболок. «Сила России», – на другой. Но самым популярным текстом на футболках с Путиным является такой: «Самый вежливый из всех людей». Текст намекает на «зеленых человечков», то есть военных, одетых в зеленую форму, которых быстро прозвали «вежливыми людьми», потому что они были молчаливыми и оставались в тени, в то время как всю грязную работу выполняли местные наемники – «силы самообороны» Сергея Аксенова. Они избивали слишком любознательных журналистов, похищали протестующих и активистов, которые еще не поняли, что лучше молчать. Сейчас «вежливые люди» везде, как и футболки с изображением Путина. В новом международном терминале аэропорта Шереметьево в Москве стоит автомат, продающий футболки с изображением Путина, а посреди коридора аэропорта по направлению к скоростному поезду к центру Москвы пассажиры из-за рубежа встречают картонную фигуру: солдат с закрытым лицом в полном боевом облачении, с автоматом Калашникова в руках.

«Русские – вежливые люди», – написано на животе мужчины старинными кириллическими буквами. А в ноябре 2014 года автозавод «Урал» представил новую бронированную машину, которую назвали «Вежливый броневик». «Он преодолевает препятствия очень вежливо», – рассказали журналистам во время презентации. Владимир Путин, который инспектировал новое транспортное средство, кажется, остался доволен. «С помощью вежливости и оружия можно достичь гораздо больше, чем с помощью одной только вежливости», – прокомментировал он.

Я хочу встретиться с предпринимателем, которого тоже зовут Владимиром. Но он занят и поэтому прислал за мной своего водителя. Я спрашиваю его, когда он намерен поменять свои украинские номера на новые, российские.

– А я вовсе не намерен их менять. Я – украинец.

Этот водитель – один из немногих в Севастополе, который рассказывает мне о своем критическом отношении к аннексии. Его товарищи по работе хорошо знают его точку зрения. Это я замечаю, когда прибываем в офис, расположенный возле крупного торгового центра, чуть в стороне от центра города. Но это их не беспокоит – он может иметь любую точку зрения, – говорят они. В Севастополе такие убеждения настолько редки, что не кажутся угрожающими.

Владимир, предприятие которого располагает двумя консервными фабриками, – кругленький мужчина, который, кажется, знает всех в большом здании, включая журналистов местной телевизионной станции, расположенной на втором этаже. Но перед тем как мы будем делать что-то другое, мы должны хорошо пообедать, – говорит он. Это мне подходит, потому что ничего после пирожка на автостанции в Ялте не ел.

Заходим в торговый центр «Муссон», который почти ничем не отличается от чего-то подобного в Южной или Восточной Европе. Большой продовольственный магазин в этом торговом центре относится к украинской сети «Велмарт», а телефонный отдел – к украинскому предприятию «Киевстар». Оба эти учреждения функционируют хорошо, хотя номера «Киевстар» нельзя использовать в Крыму уже в течение многих недель. Я предполагаю, что этот отдел сейчас продает российские SIM-карты, которые все хотят иметь.

– Как вы сами видите, здесь можно купить все. Разговоры о дефиците товаров в Крыму ничего не стоят. Здесь даже есть бутик изделий из меха, хотя я себе не представляю, что можно делать с мехом в Крыму, – смеется Владимир.

Еда в кафетерии состоит из обычных российско-украинских блюд – вкусных, жирных и недорогих. Ничто здесь не напоминает о Советском Союзе – работники любезны, действуют слаженно, везде чистота и порядок. Буфет имеет крышу из балок и черепицы, что придает ему вид поместья. Поместья фабричного производства, но все же... Владимир берет три блюда и большой стакан Фанты. Я довольствуюсь минеральной водой и вторым блюдом.

После ланча Владимир должен еще немного поработать. Я наведываюсь в местный телевизионный канал NTS на втором этаже этого же здания. На почетном месте открытого пространства офиса висит портрет Владимира Путина. Я узнаю, что портрет был частью большой посылки, которую мэрия получила из Москвы и затем раздала соответствующим получателям. Сокращение NTS означает «Независимое телевидение Севастополя», но полностью независимым канал не является, им владеет предприниматель Алексей Чалый. Этот телевизионный канал и сам Алексей Чалый сыграли ключевую роль в «народном восстании» в Севастополе. Журналист NTS Иван Клепачов, молодой человек в черных джинсах, голубом

пуловере с капюшоном и сверкающих очках, говорит, что фактически все в городе сделали жители Севастополя, а не «зеленые человечки».

– Еще Толстой писал, что невозможно находиться в Севастополе без того, чтобы кровь не закипала от гордости за историю и людей, которые здесь защищали Россию. Это – гордость нации, геополитическая точка, где многое в нашей истории решалось, и все это является святым для жителей Севастополя. Живущие здесь чувствуют неразрывную связь с нашей историей, с Великой Отечественной войной, когда севастопольцы защищали свой город 251 день. Поэтому история так важна для здешних людей.

Но, несмотря на долгую российскую историю города и несмотря на то, что почти все жители здесь считают себя русскими, навряд ли кто в Севастополе действительно верил, что Севастополь или Крым мог бы стать частью России», – говорит Клепачов, как и многие другие.

– Мы жили на Украине и в общем люди были полностью удовлетворены положением вещей. Не было плана, направленного на то, чтобы сделать нас частью России. Но, разумеется, мы заволновались, увидев события в Киеве. Там среди других людей были правые, националисты. Это невозможно, этого никто в Севастополе не сможет воспринять, ведь здесь огромное количество памятников советским солдатам, отдавшим все для того, чтобы остановить фашизм. И когда люди поняли, что когда-либо сюда может прибыть тот праворадикал из Киева и диктовать нам, что мы имеем право здесь делать, а что нет, тогда многие забеспокоились о своем будущем. Но все верили, что будет найден какой-то компромисс.

– Когда президент Виктор Янукович 22 февраля бежал из Киева, влиятельные российские активисты решили, что пора что-то делать, и они призвали всех 23 февраля на большой митинг. Этот призыв был распространен, между прочим, через телеканал NTS. И митинг был огромным, но, конечно, не таким большим, как в Киеве, – говорит Иван Клепачов. – Здесь милиция принимала участие в митинге вместе с народом, ни у кого не было палок, все происходило мирно.

Примерно 20 000 митингующих размахивали флагами России и свистели, когда украинский мэр просил их сохранять спокойствие и не нарушать единства Украины. Алексей Чалый, владелец телевизионного канала NTS, был провозглашен толпой «народным мэром» и вскоре возглавил севастопольское восстание против новой власти в Киеве. Украинский мэр покинул свой пост и город.

– Тогда все поняли, что произошедшее вышло за рамки закона и украинские силы безопасности в любой момент могут восстановить порядок и поставить на должность мэра нового человека из Киева. Поэтому многие начали организовываться в группы самозащиты. В Севастополе много военных и бывших военных, и они хорошо знали, как это делается. Они разбились на группы и начали сооружать блокпосты, чтобы быть уверенными, что никто посторонний не сможет прибыть в Севастополь. Эти действия также были противозаконными, но другого выбора не было, потому что и в Киеве также игнорировали закон по своему усмотрению.

Отряды особого назначения «Беркут» бывшей украинской власти были направлены в Киев также из Севастополя, чтобы усмирить протестующих. Теперь их обвиняют в стрельбе и убийствах протестующих, поэтому отряды особого назначения «Беркут» были расформированы. Отряд «Беркут» из Севастополя отказался выполнять приказы из Киева. Вместо этого много бойцов этого отряда поехали на границу Крыма с материковой Украиной, чтобы построить там блокпост. Обо всем этом мне рассказывает Иван Клепачов.

– Они поехали туда, потому что здесь, в Севастополе, у нас уже были местные отряды самообороны. Они поехали туда тайком. Немногие знали об этом до тех пор, когда они начали звонить своим родным. Я поехал туда, чтобы сделать репортаж, и видел все собственными глазами. Там было около пятидесяти человек – бойцы «Беркута», ветераны и другие люди, которым они доверяли. Они поставили внедорожник «УАЗ» поперек дороги и останавливали все автомобили, чтобы убедиться, что никто не завозит оружие.

Но все еще никто серьезно не думал о том, что Крым может стать российским, – вспоминает Клепачов.

– Нет, о присоединении к России речь тогда не шла, только о защите. Только когда российские военные из Черноморского флота тайком начали помогать, стало понятно, что украинского государства здесь больше нет.

Иван Клепачов абсолютно уверен, что «зеленые человечки» прибыли из Черноморского флота.

– Я не знаю, как это происходило в других частях Крыма, но для нас было совершенно очевидно, что они прибыли из флота. Ведь севастопольский порт является местом базирования Черноморского флота и все его руководство находится здесь. Если бы начались бои, это угрожало бы «нервному центру» флота. И, чтобы предотвратить это, украинские военные базы были заблокированы.

И когда наконец состоялся референдум, все пошли голосовать за Россию, потому что никто не хотел, чтобы сюда пришел фашизм, – объясняет Иван Клепачов.

– За всю свою жизнь я никогда не видел такого количества людей, желающих голосовать. Обычно к выборам относятся довольно прохладно. Действительно, все произошло довольно быстро, когда организовали тот референдум, но просто не хватало времени. Мы боялись, что начнется война. Когда я разговаривал с «Беркутом» на блокпостах, они говорили, что для них уже нет пути назад. Если Крым останется частью Украины, они будут приговорены к пожизненному заключению.

Сам Иван Клепачов родился в Одессе, на материковой части Украины. Сейчас у него российское гражданство, но его родители и дальше живут в Украине. Однако, по его словам, они разделяют его точку зрения.

– Моя мать – русская, мой отец – наполовину русский, наполовину украинец. Но это совсем неважно. Я родился в 1989 году, когда еще существовал Советский Союз, и я считаю, что мы и сейчас является одним народом. Нас просто искусственно разделили, придумали все это. Ведь кто-то от того выигрывает, что мы больше не любим друг друга, а любим только деньги.

Ивану Клепачову было два года, когда развалился Советский Союз, и он рос в независимой Украине. Он не может ничего помнить о жизни в Советском Союзе. Однако и он желает вернуться обратно в хорошую советскую эпоху.

После посещения телестанции я возвращаюсь в офис Владимира. Он еще не вернулся, но двое его подчиненных угощают меня чаем, пока я жду. Чашка из тех, что стали популярными в Севастополе после российской аннексии. На рисунке изображен большой русский медведь на фоне флага России. Медведь рычит на нападающего американского орла. «Моя страна – мои правила!» – написано под рисунком. Ниже указан электронный адрес – засвободу.рф. В России преобладает мнение, что именно Россия защищает свободу, в то время как Евросоюз и особенно США хотят поработить украинский, а затем и российский народ.

У двух молодых мужчин, кажется, не очень много работы в офисе. Следовательно, они могут немного поболтать со мной. Оказывается, что оба они поселились в Севастополе относительно недавно, после аннексии. Они надеются заработать денег на реконструкции местной инфраструктуры, которую пообещала сделать власть России.

– Я хотел бы купить небольшую закрытую колбасную фабрику или что-то подобное и восстановить ее, здесь это должно обойтись дешевле, чем в России. Но до сих пор я не смог подыскать себе что-то, – говорит один из мужчин с темными волосами.

Он переселился сюда из Армении, и у него есть брат в Швеции.

– Он получил там статус беженца, хотя длилось это очень долго. Кажется, он живет как пенсионер, получает деньги от государства и почти ничего не делает. Мне бы это не подошло. Я некоторое время работал в России, затем вернулся в Армению. Но там нельзя заработать денег, там нет хорошей работы, поэтому я решил попробовать здесь, – объясняет он.

Его коллега-блондин, который прибыл из Чувашии в России, считает, что в Крыму много устаревшего и отсталого, что требует реконструкции.

– Вы только посмотрите на магазины! Все выглядит, как у нас много лет назад. Покупатели даже не имеют права сами взять товар. И стоит здесь все дороже, чем у нас, и цены постоянно растут!

Но цены были гораздо ниже до аннексии, – напоминаю я. – Стало сложнее поставлять сюда товары. И не станет проще в будущем, потому что Россия вряд ли вернет Крым, как надеются украинцы.

Блондин смеется от такой абсурдной для него мысли.

– Нет, конечно, нет. Крым принадлежит России, а Россия никогда не отдает того, что ей принадлежит.

Когда Владимир возвращается, я прощаюсь с обоими из офиса и сажусь в его серебристый автомобиль «Судзуки», чтобы поехать на праздник – день рождения, где я смогу поговорить с другими жителями Севастополя. Номера на машине Владимира российские. На багажнике большая овальная наклейка с сокращенным названием России – «RUS», а также другая, с голубовато-белым андреевским флагом российского флота, с текстом «Родной порт Севастополь».

Празднование дня рождения происходит в каком-то загородном дачном городке вблизи кольцевого шоссе в нескольких километрах от моря. Разговоры наполняют комнату, где примерно сорок взрослых, хорошо одетых людей сидят за большим П-образным столом, вкусно едят, пьют и вообще, кажется, хорошо развлекаются. Детям надоело долго сидеть, и они бегают по залу. Мне предлагают место за столом, но я не хочу быть навязчивым. Поэтому я так и не узнаю, чей именно день рождения. Выхожу на террасу, где легче разговаривать и не надо произносить тосты.

Первый человек, с которым мне удается поговорить, – это седой мужчина с кругловатым животом, одетый в элегантный светло-серый летний костюм и вишневую рубашку. Его зовут Юрий, и он работает инженером холодильных установок на большом рыболовном судне. Он очень рад тому, что может выразить свои мысли западному журналисту. Это на самом деле нужно, потому что о России и Крыме на Западе распространяют только ложь, – считает он.

– Я заметил, что Украина начала скатываться к фашизму уже в 2005 году, когда пришел к власти Ющенко. Он откровенный фашист. Когда у власти были предыдущие президенты Кравчук и Кучма, этого не было так заметно, а тут появился абсолютно откровенный фашист.

Вы только посмотрите, что он сделал – за время своего президентства он поставил памятники всем фашистам, которые существовали. Единственный, кому он не успел поставить памятник, – это Гитлер. Бандера получил памятник и все остальные тоже.

Понятно, что Виктор Ющенко не был фашистом. Во время своего президентства он преимущественно производил впечатление консервативного украинского националиста без четкой политической программы. Немногие из громких обещаний, сделанных во время Оранжевой революции, он смог выполнить. Но это правда, что при нем поставили памятники двум украинским националистическим лидерам – Степану Бандере и Роману Шухевичу, чьи личности вызывают в обществе дискуссии. Обоим им он присвоил почетное звание «Герой Украины».

Бандера был руководителем вооруженной украинской националистической организации в Восточной Польше в период между мировыми войнами. Там он был приговорен к смерти за терроризм, но наказание было смягчено к пожизненному заключению. Украинские националисты долгое время сотрудничали с Германией, и Бандера был освобожден после немецкого вторжения. Однако он не был достаточно лояльным к немцам и вскоре его снова заключили в тюрьму. Повстанческая армия, которую возглавлял Роман Шухевич, в конце Второй мировой войны воевала и против советской армии, и против нацистской Германии. Но его партизаны совершали также «этнические чистки», от которых страдали поляки.

В советской, а затем и в российской официальной истории Украинская повстанческая армия была заклеймена как послушные пособники нацистов. Поэтому решение Ющенко в 2010 году провозгласить Бандеру национальным героем вызвало большие дискуссии. Это решение было отменено в следующем году после юридического процесса, но отношение к Бандере и дальше разделяет украинцев.

Как бы там ни было, но, по мнению Юрия, Оранжевая революция 2004 года, которая привела к власти Ющенко, была западным заговором против России. Это очень распространенное мнение в России, так как именно эту версию российские СМИ муссируют уже в течение десяти лет.

– И когда я услышал, что сейчас происходит в Киеве, то понял, что давление на Россию через Украину продолжается. Через Украину, потому что там уже созданы необходимые условия, у людей там полностью промыты мозги. В течение 23 лет они воспитывали молодое поколение, которое в голове не имеет ничего, кроме каши. Мне становится плохо, когда я вижу, что написано в их школьных учебниках. У меня есть внук, которому 23 года. Он ходил в школу здесь, потому что его родители живут в Новосибирске. Когда я увидел, что написано в украинском учебнике истории, я был шокирован. Невероятные вещи они вкладывают в головы учеников. Там было даже написано, что Нахимов был украинцем!

Адмирал Павел Нахимов, который руководил обороной Севастополя во время Крымской войны 1850-х годов, является одним из самых уважаемых российских военных героев. Его памятник стоит на центральной площади Севастополя, площади, которая, разумеется, носит его имя. Никто не отрицает, что Нахимов родился в Вязьме в центральной России, но украинские источники часто добавляют информацию о якобы украинских корнях его семьи. Можно же было бы подумать, что также и украинцы имеют право немного гордиться великим адмиралом, потому что это никому не повредит. Но Юрий не согласен с этим. Российские военные герои – русские, и все тут!

– Только очень больные могут назвать его украинцем. Они все воевали за Россию, Украина же никогда не существовала как независимое государство.

Крым мог бы быть частью Украины, если бы руководство государства учитывало особенности Крыма. Но оно этого не сделало, – говорит Юрий.

– Я был в море, когда все это произошло. Мы были у берегов Анголы, но когда я услышал о референдуме, я смеялся. В конце концов, они получили то, чего заслуживали, – сказал я своей жене по спутниковому телефону. Ведь они же ничего не делали. Пусть включат свои мозги, если они у них есть. Ведь Крым совсем другой! Но они начали навязывать нам украинский язык. Зачем мне учить лишний язык? Я же не ребенок. Да, мой внук изучал украинский в школе. Я никогда этому не препятствовал, потому что хорошо знать два языка – это способствует развитию мозга. Но зачем навязывать этот язык взрослым? На телевидении осталась только украинский язык. Тогда я купил спутниковую антенну. Я слушал Россию, это моя страна.

И Юрий соглашается с тем, о чем ему рассказывают по российскому телевидению – за всеми проблемами в Украине стоят Соединенные Штаты:

– Украина – пустяк в этом деле. Речь идет об Америке, которая желает подавить Россию. Вспомните мировую историю, всегда у всех Россия вызвала недовольство. Все время Европа пыталась ухватить Россию своими зубами то с одной стороны, то с другой. Чего вы лезете к нам со всех направлений? Почему вы не оставите Россию в покое? И разговоры о том, что в Восточной Украине есть российские военные части, просто смешны. В таком случае россияне уже бы давно были в Киеве, не так ли?

Но, возможно, не все, что говорит российское телевидение, – правда. Действительно ли можно верить всему? – спрашиваю я.

– Мне не нужно верить всему, у меня есть собственный ум, у меня есть собственный жизненный опыт. Я в состоянии сам думать. Но когда я слышу, что говорят такие идиоты, как тот Баррозу в ЕС, тот безголовый предатель... Простите! Но то, что отряды самообороны сбили тот пассажирский самолет ракетой с установки «Бук», – это такая глупость! Какая ракета? Если кто-то болтает такое, то у него туман в голове.

Несмотря на все фотографии ракет противовоздушной обороны, которые были завезены из России на территорию, находящуюся под контролем сепаратистов, несмотря на многие факты, свидетельствующие о том, что сепаратисты ошибочно восприняли самолет МН-17 за украинский военный самолет, Юрий предпочитает верить версии российских СМИ. По его мнению, пассажирский самолет умышленно сбили украинские военные. Целью этого было введение санкций против России со стороны Евросоюза. И, кстати, то, что Украина вообще существует, – это заслуга Сталина, – добавляет он.

– Если бы он не присоединил Западную Украину и Западную Белоруссию к Советскому Союзу в 1939 году, они бы и далее жили под польской и венгерской властью, они бы никогда не имели независимости. Это был Советский Союз. Это же касается и Донбасса. Все это построил Сталин. Он никогда не смог бы поверить, что такое может произойти между Россией и Украиной, он бы ужаснулся.

Кажется, что Юрий никогда не любил ни Америку, ни Европейский Союз. В этом отношении он отличается от большинства россиян. Согласно выводам института исследования общественного мнения «Левада», летом 2013 года две трети россиян положительно относились к ЕС. Такое отношение оставалось практически неизменным в течение предыдущего

десятилетия, за исключением времен войны с Грузией в 2008 году. Но даже тогда многие россияне относились к ЕС скорее положительно, чем отрицательно.

Сейчас все наоборот. События в Украине воспринимаются в России как результат западного вмешательства. В сентябре 2014 года менее 20 процентов опрошенных имели положительное отношение к ЕС. К ЕС тогда отрицательно относились 68 процентов, а к США – 74 процента опрошенных.

Отношение россиян к Америке всегда было более неистовым, чем отношение к ЕС, прежде всего, потому что Америка является традиционным врагом, которого всегда легко видят за любым бедствием, происходящим в мире. Кроме того, многие россияне посетили какую-либо страну ЕС и поэтому могли сформировать свое собственное мнение, так что их восприятие не является полностью зависимым от пропаганды государственного телевидения.

К нашему разговору присоединяется Виктория, веселая кругленькая женщина в цветастом платье. Она принимала участие в большом митинге на площади Нахимова 23 февраля. Днем ранее президент Виктор Янукович сбежал из Киева.

– Мы узнали из Интернета, что в четыре часа состоится митинг, но мы не могли представить, что будет столько людей. В центре невозможно было припарковаться. Я, мой муж и ребенок должны были долго идти пешком. Здесь были мои родственники со своими детьми, а также коллеги моего мужа. Многие люди волновалось, потому что военных стали посылать отсюда в Киев. Сыновья нескольких моих знакомых были там. По телевидению мы могли видеть, как там убивают людей и бросают бутылки с зажигательной смесью. Было страшно, что фашизм возвращается. Разумеется, мы пошли на митинг. Почти весь город был там, это было впечатляюще. И тогда люди начали присоединяться к отрядам самообороны. Сыну одной из моих подруг было всего 20 лет. Он приехал домой и сказал, что он присоединился. Ты с ума сошел, Артем? – спросила она. Но он не изменил своего решения. Кто же тогда будет делать это? – сказал он, – мы должны защищать наш город.

Когда был организован референдум, было само собой понятно для всех, что голосовать надо за Россию, – сказала она. – Да и на местных выборах в сентябре нетрудно было выбрать партию.

– Мы голосовали за «Единую Россию». Мы же объединены, а объединенный народ никогда нельзя победить. Кроме того, «Единую Россию» создал Владимир Путин, а его мы очень уважаем. Он действительно является человеком, влияющим на мировую политику, и он будет делать это и в дальнейшем. Только он может гарантировать мир.

Без Путина в Крыму началась бы война, так же, как и в Восточной Украине, – считает Виктория. Она никак не может понять украинцев, которые считают, что без Путина и в Восточной Украине все было бы спокойно. Нет, Путин желает мира, – в этом она совершенно уверена.

Виктория работает организатором праздничных мероприятий. Но сейчас она сидит дома с ребенком. Ее подруга, Ольга, предприниматель, вернулась в Крым несколько месяцев назад, после аннексии. Она родилась и выросла в Севастополе, но вся ее семья перебралась в Москву, когда Ющенко пришел к власти во время Оранжевой революции десять лет назад. Не только из-за революции, но и она тоже повлияла на это решение, – говорит Ольга.

– Потому что в последние годы здесь велась политика украинизации. Мы здесь родились и здесь также ходили в школу. Но поскольку Севастополь был военным городом, мы не изучали украинский язык. Я ничего не имею против украинского языка. Это красивый язык, но меня

возмущало, что его навязывают. Я помню, когда приняли решение, что гимн Севастополя должен петься на украинском языке. Мы этого себе даже представить не могли, ведь Севастополь – русский город. Невозможно, чтобы его гимн исполняли на украинском языке. Прошла только неделя, и они вынуждены были капитулировать.

Действительно, на телевизионном канале украинского флота «Бриз» с 2006 года гимн Севастополя исполняли на украинском языке. Но жителей города раздражал, прежде всего, не язык, а то, что в украинской версии песни Севастополь был назван «городом украинских моряков». Никто и никого не принуждал петь гимн на украинском языке.

Во всяком случае, русский язык в Крыму испытывал все больше притеснений после Оранжевой революции, – считает Ольга.

– Это неправда, когда сейчас говорят по украинскому телевидению, что они нас никогда не притесняли. Они это делали, особенно после 2004 года. Например, они начали принимать на работу ректоров с Западной Украины. Моя мать – преподаватель математики, и когда у них были совещания, ректор говорил, что мы сейчас живем в Украине, поэтому должны разговаривать только по-украински во время совещаний. Это глупо, здесь не говорят по-украински.

Но, несмотря на то, на каком языке ректор хотел разговаривать во время совещаний, почти все школы Севастополя всегда были и оставались русскоязычными. Была одна украиноязычная школа с пятьюдесятью школьниками, а в некоторых школах были украиноязычные классы, но язык обучения выбирали сами родители и никто другой.

Однако было большое количество мелочей, которые привели к тому, что многие люди чувствовали себя униженными в украинском Крыму, – говорит она. – И, разумеется, фашисты, которые пришли к власти в Киеве. Я уверена, что Севастополь никогда не мог бы стать фашистским городом, я выросла здесь и знаю севастопольцев, они никогда не позволили бы этого. И они не позволили.

В марте 2014 года, когда Владимир Путин и представители новой власти Крыма в прямом эфире подписали договор о присоединении Крыма к России, Ольга была еще в Москве.

– В Москве относительно много бывших севастопольцев. Мы тогда собрались, чтобы отпраздновать. Купили шампанское и коньяк, и когда они подписали договор, мы плакали от счастья. Для этого ощущения нет слов.

На террасе холодает, и мы снова запрыгиваем в автомобиль. Остается километров двадцать дороги, и мы прибудем в северную часть Севастополя. Немного в стороне от широкого загородного шоссе заметно несколько новых больших вилл. Узнаю, что здесь живут состоятельные люди, которые обогатились, когда Крым входил в состав Украины. И, кажется, что таких немало.

Когда объезжаем верх залива, Владимир показывает мне несколько странных четырехугольных дыр в скале.

– Это пещерный монастырь. Там были также винные подвалы, винный завод здесь, в Инкермане, известен во всем мире. А во время Великой Отечественной войны там прятались защитники Севастополя. Когда кончилась вода, они вынуждены были промывать раны шампанским, а когда страдали от жажды, то пили вино.

Владимир строго поглядывает, когда я смеюсь.

– Это не смешно. Это ужасно, когда люди погибают от жажды, не имея воды. И очень много людей погибло.

Последнее, – в любом случае, правда. Количество погибших с советской стороны во время блокады Севастополя в 1941-1942 годах, по официальным данным, составило по меньшей мере 18 000 человек. Но действительно ли защитники должны были пить вино вместо воды? Довольно часто в Севастополе границы между фактами и фантазией кажутся размытыми. Там принимается как факт, что Владимир Путин делает все для того, чтобы сохранить мир в Украине и во всем мире. И ведь правда, не так ли, на самом деле Америка нападает на Россию, так промывая мозги украинцам, что они вдруг начали верить, что желают в ЕС.

Останавливаемся, чтобы заправить машину. Кредитные карточки на заправке больше не принимаются. Текст на колонке все еще на украинском, но цены, разумеется, в рублях. Очень молодой человек в зелено-голубой униформе заправки, наполняющий бензобак, хочет поздороваться на английском языке, поняв, что перед ним неожиданно появился настоящий иностранец. Но по-английски он умеет только поздороваться. Английский язык не обязательно нужен для чего-либо в российском городе Севастополе.

Тем не менее, что говорят в Швеции о кризисе? – спрашивает Владимир через некоторое время.

Географическое положение Швеции такое, что многие люди озабочены будущим, ведь не все наши соседи полностью предсказуемы, – осторожно формулирую ответ. Владимир кивает головой.

– Понимаю. Вы имеете в виду балтийские страны, ведь они являются членами НАТО. Когда я объясняю, что большинство людей в Швеции больше переживает из-за того, что может сделать Россия, он возмущается.

– Тьфу, какая глупость! Понятно, что Россия никому не угрожает, в это вы вряд ли и сами верите!

Именно в этот момент мы находимся на расстоянии двух километров от военной авиабазы Бельбек, которая полгода назад была украинской. Сейчас она российская.

Мы едем по дороге к закрытому в советское время военному городку рядом с авиабазой. Долго едем вдоль бетонной стены, пока не добираемся до ворот. В течение многих лет они стоят открытыми, с тех пор как Украина стала независимой, военный городок передали городской мэрии. Но у многих его жителей все еще тесные связи с армией. До марта – главным образом с украинской армией, потому что авиабаза была украинской. Сейчас в Крыму не осталось украинских военных, а многие из тех, кто работал на украинскую армию, работают на российскую. Потому что они все внезапно стали российскими гражданами.

Уже темнеет, и старый советский штурмовик Миг-19, находящийся на почетном пьедестале при въезде, выглядит угрожающе на фоне неба со своими ракетами под крыльями. Этот тип самолетов начали производить в середине 1950-х годов. Он использовался армией Северного Вьетнама во время вьетнамской войны, а также все еще используется воздушными силами Северной Кореи. Дома здесь – обычные советские пятиэтажные коробки из серого бетона. Когда мы наконец находим нужную нам коробку среди целого ряда одинаковых, заходим в уютную квартиру с удобной столовой и большой современной кухней, с балконом, который после ремонта воспринимается как часть гостиной.

Здесь обитают Анна и Леонид. Она – преподаватель химии в университете ядерных исследований, который расположен здесь же неподалеку, на северной стороне залива. Он – инженер и бывший авиамеханик, но сейчас обслуживает учебный реактор в том же университете. До недавнего времени здесь обучали почти весь технический персонал атомных

электростанций Украины – более чем две трети будущих специалистов для АЭС присылали сюда. Сейчас многие из них вернулся домой. Где Украина будет учить специалистов для своих четырех действующих АЭС и для закрытой Чернобыльской АЭС, пока не ясно.

В отличие от многих других севастопольцев, Анна и Леонид не говорят в таком же истерически-патриотическом тоне, как дикторы программы российского телевидения. Они родом из России, но проживают в Севастополе уже в течение десятилетий. В советское время было большой удачей для такого военного, как Леонид, устроиться на работу в Севастополе.

– Сначала меня направили в какой-то провинциальный городок в Одесской области. Там я случайно встретил коллегу, который учился в том же университете, что и я. Он пообещал помочь мне перебраться в другое место с лучшими карьерными возможностями. Вот так я попал сюда.

Перебраться в Севастополь в советское время было очень трудно, – говорит Анна.

– Это было так же сложно, как выиграть в лотерею. В те времена надо было иметь связи на очень высоком уровне, чтобы переехать на юг, да еще и к морю. Но у нас это получилось, и это было действительно невероятно.

Сначала Леонид был специалистом по автоматическому пилотированию, но он продолжал обучение и наконец занял должность ответственного за вооружение самолетов на авиабазе Бельбек.

– Я служил в военно-воздушных силах Украины. То есть сначала в советской армии, а с 1992 года – в украинской. До 2005 года, когда вышел на пенсию.

Многое изменилось с тех пор, как распался Советский Союз. Период после 1992 года Леонид вспоминает с ужасом.

– Тогда действительно были очень плохие времена. И не только для армии, но и для всего народа. Не было денег, все менялось, была куча проблем. Сначала у нас не было практически ничего. Единственное, что мы могли сделать – пытаться сохранить то, что осталось, чтобы его не разворовали. Но чуть позже в украинских военно-воздушных силах ситуация изменилась к лучшему. Заработная плата повысилась, мы уже не были такими бедными. Опять появились деньги, чтобы закупать необходимые вещи для армии.

По норме советских времен, пилот должен был летать пять дней в неделю. Но в начале 1990-х годов самолеты все реже поднимались в воздух, – вспоминает Анна.

– То у них не было топлива, то еще чего-то. В конце концов они совсем перестали летать, пилоты сидели на аэродромах. А когда они долго не летают, то они уже даже не имеют права управлять самолетом, потому что теряют навыки.

Леонид молча кивает головой.

– Это было в 1996-1998 годах. Ужасные времена. Но после 2000 года стало лучше. Между прочим, знаете ли вы, почему так много людей голосовало за Януковича, когда он баллотировался на пост президента? Это произошло потому, что дела улучшились в тот период, когда он занимал пост премьер-министра в 2002-2004 годах. В тот период военные получали высокую заработную плату. Раньше нам платили до смешного мало – 500 гривен. Внезапно мы получили втрое больше. Разумеется, люди выпрямились, они могли купить еще что-то, кроме крайне необходимых вещей. Например, цветы для жены. Естественно, что мы связывали повышение жизненного уровня с Януковичем. Но мы ошибались.

– А может, и нет, – возражает ему Анна. – Если бы кто-то посмотрел, в каком состоянии были казармы в последнее время, можно было понять, что у них вообще нет денег. Слава богу,

что они передали военный городок мэрии и кто-то начал отвечать за ремонтные работы. До того мы были закрытой военной территорией с охранником у ворот и так далее. А сейчас юридически мы живем не в военном городке, этот район принадлежит городу Севастополю. У военных здесь поблизости есть свои помещения, но мы почти не имеем с ними никакого дела. Поэтому мы даже не были там, чтобы посмотреть на штурм, мы только слышали о нем.

Квартира Анны и Леонида расположена непосредственно возле казармы авиабазы Бельбек, где украинские военные в течение трех недель отказывались сдаваться. Командир базы Юлий Мамчур стал известным, когда 4 марта вместе со своими безоружными солдатами шел маршем навстречу вооруженным до зубов российским отрядам, которые уже контролировали часть базы. Украинские солдаты пели гимн Украины. Флаг Украины и красное знамя авиационного отряда, сохраненное со времен Второй мировой войны, несли впереди отряда. Ситуация была угрожающей. Российские солдаты делали предупредительные выстрелы, а затем начали угрожать, что они будут стрелять по ногам украинцев, если они не остановятся.

Человек, который нес красное знамя, начал апеллировать к тому, что было святым для обеих сторон.

– Это советский флаг. Будете стрелять? – кричал он.

Наконец конфронтация решилась мирным путем, и украинцы оставались в своем помещении еще две недели. Бельбек был последней украинской базой в Крыму, которая была вынуждена сдаться, но только после того как российские военные 22 марта силой вынесли командира. 10 ноября того же года национальный герой Мамчур был избран депутатом украинского парламента.

Ни Анна, ни ее муж не слышали предупредительных выстрелов. Но потом многие наши соседи собрались на митинг вне территории казармы, – говорит Анна. Спрашиваю ее, в поддержку кого они собирались.

– Они хотели, чтобы подчиненные Мамчура прекратили позорить флаг авиаотряда. Все вокруг уже было русским. Мамчур и его люди отказывались сдаваться, но они уже ничего не могли сделать, все склады были опломбированы, а они все же сопротивлялись. Все военные-пенсионеры, проживающие здесь, и другие соседи были недовольны, все же были за Россию, а Мамчур все еще сопротивлялся.

Когда спрашиваю Анну, видела ли она митинг вблизи, она смеется.

– Понятно, что да. Ведь я принимала в нем участие.

О том, что случилось на базе, она слышала от своей невестки, которая там работала сначала на украинскую армию, а затем на российскую, – рассказывает Анна.

– Она пришла домой и рассказала, что появились эти... очень вежливые мужчины, в военной форме, но без оружия и сказали, что работники могут идти домой. Они опломбировали все сейфы и склады, все документы были заперты, чтобы все было в порядке. Она не знала, идти ли ей на работу на следующий день, но решила поехать туда, чтобы удостовериться. Итак, она села в машину и поехала, как обычно, на работу. Ворота были заперты, поэтому она посигналила. Тогда вышли другие, не украинские, военные. Они были в форме без знаков различия. Они спросили, действительно ли ей нужно заехать на базу. Тогда она вернулась домой. Затем она заявилась в штаб, и ее снова быстро приняли на работу, на этот раз в российскую армию.

На референдуме для всех жителей военного городка было понятно, что нужно голосовать за Россию, – говорит Анна.

– На украинском телевидении утверждают, что нас заставляли с помощью оружия, но это ерунда. Оружия не было видно, был действительно народный праздник, все улыбались. Я думаю, что даже самые ярые враги в тот день общались друг с другом. И было невероятно много людей. Атмосфера во время референдума напоминала первый большой митинг в центре Севастополя 23 февраля.

– Я тогда случайно оказалась в центре, значит, разумеется, я пошла на митинг. И меня поразило чувство единства. Мы все были там. Было очень много людей, не хватало мест в автобусах, надо было идти пешком. Я не видела объявлений об этом событии, поэтому сначала удивилась, куда все идут. Возможно, в центре были какие-то объявления, но мы здесь живем немного в стороне, на другой стороне залива.

На самом деле после аннексии в Севастополе немногое изменилось. Больше всего беспокоит война в Восточной Украине, – говорит Анна.

– Мы также принимали здесь беженцев. Была одна семья врачей из Луганска. Они жили некоторое время в нашем дачном домике, ведь мы же слышали, что там произошло. Но они вернулись домой. Их квартира в Луганске сейчас полуразрушена, балкон отвалился, но у них там есть родственники в сельской местности.

В дачном домике у Анны и Леонида спутниковая антенна. Так что там они могут смотреть украинские телеканалы, которые в городе отключены из сети кабельного телевидения. Хорошо иметь возможность время от времени смотреть также то, что рассказывают украинские выпуски новостей, – считает Леонид.

– Мы пытаемся сравнивать. О чем говорит пропаганда здесь и пропаганда там. Потому что во время войны речь, прежде всего, идет о пропаганде. С одной стороны пытаются доказать, что они правы, с другой стороны доказывают обратное. Мы немного верим информации с одной стороны, немного с другой. Но полностью мы не верим никому. Мы пытаемся найти правду где-то посредине. Но прежде всего мы хотим, чтобы прекратилась стрельба, чтобы не умирали люди. Чтобы кончилась война, чтобы не гибли дети, чтобы люди не теряли свои дома. Это самое важное.

Но в Севастополе ситуация спокойная, жизнь немного улучшилась после российской аннексии.

– Я сам, конечно, доволен, потому что мои доходы увеличились в четыре раза. Потому что у меня, кроме заработной платы, есть еще и пенсия, которая также была повышена, – говорит Леонид.

Анна не знает точно, насколько повысится ее заработная плата. Повышение происходит постепенно, и следующего повышения уже ждут. Но уже сейчас семья может накопить немного денег. Кроме того, Анна приобрела высокий кухонный шкаф, который она давно хотела. Белые полки она заполнила новым сервизом с лавандовым узором и несколькими вазами с сушеной лавандой.

Многие надеялись на большие и быстрые изменения, но так сразу ничего не происходит, – говорит Леонид.

– Сам я немного скептик и не верю, что многое изменится в следующем году. Речь идет о переходном периоде, этого нельзя избежать. Однако мы все же надеемся, что заработают какие-то крупные заводы, построенные еще в советское время. Этого мы ждем. Это было бы хорошо для севастопольцев.

Возможно, это была, в конце концов, тоска по Советскому Союзу, а не стремление к России, – чуть позже говорит Анна.

– Ведь мы действительно немного знаем о настоящей России, потому что жили 23 года в другой стране. Для нас Россия была каким-то воспоминанием о Советском Союзе. Мы думали, что мы получим снова то, что имели во времена его существования.

Леонид такого же мнения.

– И речь не только о нас двоих. Видимо, так было со всем Севастополем, Россию связывали с бывшей страной, с СССР. Как только мы присоединимся к России, то вернем себе прежние добрые времена. Наверняка, многие думают именно так.

ИСТОРИЯ НАС ОПРАВДАЕТ

Гостиница, в которой я буду ночевать, расположена на северной стороне Севастополя, не очень далеко от авиабазы Бельбек. Но в темноте нелегко найти путь к ней, потому что гостиница скрывается за строительным забором и к ней ведет только узкая и неровная автомобильная колея. Морской пейзаж открываю для себя только утром, когда выхожу на балкон. Черное море сверкает голубым цветом из-за верхушек деревьев и старого бетонного четырехэтажного здания. Сам я живу в большом, новом гостиничном комплексе, состоящем из двух длинных зданий и нескольких ослепительно белых трехэтажных домиков, которые, кажется, еще никогда не использовались. Курортный сезон уже прошел, хотя сейчас только третья неделя сентября. В гостинице не принимают кредитных карточек, а вечером даже не было денег на сдачу. Когда молодой человек из приемной стучит в дверь и сообщает о прибытии такси, у него все еще нет денег, чтобы вернуть мне сдачу. Наконец я получаю свои деньги, но не квитанцию.

Водитель такси – немолодой и неразговорчивый человек, который отвечает односложно, когда спрашиваю, что изменилось после присоединения к России. Туристы исчезли, – наконец говорит он. Их количество уменьшилось наполовину, и приезжают они только из России, – так он оценивает туристический сезон в этом году. Но что-то, наверное, улучшилось, – пытаюсь прозондировать, – говорят, что люди начали зарабатывать больше? И более дешевый бензин – это хорошее дело для таксистов?

– Много болтали о том, что бензин станет таким же дешевым, как и в России. Но цена на него почти не изменилась, – отвечает водитель и снова умолкает.

Кажется, что он не в восторге от аннексии. Северная автостанция, как выясняется, находится недалеко от моря, не более чем в километре от пустой гостиницы. Поэтому разговор с молчаливым водителем быстро заканчивается.

– Нет, до Черноморского прямой автобусный рейс будет не ранее полудня, – говорит мне женщина в окошке кассы. – Но вы можете пересесть в Евпатории. Туда отправляется автобус в половине десятого.

Она продает мне билет до Евпатории, города на западном побережье Крыма, и еще дополнительный билет из Евпатории до небольшого курортного городка Черноморское, расположенного далее на северо-запад, на красивом скалистом полуострове Тарханкут.

Северная автостанция расположена рядом с пристанью, которую использует пассажирский паром в центр Севастополя, на другой стороне залива. Сегодня красивое воскресное утро, и когда я слежу за входом в залив, вижу с десяток яхт, следующих в открытое море. Полупустой паром под названием «Меркурий» причаливает к пристани, и пассажиры из центра города выходят на берег. На пристани находится также кафе «Starducks», возможно, такое единственное в мире. Вывеска на ларьке с высокими стульями очень похожа на вывеску американской сети кофеен «Starbucks», с зеленым кругом и двумя звездами. Но вместо русалки внутри изображен утенок. Американо обычный – 30 рублей, большой – 45 рублей, – написано сверху в меню.

Недалеко от «Starducks» нахожу дополнительное доказательство популярности американских вкусностей в Севастополе: небольшой ларек фастфуда, скопировавший украинский слоган «Макдональдс». «Я це люблю», – написано возле логотипа – большой желтой буквы W на красном фоне. «WacDonald’s» не исчез, хотя его оригинал в центре Севастополя был закрыт после аннексии.

У киоска фастфуда стоит очень хорошо восстановленная «Волга М-21», классический советский автомобиль класса люкс конца 1950-х годов. Его выпуск продолжался до 1970 года. Серый автомобиль с блестящими хромированными частями и голубым верхом с белыми деталями как будто прибыл из советского фильма 1960-х годов, не хватает только таблички «Такси». Но я должен удовлетвориться другим транспортным средством – угловатой, белой с фиолетовыми полосами маршруткой марки «Эталон», производимой на заводе в Борисполе под Киевом. Маршрутка заполняется, последним заходит молодой человек в форме российского полицейского с сумочкой под мышкой.

Дорога на север трясет нас гораздо сильнее, чем во время путешествия в Севастополь по упорядоченной прибрежной дороге. Иногда маршрутка вынуждена ползти между огромными ухабинами на дороге. Поэтому путешествие в Черноморское длится более четырех часов, хотя расстояние до него не превышает 180 километров. На автостанции меня ждет Женя, эсперантист и предприниматель из Киева. Он вложил определенную сумму денег в туристическую базу отдыха здесь, у моря. Это место идеально, например, для подводных экспедиций. Но теперь Черноморское находится на оккупированной территории или в другой стране, в зависимости от того, кого об этом спросишь. Сюда стало трудно приезжать не только для Жени, но и для его клиентов-отдыхающих. В этом году база отдыха в основном стояла пустой. И, поскольку юридический статус Крыма остается непонятным, невозможно продать или купить недвижимость так, чтобы довольными остались и российские, и украинские власти.

– Особенно рискуют те, кто сейчас покупает недвижимость в Крыму. Если Крым вернется в состав Украины, покупатель может потерять недвижимость. То, что такое может произойти, не кажется слишком вероятным именно сейчас, но никогда не говори «никогда».

Паркуемся возле странной церкви 19-го века, четырехугольная колокольня которой придает зданию какой-то британский вид. Ее заказчиком был сын российского посла в Лондоне, который любил все британское. Во время Крымской войны 1850-х годов в колокольню попало пушечное ядро османского флота. После революции церковь была закрыта и долго

использовалась в качестве склада. В начале 1980-х годов ее переделали в спортзал местной спортивной школы. Теперь она снова является православной церковью.

Захожу в поселковый магазин, чтобы купить шампунь и бумажные носовые салфетки, но не нахожу там ни одного, ни другого. Это же продовольственная лавка, а не аптека. Магазин и безлюдная центральная улица со своими немногими торговыми заведениями хорошо передают атмосферу российской провинции 1990-х годов. «Парикмахерская Елены», кроме стрижек для мужчин и женщин, предлагает маникюр. Соседняя дверь принадлежит местному офису кооперативной ассоциации, на балконе которой висит большая реклама партии «Патриоты России», менее успешного конкурента так называемой Либерально-демократической партии Владимира Жириновского.

Напротив парикмахерской и «Патриотов России» находится городской музей, в котором один из сотрудников охотно делает для меня быстрый экскурс в историю Черноморского от древних греков, которые основали город в четвертом веке до нашей эры, до морской нефтедобычи, начатой еще в советское время и продолжающейся по сей день. Большая картина, на которой изображено празднование в Севастополе после его освобождения от немецкой оккупации во время Второй мировой войны, закрывает всю стену в одной из комнат. Но нигде нет хоть какой-то информации о депортации крымских татар в 1944 году. Мой гид также не упоминает о том, почему поселок, который по меньшей мере с 18-го столетия назывался Акмечит (Белая Мечеть), неожиданно после Второй мировой войны получил советское название Черноморское. В музее есть целая комната с предметами и одеждой крымских татар, и еще одна с экспонатами, показывающими связь региона с Украиной, но здесь гид становится немногословным.

После осмотра экспозиции директор музея Зинаида предлагает мне чай с печеньем. Ведь не каждый день к ним наведываются зарубежные журналисты. В последнее время вообще немного посетителей.

– Но вы же сами видите, что здесь совершенно спокойно. Распространяют странные слухи, что у нас пустые полки в магазинах, что на улицах солдаты. Но это неправда.

Позже, после полудня, встречаю Адиле, крымскотатарскую учительницу истории. Она совсем не удивляется, когда рассказываю, что в местном музее Черноморского я ничего не узнал о депортации крымских татар.

– Это может быть неожиданным только для посторонних. Для нас, проживающих здесь, это вполне обычное и понятное дело.

Легче молчать о неприятных вещах, – говорит она. – Тогда не надо думать о них. И все же иногда, в конце концов, люди не выдержат. Именно это произошло в Киеве в конце года. Народ просто устал от коррупции и других противозаконных действий власть имущих. Когда президент бежал, мы поняли, что в Украине наступят изменения. Но не таких изменений мы ждали.

Адиле – единственная крымская татарка в школе, и другие там совсем не согласны с ней.

– Многие говорили, что протестующие в Киеве были куплены Евросоюзом и США, Западу нужны только природные ресурсы Украины, что Украина превратится в свалку для Запада. Мы часто спорили об этом, но потом мы решили больше не дискутировать по этому поводу на работе, потому что это никогда не закончится.

– Кроме того, я почувствовала, что, пожалуй, опасно откровенно говорить о своих убеждениях, что это может быть рискованным для меня или моих детей. Поэтому я оставила

эти идеологические дискуссии, я больше не пытаюсь убедить никого. Я решила подождать и посмотреть, что произойдет. Возможно, я слишком слаба, возможно, молчание является проявлением трусости, но... я действительно боюсь.

И среди ее друзей не все понимают ее критическое отношение к «воссоединению». Многие мечтают о былой золотой эпохе, – говорит она.

– Это я могу понять, даже если не поддерживаю этого. Многие люди испытывают ностальгию, они стремятся вернуться обратно в Советский Союз. В советское время многие россияне перебрались сюда на работу. Но их корни в России, они тоскуют по своей родине. С психологической точки зрения понятно, что они пытаются оправдать все, что делает Россия, что делает действующий президент России.

Я рассказываю об Анне и Леониде из Севастополя, которые говорили, что мало что знают о современной России, что Россия для них почти то же, что и СССР. Адиле задумчиво кивает головой.

– Я верю, что так же думают многие люди. Что мы должны жить в огромной стране, в сверхдержаве, что мы все должны быть вместе, что Украина – это на самом деле Россия, что такой страны, как Украина, вообще не должно существовать. Это правда, что украинцы и россияне исторически имеют много общего. Но Украина является суверенным государством. Многие стремятся вернуться обратно в СССР или в Россию, на свою родину. Но они не пакуют чемоданы, чтобы уехать в Россию. Они хотят, чтобы Россия пришла сюда.

Трудно сказать, сколько людей на самом деле поддерживают аннексию, – считает Адиле. Сначала она думала, что почти все ее поддерживают, но после частных бесед с друзьями и знакомыми она поняла, что достаточно многие из них относятся к ней критически. Может, не половина, но достаточно много, – теперь она уверена в этом.

– У меня есть друзья в Севастополе, где много русских патриотов. В советское время постоянно подчеркивалось, что Севастополь является городом русской славы, там много музеев, посвященных различным войнам, там проводят фестиваль российского флота и все такое. Разумеется, все это влияет на людей, которые живут в такой среде. Но из моих четырех друзей из Севастополя три не одобряют аннексии или того, что Путин сейчас делает в Восточной Украине. Они думают самостоятельно. Может, именно поэтому мы в свое время подружились. Они этнические русские, но они способны видеть целое в более отдаленной перспективе. Они, разумеется, не решаются откровенно об этом говорить. Они также боятся.

Адиле сама не принимала участия в референдуме, хотя многие друзья и сотрудники пытались ее уговорить.

– Они звонили мне и пытались агитировать. Ты должна пойти туда, – говорили они. Идите сами, – говорила я. – Это будет последний референдум в вашей жизни, после которого уже не будет демократии или настоящих выборов. Я так считала. Но иногда меня одолевали сомнения. Я думала, что я, возможно, не права. Трудно, когда приходишь на работу, а там у всех единая точка зрения, кроме меня. Возможно, они правы, может, действительно фашисты захватили власть в Украине? Я была растеряна, не знала, что думать. До того времени, когда увидела, как президент России сначала утверждал, что в Крыму не было российских военных, а затем раздавал тем военным медали. Тогда я поняла, что он просто постоянно врет.

Хотя она не очень хотела того, Адиле чувствовала, что вынуждена принять российское гражданство. В противном случае она не смогла бы работать в бюджетной сфере. Она даже приобрела SIM-карту российского оператора, хотя и не очень охотно.

– Мой муж до сих пор не сделал этого. У него все еще SIM-карта украинского оператора. Но я должна была поменять номер телефона, потому что не могу оплачивать телефонные звонки своим коллегам по очень высоким международным тарифам. Но у меня все еще остается мой украинский номер, которым я пользуюсь, когда звоню мужу. Так поступают многие.

Адиле продолжает надеяться, что Россия все же когда-то будет вынуждена вернуть Крым Украине. Ведь невозможно предугадать, что именно произойдет в истории. Но не должно быть столь важным для крымских татар, принадлежит ли Крым России или Украине, – считает она.

– Все же для большинства из нас именно Крым является нашей родиной. Не Россия или Украина. Независимо от того, принадлежит Крым Китаю или Украине, России или США, я верю, что крымские татары в первую очередь всегда чувствуют тесную связь с Крымом. Но депортация, которая произошла в 1944 году, продолжает жить в памяти многих людей и ассоциируется с тоталитарной коммунистической системой в Советском Союзе. Поэтому наши руководители, Мустафа Джемилев и другие, избрали демократический европейский путь. Они хотят, чтобы общество развивалось в этом направлении. Поскольку любая диктатура опасна, и этому мы стараемся учить наших детей.

Не только испытывающие ностальгию по СССР видят сходство между Советским Союзом и современной Россией. Это сходство видят также и крымские татары, – говорит Адиле. Но они смотрят на это под другим углом зрения. Они связывают кремлевских правителей с депортацией 1944 года.

– Фактически современная Россия немногим отличается от СССР. Отсутствует оппозиция, люди не имеют права высказывать противоположное мнение. Это не демократическая страна. Достаточно взглянуть на российские учебники, которые получила моя дочь, когда пошла во второй класс. В первом классе у нее были украинские учебники, и они были совсем другими. А эти российские учебники практически те же, которые были у меня во время моего обучения в школе. В них используются те же тексты, изучаются те же сказки, те же рассказы, что и в советское время. Возможно, у меня не было достаточно времени, чтобы углубиться в это, но у меня такое ощущение, что современная Россия и СССР – почти тождественные понятия.

Но все-таки не так. Сейчас в России популярны могущественные цари, царицы и строительство империи, – говорит она позже и рассказывает о конференции в Санкт-Петербурге, в которой она участвовала несколько лет назад.

– Я была там впервые и очень надеялась услышать рассказы также о революции, о забастовках, которые организовывал Ленин, о том, как жили люди во время блокады Ленинграда. Но точно так же, как вы не услышали ничего о депортации крымских татар сегодня в музее, как будто этой истории никогда не было, так и я во время недельного пребывания в Санкт-Петербурге слышала только рассказы о царизме... О Екатерине Великой, Петре Великом, Марии Федоровне, о красивых балах, о князьях и дворянах. Никто не сказал хоть что-нибудь о бедных, оборванных крестьянах, которых заставляли строить город, или о тех, кто умер во время блокады. Единственная история России – это история больших правителей, роскошной жизни царей. Они ничего не рассказывают о том, как жили обычные люди. Так что я была довольно смущена, когда вернулась домой. В Санкт-Петербурге было очень красиво, но меня обеспокоило развитие России, поскольку культурная политика страны свидетельствует о том, в каком направлении движется общество.

И Украина ненамного продвинулась вперед по сравнению с советским обществом за двадцать лет, прошедших со времени распада советской империи, – говорит Адиле.

– В украинской культурной политике и преподавании истории также была определенная односторонность. Но я надеюсь, что сейчас произойдут изменения, что народ наконец созрел. Потому что на протяжении всего периода независимости Украина фактически управлялась Россией.

Однако у Юрия, у которого я брал интервью в Севастополе, была диаметрально противоположная точка зрения, он считал, что Украина продолжает обвинять Россию во всех своих проблемах и одновременно перекручивает все в учебниках истории, так что выдающиеся российские герои вдруг стали украинцами, – говорю я.

– Ну да, это ведь соотносительно, они делают одинаково, но наоборот. Это ничем не лучше, это также пропаганда. Если кто-то был негодяем и украинским националистом в советских учебниках, то сейчас этот антисоветский негодяй должен стать антисоветским героем. Если в советских учебниках украинские казаки были негодяями, так как не желали подчиняться Екатерине Великой, сейчас они вдруг стали героями борьбы за независимость и основателями украинского государства.

В России, как уже было сказано, делают наоборот. В своем ежегодном послании к обеим палатам парламента в декабре 2014 года Владимир Путин дал свежий пример современного российского отношения к истории, когда он рассказывал о «воссоединении» Крыма с Россией:

– Для нашей страны, для нашего народа это событие имеет особое значение. Потому что в Крыму живут наши люди и сама территория стратегически важна, потому что именно здесь находится духовный исток формирования многоликой, но монолитной русской нации и централизованного Российского государства. Ведь именно здесь, в Крыму, в древнем Херсонесе, или, как называли его русские летописцы, Корсуни, принял крещение князь Владимир, а затем и крестил всю Русь.

Нет ясности в том, действительно ли Владимир Святой крестился в Крыму в конце 980-х годов, или его крещение все же состоялось в Киеве. Также не кажется слишком важным, что предположительно Владимир Святой убил княжескую чету Корсуни и заставил их дочь выйти замуж за своего сатрапа. Кроме того, согласно легенде, он сам изнасиловал эту дочь на глазах ее родителей. Но об этой части рассказа ничего не упомянул в своем послании современный тезка Владимира Святого. Он продолжал высокопарно:

– И именно на этой духовной почве наши предки впервые и навсегда осознали себя единым народом. И это даёт нам все основания сказать, что для России Крым, древняя Корсунь, Херсонес, Севастополь имеют огромное цивилизационное и сакральное значение. Так же, как Храмовая гора в Иерусалиме для тех, кто исповедует ислам или иудаизм. Именно так мы и будем к этому относиться отныне и навсегда.

Рассказ Путина о Севастополе как о российском эквиваленте Иерусалима – это уже нечто совершенно новое. Русская православная церковь никогда не считала Крым или Севастополь особо святым местом. Но сейчас этот рассказ используется для дальнейшего узаконивания аннексии Крыма Россией, так же, как и борьба украинских казаков против русских царей в Украине используется в качестве доказательства глубоких корней украинского государства.

Очевидно, многие испытывают дезориентацию, когда слышат что-то совершенно противоположное тому, что в свое время изучали в школе, и также очевидно, что и в первых украинских учебниках истории содержались многие странности, – говорит Адиле.

– Помню, когда я училась на втором курсе в университете и должна была проходить практику в школе, в учебнике для пятого класса было много написано о всевозможных злых

иностранцах, воевавших против украинских казаков. Сначала был отрывок о польских шляхтичах, которые воевали с казаками и пытали их. Конечно, история имеет много примеров несправедливости, но ученикам пятого класса, пожалуй, не обязательно знать о том, как поляки пытали украинцев. Во втором отрывке речь шла о российском царстве, которое также воевало против казаков. В третьей части речь шла о борьбе казаков против Османской империи. Если я не ошибаюсь, там было что-то о султане, который вырезал и съел сердце казачьего атамана, чтобы получить его силу. Кажется не слишком умным, чтобы ученики пятого класса читали о таких вещах и учились ненавидеть своих соседей. Должна сказать, что я обрадовалась, когда тот учебник вскоре заменили на другой. Очевидно, не только я считала его плохим.

Но сейчас основная проблема – не пропаганда в учебниках, а на телевидении. Ни то, что показывают по российскому телевидению, ни то, что показывают по украинскому телевидению, не способствует укреплению дружбы между этими странами, – говорит Адиле. Раньше они смотрела телеканалы обеих стран, но сейчас не смотрят их вообще.

– У меня нет больше сил. Мне становится плохо, когда я их смотрю. Но я смотрю наш крымскотатарский канал ATR. Я даже стала его акционером. У них сейчас такая кампания: они хотят сделать его каналом, собственником которого являются его зрители. Они также стали очень внимательными к тому, что могут сказать. Но я считаю, что они хорошо работают в разрешенных пределах.

Вскоре я снова сижу в автомобиле Жени. Возле рычага переключения скоростей, между сиденьями, лежит большая зачитанная брошюра под названием «Правила дорожного движения Российской Федерации 2014 года с новыми штрафами». Сейчас здесь действуют российские правила.

Мы едем по неровной извилистой дорожке. Неожиданно между хвастливо роскошных вилл из кирпича и бетона появляется Черное море, которое на самом деле вовсе не черное, а темно-голубое. У некоторых из вилл высокие круглые башни, будто скопированные с замков позднего средневековья. На крыше одного из них развевается небольшой флаг России, первый, который я вижу в Черноморском.

– Наверное, это кто-то из тех, кто желает выглядеть патриотом. Кто-то, который, возможно, боится, что заинтересуются происхождением его денег, – говорит Женя, криво улыбаясь.

У его базы отдыха три флагштока. Один – для флага Украины, второй – для флага Крыма и третий – для эсперантского флага. Здесь проходило много международных встреч эсперантистов. Этим летом тоже должна была состояться международная молодежная встреча. Но единственными зарубежными гостями, которые решились приехать, были несколько россиян. Сейчас не видно ни одного флага, и жилые комнатки пустые. Флаг Украины Женя снял. Нет никакого смысла пытаться повесить его после аннексии.

– Абсолютно никакого! Не только потому, что это может кого-то разозлить. Сделать это было бы просто опасно.

Женя открывает для меня жилую комнату, включает теплую воду и проверяет, не забились ли ржавчиной неиспользуемые трубы. Я решаю окунуться в море. Это ведь обязательная часть путешествия в Крым. Даже если уже середина сентября, уже не жарко ни на суше, ни в воде.

Берег скалистый, но по лестнице я добираюсь до воды. Многочисленные медузы делают мое плавание короче, чем оно могло быть. Затем я прогуливаюсь по крутому известняковом берегу. Вдали видны две морские платформы для добычи газа. Их сейчас присвоила Россия вместе со всеми залежами газа и нефти вблизи Крыма. На горизонте, даже чуть дальше, чем платформы,

заметен силуэт грузового судна, которое, кажется, держит курс на Одессу. Этот порт все еще принадлежит Украине не только юридически, но и фактически.

Поздним вечером меня приглашают на ужин к Сергею, пенсионеру из Донецка. Он и его жена хотели прожить свои немолодые годы у моря. Сейчас их еще не до конца достроенная трехэтажная вилла, находящаяся в нескольких сотнях метров от воды, неожиданно оказалась в России. На это они не рассчитывали. А в Донецке сейчас война. Все происходит не так, как мы планировали, – говорит Сергей и кладет еду на мою тарелку. Он поджарил на решетке ягнятину, и после нескольких тостов с отборной белорусской водкой, воспоминанием о лучших временах, Сергей становится разговорчивее.

Нет, действительно, не так они планировали свои пенсионерские жизни. Сейчас он даже стал гражданином России, кто бы мог такое представить? И отказаться было невозможно, потому что соседи начали бы его подозревать.

– Я даже ходил голосовать на те местные выборы, чтобы никто не заподозрил меня в любви к Украине. Но за «Единую Россию» я голосовать не хотел, потому что в их списке были люди, о которых я ничего не знал. Я голосовал за «Патриотов России», там было несколько знакомых мне людей. Но никто из них не был избран, и я хорошо знаю почему. Я знаком с некоторыми людьми из избирательной комиссии. Они получили сверху четкие указания относительно того, какой должен быть результат выборов, – говорит Сергей.

Они не впервые фальсифицируют результаты выборов здесь, – добавляет он впоследствии. – Были люди, которые занимались подозрительными вещами и во времена, когда Крым принадлежал Украине. Но то, что происходит сейчас, под властью России, гораздо хуже.

– Это ужасно! Это – тоталитарное государство, где люди не решаются говорить, что они думают, потому что тогда у них будут проблемы. Особенно это касается меня, потому что я прибыл из материковой части Украины и многие следят за мной.

Сергей разговаривает по-русски всю свою жизнь, и разговоры о том, что Россия должна была защитить русскоязычных жителей Крыма, не убедили его. Наоборот, угрозу для себя он чувствует именно сейчас.

Дом у моря был его мечтой еще с тех пор, когда он работал завхозом в шахтерском городе Донецке, который сейчас разрушен войной. Его мечту разделяла также его жена.

– Кому-то другому, возможно, не понравилась бы мысль перебраться сюда, подальше от цивилизации, но она согласилась. И мы построили дом. А потом сюда пришла Россия. Честно говоря, сейчас мы охотно вернулись бы в Украину, но это невозможно. Дом стоит здесь, а продать его нельзя. Даже не существует действующего реестра недвижимости. Все неопределенно. Может произойти что угодно.

Сергей угощает меня еще одной рюмкой и становится сентиментальным. Его отец умер, когда ему был 71 год. До этого сроку ему самому осталось пять лет. Вот это и есть жизнь?

– Мы сейчас совсем отрезаны от своей семьи в Украине. Они не хотят ехать сюда, потому что люди смотрят на них с подозрением. И атмосфера, царящая здесь сейчас, вовсе не для отдыха. Все это совершенно чуждо мне, не так я хотел устроить свои дела. Но что поделаешь?

Мы допиваем последние капли из бутылки на балконе и смотрим на звезды, сверкающие над уже совсем черным морем.

ЗАПРЕЩЕННЫЕ СЛОВА

Студия новостей на самом деле гораздо меньше, чем кажется на телевизионном экране. В соседней контрольной комнате двое мужчин сидят за клавиатурой. В другой студии записывают детскую программу на крымскотатарском языке. Напротив, через коридор, за стеклянной стеной размещена редакция новостей.

Редакция телевизионной компании ATR расположена на верхнем этаже большого офисного здания на окраине Симферополя. Дом принадлежит автобусной фирме, собственник которой Ленур Ислямов. Он является одновременно собственником телекомпании. Здесь много крымских татар собиралось в начале марта, когда распространились слухи о том, что ATR станет следующим телеканалом, который захватит новая власть, управляемая из Кремля. Канал до сих пор прямо не захвачен, но вынужден придерживаться строгой самоцензуры. Слова «оккупация» и «аннексия» вычеркивают, а те руководители Меджлиса, которым запрещен въезд в Крым, больше не появляются на телеэкране.

Меня принимает Шевкет Меметов, руководитель редакции новостей на крымскотатарском языке. Он предлагает чай за большим столом в зале заседаний, но вначале настроен скептически. Что я на самом деле знаю о Крыме? Известно ли мне, сколько пережил его народ? Существует ли понимание этого в Европе? Но после небольшой лекции о крымских татарах он наконец соглашается рассказать о том, что происходит с телеканалом. Самое важное – это получить российское разрешение на ведение телевизионного вещания, – говорит он.

– Независимо от того, хотим мы того или нет, сейчас нам нужно действовать в рамках российских законов. Это значит, что мы должны получить новые разрешения для ведения наземного и спутникового телевизионного вещания. Сейчас собираем необходимые документы, мы должны получить одобрение сетки вещания, а также представить нашу информационную политику.

Шевкет Меметов тщательно подбирает слова, когда спрашиваю, внесла ли российская аннексия ограничения в работу канала.

– Я не могу сказать, что речь идет о каких-то запретах. Но мы должны приспосабливаться к действующим обстоятельствам, мы должны, как я уже говорил, получить российское разрешение на телевизионное вещание. А чтобы его получить, должны привести в соответствие с ним свои передачи. Мы сократили ту часть, в которой говорилось об Украине или которая велась на украинском языке. Сейчас у нас один украиноязычный выпуск новостей в день, но очень много программ на русском языке, и, разумеется, на крымскотатарском. Мы уменьшили пропорцию актуальных новостей и увеличили долю культурных программ, выпусков о нашем родном крае.

Редакция получила несколько рекомендаций от российских властей, когда речь идет об освещении событий, связанных с Меджлисом и с другими крымскотатарскими или религиозными организациями, – говорит Шевкет Меметов.

– Мы по возможности выполняем требования властей, но в то же время стараемся освещать проблемы как можно более подробно.

Даже если четко выраженных запретов немного, все средства массовой информации в Крыму стали гораздо осторожнее.

– Это же очевидно. Мы это чувствуем. Это чувствуется даже в воздухе. Мы очень осторожны. Мы не дышим так свободно. Но мы делаем все, чтобы иметь возможность и дальше вести телепередачи, хотя это и трудно. Время от времени мы должны сосредотачивать свой фокус или изменять перспективу, возможно, мы не можем употреблять определенные слова и так далее.

Наша цель – найти путь, приемлемый и для журналистов канала, и для новых властей, – говорит Шевкет Меметов.

– Я не могу сказать, что мы уже нашли этот путь. Мы находимся в поиске. Мы ищем приемлемые компромиссы, мы ищем стратегии, которые позволят нам существовать и дальше, чтобы крымскотатарский народ мог слышать наш голос и в будущем. У нашего народа нет никакого другого телеканала, поэтому мы должны остаться. Поэтому о некоторых вещах мы не высказываемся в полной мере. Но я верю, что те наши зрители, которые понимают нас, понимают и то, почему мы должны так действовать. И мы делаем все, чтобы люди понимали, что мы не можем говорить все.

Но какие-то указания от новой власти канал все же получил? Шевкет Меметов задумывается, прежде чем ответить.

– Они, возможно, говорят, что именно такое вам не следует показывать, или же вы должны показать это именно так... Например, последние обыски. Вы не говорите, что ведутся обыски, скажите, что ведутся проверки. Такие вот дела. А когда мы сообщаем об обысках домов, поэтому мы, возможно, говорим «проверка» хотя бы один раз, чтобы показать, что мы ведь употребили это слово.

А каким образом вы получаете такие рекомендации, вам звонят или кто-то приходит к вам с визитом?

– По-разному. Поступают телефонные звонки, иногда к нам кто-то приходит и говорит, что было бы лучше, если бы мы не говорили о том и о сем, если бы мы не делали того и сего, если бы мы не употребляли именно такие слова. Вот так.

Но кого представляют те, кто передает эти рекомендации?

– Этого я точно не знаю, откуда они приходят, или это ФСБ, или еще какая-то другая инстанция. Но так обстоят дела.

ФСБ – российская служба безопасности, потомок КГБ. Ее руководителем был Владимир Путин, перед тем как стать премьер-министром и сразу после этого – президентом.

За день до моего визита было сообщение о подобном обыске также и на канале ATR. Или о «проверке», так, очевидно, будет правильнее сказать. Что это была за проверка? – спрашиваю.

– Официально у нас не было никакой проверки. Кажется, это была проверка автобусной фирмы, которая тоже находится в этом доме. Но это происходило так, будто я пришел к вам домой и попросил бы вас впустить меня. А потом я смог бы воспользоваться случаем и проверить также, что в вашем холодильнике.

Даже если до сих пор и нет конкретных угроз в отношении телеканала ATR, сама ситуация является угрожающей. В то же время новая власть хочет, чтобы крымские татары поддерживали ее, – говорит Шевкет Меметов.

– Но как мы можем поддерживать их, когда они проводят обыски в наших домах, как я могу это делать? Послушай, иди уже на выборы, – говорят мне они. Но как я могу голосовать, когда для меня нет кандидата. За кого мне голосовать? В списке нет моих братьев, там нет ни одного, кто мог бы защищать мои интересы, как я могу голосовать?

Развитие Крыма остается неясным, нельзя знать, как пойдут дела даже через короткое время, – говорит Шевкет Меметов.

– Когда я утром еду на работу, у меня нет ни одной мысли, что случится завтра или даже через час. Ситуация неопределенная. Это совсем не то, чего мы ждали, мы хотели бы верить, что новая власть сделает все для того, чтобы завоевать расположение крымских татар. Чтобы достичь этого, они должны были бы оставить некоторое пространство для маневрирования, но они этого не сделали. Они привыкли делать все насильно.

Россиянам легко управлять Крымом, не обращая внимания на крымских татар, так как почти все остальные поддерживают аннексию, – считает Шевкет Меметов.

– Очень многие из местных жителей всегда считали, что Крым должен быть российским. Я полагаю, что сейчас у 80 процентов из них такое мнение. Сейчас почти только крымские татары защищают украинские интересы в Крыму. Сами украинцы исчезли отсюда. Однако в действительности важным делом должно быть не то, кому должен принадлежать Крым – России или Украине. Важно, чтобы крымские татары могли чувствовать себя здесь дома, чтобы они имели свое будущее именно здесь. А сейчас это не так.

Невозможно сказать, прав ли Шевкет Меметов, когда заявляет, что 80 процентов жителей Крыма довольны аннексией. Но очевидно, что только небольшое количество крымчан сейчас открыто критикует аннексию. Однако те, кто не согласны, замолчали или приостановили свою критику, точно так же, как это должен делать телеканал Шевкета Меметова. Потому что так безопаснее.

На следующий день я встречаюсь с Арсеном, одним из немногих местных журналистов, следивших за обыском крымскотатарского Меджлиса. Он продолжает пользоваться украинским телефонным номером – это четкий сигнал относительно его собственных взглядов. Теперь мы договорились о встрече в кафе рядом с опечатанным зданием Меджлиса.

Арсен больше не работает в местной, крымской редакции всеукраинской русскоязычной газеты «Сегодня». Этой редакции больше не существует, так же, как и местного выпуска.

– Это была украинская газета, и чтобы в дальнейшем выходить, ей нужно было получить разрешение издаваться здесь. А собственники газеты считали, что не было смысла даже пробовать. Ведь газета украинская, с украинским направлением, а дела здесь серьезно изменились. Но мы продолжали работать, и газета все еще выходила с тем же содержанием. Мы получали много звонков с жалобами от своих читателей. Но другие звонили и благодарили. Вы – единственная оставшаяся украинская газета, – говорили они. И мы, вероятно, были последними, кто закрыл этот газетный киоск.

У «Комсомольской правды», крупнейшей газеты России, были региональные выпуски во многих бывших советских республиках, также и в Украине. Ее содержание подобно содержанию западных бульварных газет, и российская версия выступает в качестве рупора Кремля. Но, чтобы не терять своего читателя, украинское издание, однако, должно было вести

себя несколько нейтрально, когда начался конфликт между Россией и Украиной. Ранее читатели из Крыма получали украинский выпуск, а сейчас – российский с некоторыми страницами о местных событиях, – говорит Арсен.

– Возможно, раньше не было значительной разницы между выпусками, но сейчас очевидно, что содержание сделался еще более пророссийским, ведь этого хочет руководство.

Местные газеты или изменили свою направленность, или перестали выходить, а многие журналисты выехали из Крыма, – рассказывает он.

– Да, многие уехали, те, кто потерял должность, те, кто не выдержал того, что ограничивается свобода слова. Ведь все газеты, которые выходят здесь, сейчас подстраивают свою редакционную политику так, чтобы она совпадала с линией российского руководства. И когда кто-то чувствует, что не способен это делать, то куда же ему ехать? В Украину. Все делают тот же вывод, и все выезжают туда.

Сейчас в средствах массовой информации заметна только одна перспектива. Раньше было не так, даже если у большинства газет и телеканалов были связи с различными политическими или экономическими властями.

– Однако существовали различные точки зрения. Всегда кто-то критиковал власть, а кто-то другой ее хвалил. Была какая-то уравновешенность, даже и в том случае, когда одной стороне платили за критику, а другой – за прославление власти.

Частный телевизионный канал ЧТРК, или «Черноморка», как его привычно называли, был одним из средств массовой информации, постоянно критиковавшим власть. Власть имела Партия регионов, а «Черноморка» принадлежала предпринимателю, имеющему связи с оппозиционной партией «Батькивщина».

– Однако в действительности нельзя сказать, что этот телеканал был объективным, потому что они сначала считали, что все прекрасно, когда их партия была у власти, а впоследствии критиковали все, когда власть перешла к Партии регионов. Это был оппозиционный телеканал, но он не был независимым. Но, во всяком случае, там было место для другой точки зрения. И этот канал тоже было закрыт. Так же как и украинские каналы, ведущие передачи из Киева. Сначала были закрыты четыре канала, затем еще несколько, и вскоре нечего стало смотреть, только российские каналы.

Сам Арсен сейчас работает в московской газете «Московский комсомолец», не всегда верной линии Кремля. Там можно писать немного свободнее, нежели в местных, послушных газетах, – говорит он. Газета имеет крымский выпуск, выходящий один раз в неделю на восьми страницах, подготовленных на месте, остальные материалы поступают из Москвы.

– Там могут печататься очень разные статьи, на одной странице может быть текст, хвалящий Путина, и открытое письмо, требующее, чтобы СМИ перестали врать о войне в Украине. Они публикуют все, что можно публиковать. Можно что угодно думать об этом, но они, по крайней мере, придерживаются основных журналистских принципов. Если мы пишем о конфликте, мы всегда позволяем обеим сторонам дать свою версию, мы не должны клеветать ни на кого, мы должны стремиться к объективности. Это хорошо.

Но даже у «Московского комсомольца» имеются свои пределы. Обычно слово «аннексия» не проходит контроль.

– Ведь у нас в редакции разные точки зрения на все эти дела, и мы, соответственно, выбираем свои слова. Но когда мы пишем «аннексия», то это слово исчезает. Вместо него появляется «присоединение» или «воссоединения», – улыбается Арсен.

Крымскотатарский телеканал ATR вначале обычно говорил об аннексии, оккупации или завоевании, – вспоминает он.

– Потом это внезапно прекратилось. Они узнали, что больше не смогут выходить, если будут употреблять такие слова, если у них будет такая точка зрения относительно новостей.

В Крыму для журналистов изменилось все. Но не для обычных людей, – говорит Арсен.

– Для большинства людей ничего не изменилось. Работники бюджетной сферы сейчас получают высокие зарплаты, по крайней мере большинство из них. А вот для предпринимателей – наоборот. Многие из них закрыли свои предприятия или прекратили работу, ожидая, пока выяснится ситуация. Ведь огромное большинство дел здесь зависит от контактов с Украиной, от украинских туристов. Этим летом не было много туристов, и это теперь будет иметь свои последствия; тот, кто не заработал, должен экономить. Это, конечно, окажет влияние на всю экономику.

Отсутствие туристов – это не единственное дело, беспокоящее бизнесменов из Крыма. Согласно предварительным сообщениям министерства юстиции Украины, в Крыму до ноября 2014 года была конфискована собственность около 4 тысяч предприятий. В некоторых случаях речь шла о государственной собственности Украины, которая была «национализирована» новой властью Крыма. Сюда относятся, например, огромный санаторий, о котором рассказывала Светлана из Ялты, или украинское государственное нефтегазовое предприятие «Черноморнефтегаз» вместе с газохранилищами и инфраструктурой.

Но даже обычные частные предприятия были просто отобраны вооруженными людьми. И не стоило обращаться в милицию или в суд.

– Вообще можно сказать, что изменения не были благоприятными для активных, независимых людей. Для тех, кто зависит от государства, дела сейчас действительно изменились к лучшему, прежде всего, видимо, для пенсионеров. Здесь много пенсионеров, и они довольны, – говорит Арсен.

В отличие от Шевкета Меметова, Арсен не убежден в том, что подавляющее большинство жителей Крыма радуется аннексии. Но его удивляет то, что многие украинские патриоты вдруг полностью изменились и стали русскими патриотами. Они просто перешли на сторону победителя, – говорит Арсен.

– В сознании людей произошли огромные внезапные изменения, и это мне совсем непонятно. У меня есть друг, которого я знаю достаточно давно. С ним было приятно общаться, и он всегда был за Украину, для него это было важно. Но вдруг, когда все это произошло, вот он произносит тост с шампанским и кричит россиянам: «Ура!». В моей голове не могут уложиться эти две вещи.

И он не один такой, многие изменили свою точку зрения. У некоторых просто опустились руки, другие, возможно, потому, что Украина не защитила нас. Оказалось, что у нас не было настоящего царя, пришел другой царь, который оказался сильнее, и, значит, он прав. Что-то произошло в подсознании этих людей. Они просто захотели стать друзьями сильного. А если произойдет что-то, что сделает Украину сильнее, они снова изменят свою точку зрения. Речь идет об извечном инстинкте самосохранения.

Рассказ Арсена о своем друге напоминает мне о неистовой поклоннице Путина в университете – Татьяне Фоминых. Ведь она раньше совсем не была такой, как рассказывал ее коллега, она была обычнейшей, лояльной украинской служащей. Но она вдруг изменилась.

Мы платим за чай и идем по парку в направлении железнодорожного вокзала. Возле офисного здания с полсотни мужчин – среднего и старшего возраста – стоят в длинной очереди. Офис принадлежит предприятию «Укртелеком».

– Они хотят оплатить счета за телефон. Стационарная телефонная связь до сих пор украинская, она подключена к украинской сети. Но уже мало тех, у кого дома есть стационарный телефон. Например, у меня нет, – говорит Арсен.

Но те, у кого есть стационарный телефон, должны стоять в очереди перед офисом. Иного способа оплатить телефонный счет сейчас нет.

Арсену пора на работу, и мы прощаемся. Это мой последний день в Симферополе, поэтому я использую возможность прогуляться суетливым центром, прежде чем поехать в бетонный пригород, где я поселился. Большинство домов на боковых улицах в столице Крыма старые, изношенные, максимум двухэтажные. Электропроводка в старых районах города не скрыта под землей, а проведена на столбах, которые то тут, то там кажутся немного ветхими. На одном углу улицы сверху слышится шипящий звук, чуть позже происходит несколько вспышек в трансформаторе между ветвями двух дикорастущих деревьев, выросших рядом с электрическим столбом. Пешеходы встревоженно поглядывают вверх и издалека обходят этот столб. Но вспышки прекращаются, и дыма не видно.

«Вежливые адвокаты – юристы из России к вашим услугам», – написано на табличке перед адвокатской конторой на боковой улице. «Вежливость» – это актуальное слово в Крыму, с тех пор как в феврале появились вежливые «зеленые человечки». Вежливая адвокатская контора обещает помощь при регистрации предприятий и при купле-продаже недвижимости в соответствии с российским законодательством. Понятно, что такие покупки не признает украинская власть, но пока здесь правит Москва, то совершенно неважно, какое мнение у власти в Киеве.

В нескольких сотнях метров от вежливых адвокатов я нахожу тщательно отреставрированный бледно-желтый дом 19-го века с красивыми коваными решетками на окнах первого этажа. Фасад украшен российским триколором на совершенно новом флагштоке. Сразу заметно, что у людей, получивших задание развесить российские флаги на официальных зданиях, было много работы – на флагштоке четыре отверстия для крепления к стене, но он прикручен к стене только двумя шурупами – в нижнем левом и верхнем правом углах. Под флагштоком видно пустое четырехугольное пространство – очевидно, раньше там находилась украинская табличка. Русскоязычную вывеску заменила иная: «Министерство юстиции Российской Федерации. Главное управление в Республике Крым и Севастополе».

На крыше колбасной лавки рядом с железнодорожным вокзалом я наконец нахожу плакат на двух языках: «Крымчане с Россией», написанный на русском. И на английском. Это ведь я уже видел по дороге в Ялту, но тогда я не думал о выборе языка. У плаката цвета российского флага, и он изображает силуэт полуострова, который покрывает российский государственный герб – двуглавый орел. Двуглавый орел – это по происхождению византийский имперский символ, две головы которого, согласно легенде, должны представлять силу на востоке и на западе, и его в качестве такового выбрал еще в 15-м веке Иван Третий, дед Ивана Грозного.

Через несколько недель, когда я уже дома в Швеции, большой плакат на крыше колбасной лавки получает сопровождение: рядом появляется еще один плакат, такого же размера, с флагом так называемой Новороссии и с текстом «Слава защитникам Новороссии». Этот флаг очень похож на флаги бывших мятежных южных штатов в США, только отсутствуют звезды. В

тексте речь идет о мятежниках в Восточной Украине – это старое слово достал из архива сам Владимир Путин в апреле 2014 года, когда во время своей долгожданной пресс-конференции, вызвавшей всеобщее внимание, начал говорить о Новороссии и заверил, что вся нынешняя Южная и Восточная Украина исторически вовсе не принадлежат Украине.

Через несколько недель, в конце октября, неожиданно исчезает двуязычный плакат «Крымчане с Россией».

«Крымчане больше не с Россией», – такое шутливое заглавие получила заметка в блоге, написанная моим другом Павлом по поводу исчезновения этого плаката. Ему было интересно, сорвали ли этот плакат осенние бури. Заголовок быстро привлек внимание многих прокремлевских комментаторов, которые в своих 1 143 сердитых комментариях объясняли, что крымчане и впредь вместе с Россией, а те, что хотят в Евросоюз, имеют полное право чистить туалеты в Польше.

Многие комментарии были совсем бессодержательными, без всякой связи с шутливым содержанием блога. Это свидетельствует о том, что комментарии писали нанятые лица, работа которых заключается в поддержании в сети Интернет линии верхушки российского руководства. Но в таком случае они не слишком компетентны в своей работе, – считает Павел.

– Самое смешное заключается в том, что те дураки даже не понимают, что, когда они пишут свои комментарии, они на самом деле популяризируют блог и помогают ему попасть в список популярных. Поэтому блог находился на первом место в списке, что мог увидеть любой посетитель главной страницы, в течение нескольких часов. Это пример того, как рубят сук, на котором сидят.

Еще смешнее стало через несколько недель, когда на месте исчезнувшего российского триколора появился новый плакат: реклама российского майонеза. На фото российский актер Михаил Пореченков ест борщ с майонезом, и вид у него очень довольный. Он стал знаменитым, когда сыграл роль агента службы безопасности ФСБ в телесериале, но по-настоящему известным он стал в конце октября 2014 года, когда посетил мятежные области на востоке Украины, в частности блокированный Донецкий аэропорт. Перед телекамерами в бронежилете и каске с надписью «Пресса» он стрелял из большого пулемета боевыми патронами по позициям украинских правительственных войск на территории аэропорта.

А теперь он рекламирует сметанный майонез марки «Ряба» возле железнодорожного вокзала в Симферополе, рядом с плакатом «Слава защитникам Новороссии». Ведь патриотические плакаты важнее хлеба, – говорил глава парламента Владимир Константинов, когда в сопровождении духового оркестра приказал водителю подъемного крана поднять первую русскую табличку с названием улицы на свое место. Но майонез, разумеется, это совсем другое дело.

Многие россияне хотят, чтобы майонез был во всем. Кажется, эта привычка осталась еще с советских времен, когда государственные столовые использовали ведра майонеза, чтобы скрыть несвежий вкус некачественных ингредиентов. Сейчас многие помнят только вкусный советский майонез, а не то, для чего его использовали в таких количествах.

Еду в маленьком автобусе до бетонного гетто на улице Кечкеметской и захожу в винную лавку на другой стороне дороги, чтобы купить что-то домой. Немного странно, но винная лавка расположена в одном помещении с магазином, торгующим запчастями к автомобилям. Однако здесь хороший выбор крымских вин. Многие бутылки до сих пор со старыми, еще украинскими, акцизными марками. Но если я хочу что-нибудь очень высококачественное,

лучше купить что-то иностранное, – говорит мне продавщица. Кажется, она не совсем понимает, что я ищу сувенир. Я беру две бутылки сухого игристого вина из Инкермана, города, где защитники Севастополя прятались в подвалах. Ведь в некотором смысле это тоже иностранный продукт. Фирма «Inkerman International AB» зарегистрирована в городе Сольна под Стокгольмом, и в 2010 году финляндское семейное предприятие выкупило 40 процентов акций. После этого в предприятие были вложены большие инвестиции, в результате чего перед аннексией фирма стала крупнейшим производителем вин в Украине. Сейчас ее будущее является неопределенным, и за сезон 2014 года была использована лишь половина производственных мощностей предприятия. Ситуация довольно деликатная, и когда крупнейшая газета Финляндии «Helsingin Sanomat» в декабре 2014 года связалась с владельцем, никто из «Hartwall» не захотел каким-либо образом комментировать аннексию.

Мой самолет улетает глубокой ночью, и я решаю отдохнуть в квартире, ведь у меня еще много времени. Но как раз перед тем, когда я в десять вечера собираюсь вызвать такси, начинается первая осенняя буря. Вдруг становится сложно дозвониться до диспетчера такси, и прибывший наконец водитель требует с меня двойную плату.

Горизонтальный ливень хлещет по автомобилю, и когда мы прибываем в аэропорт, я узнаю, что мой экономический рейс в Москву, который должен начаться примерно в два часа ночи, запаздывает по крайней мере еще на два часа. На самом деле мне нужно в Киев, но поскольку сообщения с миром, кроме России, отрезано, то надо делать крюк.

Зал ожидания для пассажиров заполнен крымскими татарами, которые летят в Мекку. Им всем выдали чемоданы, украшенные российским триколором и светло-голубым крымскотатарским флагом. Руководитель группы дает интервью перед двумя телекамерами – ведь все должны знать, что крымские татары не ущемляются при российском правлении, а имеют право свободно исповедовать свою религию и паломничать. Поэтому мусульмане из Крыма получили часть мест в российской квоте для паломников по очень выгодной цене. Но вылететь прямым самолетом в Саудовскую Аравию нельзя, отсюда можно лететь только в одном направлении.

Я сажусь в зале для пассажиров рядом с женщиной среднего возраста, которая, кажется, уже давно сидит здесь. Она держит перед собой на полу большой мешок с грецкими орехами. Один за другим она расщепляет орехи, кладет ядра в пластиковую сумку, которую держит на коленях, и выбрасывает скорлупу.

– Орехи в Крыму дешевые, но они занимают много места, – говорит она, когда замечает, что я наблюдаю за ее занятием.

Оказывается, что сама она из Северной Сибири и приехала в Крым на встречу одноклассников. Она впервые в жизни летит так далеко. Она ни разу не была за границей, и вряд ли полетела бы в Крым, если бы он не стал российским. На Украине сейчас так опасно, – говорит Тамара, так ее зовут.

Четыре часа – это же ерунда, – говорит она, когда я рассказываю, что мой самолет опаздывает и должен вылететь примерно в четыре утра.

– Мне надо просидеть здесь целые сутки, а затем примерно еще столько же, когда сделаю пересадку.

Тамара родилась и выросла в советской Центральной Азии. Ее семья выехала оттуда после распада Советского Союза, так же, как и многие другие русские. Сейчас она работает медсестрой.

– Город, в котором я родилась, в советское время был промышленным городом, но сейчас все там мертво, все закрыто, и все оттуда уехали.

Одноклассники не собирались вместе, пока один из них, житель Крыма, не пригласил их на встречу. И приехали не очень многие, только горстка из тех шестидесяти, окончивших школу вместе с Тамарой в конце 70-х годов.

– Все же не смогли приехать. А некоторых уже и нет, особенно мужчин.

Но путешествие в Крым поразило ее. Прежде всего, она почти по-детски увлечена высокими горками в аквапарке у моря.

– Вы уже побывали там? Это надо сделать, это что-то просто фантастичное. В первый раз я еле решилась съехать, но все-таки сделала это, это было просто невероятное ощущение. И вид на море – там так красиво! А, кроме того, было тепло. Когда дома холодно, то выглядишь снеговиком, когда идешь на работу, хотя туда всего четверть часа пешком. И если холодно, то тогда настоящий мороз, часто даже минус пятьдесят градусов.

Таких морозов никогда не было в ее детстве, в советской Центральной Азии. И еще много других хороших вещей было в советские времена, даже несмотря на то, что люди жили несколько беднее, – говорит она.

– Я считаю, что в Советском Союзе люди были более любезны и вежливы. Сейчас на тебя смотрят как на чудака, когда говоришь кому-нибудь «извините» или «пожалуйста».

Впоследствии она заводит разговор об ужасных украинских фашистах, которые бросают запрещенные фосфорные бомбы на русских гражданских жителей Донецка. Но фосфорные бомбы – это просто пропаганда, – говорю я, – и фашистов единицы, с украинской стороны это в основном обычные люди, которые хотят защищать свою страну.

Тамара, кажется, задумывается, но считает, что Путин, во всяком случае, – хороший президент и работает для мира. Я не совсем такого же мнения, – говорю я, – потому что в Восточной Украине не было бы войны, если бы Путин не посылал туда российского оружия и солдат. Хотя я, возможно, думал бы так же, как и вы, если бы смотрел российское телевидение, – добавляю я.

– Да, но больше нечего смотреть. По крайней мере, там, где я живу. Между прочим, у меня почти нет времени, чтобы смотреть телевизор. Политика – скучное дело, а жизнь проходит так быстро после того, как станешь тридцатилетним, все только пролетает мимо.

Однако ожидание оказалось недолгим, уже начало второго и началась регистрация на мой рейс. Тамара остается на месте со своими орехами. Она кричит мне вслед:

– Водная горка! Испробуйте ее обязательно, когда в следующий раз вернетесь в Крым!

ИЗГНАННИКИ

Лицо российского президента можно увидеть почти во всех сувенирных киосках и здесь, в Киеве, но в несколько ином ракурсе, чем на приморской набережной в Севастополе, городе русской славы. С бешеным успехом продаются не футболки с Путиным с обнаженным торсом на коне, а коврики для ног и туалетная бумага с портретом российского президента. Под портретом на туалетной бумаге написаны первые буквы нескольких русских матерных слов, слишком грубых, чтобы написать их полностью даже на туалетной бумаге. И текст на коврике для ног тоже написан по-русски, потому что это в основном русскоязычный город. «Вытирайте ноги», – приказывает коврик. Лицо Путина образует букву О.

Здесь можно также купить водительское удостоверение Владимира Путина. Однако в удостоверении его имя не Владимир, а Х*йло – очень оскорбительное слово, с которого убирают по крайней мере одну букву, даже когда пишут его на стенах. Водительское удостоверение выдано 7 мая 2000 года, когда Путин стал президентом, и действительно до 31 декабря 3000 года для всех возможных транспортных средств, включая троллейбус и трамвай.

На внутренней стороне стеклянных дверей небольшого книжного магазина кто-то прикрепил бумажку с надписью на украинском языке: «Мы не продаем сепаратистской и антиукраинской литературы».

Мы находимся в подземном переходе под Майданом Незалежности, в самом центре Киева. На этой площади начались демонстрации против Виктора Януковича в декабре 2013 года, на этой площади протестующие забаррикадировались мешками с песком и автомобильными шинами, на этой площади народные массы праздновали свою победу. То тут, то там вблизи площади можно увидеть маленькие памятные места с портретами героев этой революции. Большинство из более сотни убитых встретило свою смерть на расстоянии нескольких сотен метров от Майдана.

В прошлый раз, когда я был здесь в мае, на Майдане еще пахло дымом. И не у черного скелета сожженного Дома профсоюзов на углу улицы, а ближе. Дым выходил из буржуек светло-зеленых армейских палаток, установленных на площади. Группа заблудившихся протестующих, кажется, поселилась здесь, ожидая лучших времен или новую революцию.

Сейчас палаток уже нет, улица мимо площади вновь открыта для дорожного движения, а Дом профсоюзов закрыт сине-желтым украинским пейзажем и надписью огромными буквами «Слава Украине – Героям слава!». Бывший националистический лозунг времен Второй мировой войны получил новое значение. Сейчас прославляют героев Майдана. Там, где раньше стояли палатки – сейчас рекламные щиты украинской армии. На плакатах изображены улыбающиеся солдаты вместе с благодарными жителями отвоеванных сел на востоке. «Армия спасает, защищает, помогает», – написано на этих плакатах. На одном фото медсестра в бронежилете разговаривает с пожилой женщиной, которая сидит на скамейке в парке.

Настоящая ситуация в Украине больше напоминает покрытый сажей Дом профсоюзов на углу улицы. За кулисами, возможно, происходят какие-то ремонтные работы, но не хватает денег, и трудно восстанавливать страну в то время, когда пророссийские мятежники делают все, чтобы отрывать дальнейшие куски.

Проблем очень много, и совсем нет уверенности, что у нового правительства имеется все необходимое, чтобы хотя бы начать их решение. Но здесь, по крайней мере, можно свободно выражать свое мнение, здесь существуют независимые средства массовой информации, свободные общественные организации, работающие, чтобы общество развивалось в том направлении, которое они считают лучшим. Поэтому многие крымчане, не согласные с российским правлением, переехали сюда.

Одна из них – предприниматель Лиза Богуцкая, которая сбежала из Симферополя в начале сентября, после того как российские спецслужбы провели обыск в ее доме и допросили за то, что она писала в своем блоге. Мы встречаемся возле Майдана Незалежности, в холле четырехзвездочной гостиницы «Днепр», в которой националисты-экстремисты из организации «Правый сектор» в дни революции и после нее захватили целый этаж. В начале апреля СБУ выгнала экстремистов, и теперь «Днепр» снова выглядит старомодной, несколько сонливой шикарной гостиницей. С ценами, низкими до смешного, потому что украинская валюта резко упала.

Лиза Богуцкая – украинская патриотка и не может воспринять, что другая страна просто приходит и захватывает часть Украины. Поэтому она участвовала во всех митингах против российской оккупации в Симферополе, пока это было возможно. Но это было возможно недолго, – говорит она.

– Когда крымчане вдруг почувствовали себя российскими гражданами, то начали нападать на всех, кто носил украинскую символику. Стало невозможным выйти на улицу с флагом Украины или даже публично разговаривать на украинском языке. Я сама русскоязычная, но ради протеста я начала говорить по-украински в магазинах, на заправках, в других подобных ситуациях, только, чтобы показать, что я не боюсь.

Сразу после референдума многие крымчане начали проявлять агрессию против тех, кто хотел, чтобы Крым оставался частью Украины, – говорит Лиза Богуцкая.

– Я совсем не доверяю тем официальным цифрам, участие в референдуме не было таким массовым.

Но когда референдум все-таки состоялся и Россия начала раздавать деньги, платить высокие пенсии и зарплаты, тогда внезапно многие стали за Россию. Мы, которые хотели оставаться с Украиной, казались незначительным меньшинством. Через некоторое время я почувствовала, что абсолютное большинство на самом деле на стороне России. Но я чувствую, что сейчас происходит поворот, теперь меньше защищают Россию активно, когда увидели, что означает русское правление. Большинство людей – пассивное.

Лиза Богуцкая продолжает писать критические заметки в своем блоге, привлекающие внимание всей Украины, и она активно действует, чтобы как можно больше людей отказались от российского гражданства. Без ее участия не обошлось и тогда, когда крымские татары ехали к новой границе, чтобы встретить давнего диссидента и правозащитника Мустафу Джемилева. Когда российские пограничники не пропустили Джемилева, Лиза Богуцкая была одной из тех, кто пересек границу, чтобы встретиться с ним.

– Я участвовала почти во всех крымскотатарских митингах, поэтому я и тогда была там. Была в цветах Украины, в желтой блузке и голубых джинсах. Мы шли впереди против российских солдат, против их оружия, и я видела, как дрожали их руки, державшие оружие. Остановитесь, или мы будем стрелять! – кричал один, и пот стекал по его лицу. Нет, вы не будете стрелять, пропустите нас, – сказала я. И мы перешли границу. Но впоследствии они позвали больше солдат, и когда мы возвращались, они всех сфотографировали. Сначала они говорили, что пропустят обратно только тех, у кого есть при себе паспорт, но позже пропустили всех.

Инцидент 3 мая позднее стали использовать как повод для обысков в домах многих крымских татар. А 8 сентября наступила очередь Лизы Богуцкой.

– Это было где-то в полшестого утра. Мы живем в собственном доме, но они каким-то образом сумели открыть ворота. Когда моя собака, боксер, почуяла чужих во дворе, она выбежала и начала лаять. Мы услышали четыре выстрела и крики мужчин, и я сразу поняла, что произойдет обыск. Моя дочь сразу же написала это на моей странице в Фейсбук.

Одна из пуль попала в щеку собаки, но рана зажила.

– Если бы она попала на несколько сантиметров выше, то сейчас она была бы мертва. Да, а потом они ворвались и обыскали все, они занимались этим в течение трех часов. Затем они изъяли все мои компьютеры и телефоны, втолкнули меня в машину и повезли на допрос. Они сказали, что являются сотрудниками антиэкстремистского центра министерства внутренних дел, все мои заметки в блоге являются экстремистскими, сепаратистскими, что есть намеки на терроризм, совершение покушений против этнической группы, я посягаю на честь президента... Они перечисляли обвинения, которых, наверное, хватило бы на десятилетнее заключение. Затем они начали допрашивать меня по поводу 3 мая и обвинили меня в том, что я незаконно перешла границу.

После шестичасового допроса Лизу Богуцкую освободили, но речь шла о продолжении уголовного производства. Она сразу решила покинуть Крым как можно скорее – для украинского Крыма можно больше сделать на свободе, чем в тюрьме, – размышляла она. Но об этом она молчала, когда звонили журналисты.

– Украинские агентства новостей много раз сообщали об обыске и о том, что допрос продолжается. Поэтому, когда меня отпустили, мне сразу позвонили многие журналисты. Я говорила, что хочу остаться, хотя сама решила уехать в тот же вечер, так как не хотела, чтобы об этом стало известно на границе. Но они и так знали, потому что всю дорогу до границы за мной ехал автомобиль. Я ехала через Армянск на северо-запад, и мне удалось пересечь границу менее чем за полчаса, очень быстро. Они только проверили мой паспорт и пропустили меня.

А как она почувствовала себя на материковой Украине, – спрашиваю у нее.

– Я заплакала, когда увидела флаг Украины. Я уже привыкла видеть только маленький флажок в своем собственном автомобиле. А когда я увидела большой флаг, свободно развевающийся на ветру, я почувствовала, что как будто и воздух иной. Я чувствовала себя свободной, как будто меня выпустили из тюрьмы и я снова могу свободно дышать.

Через месяц пребывания на материковой Украине, сначала в Одессе, а затем здесь, в Киеве, Лиза Богуцкая несколько разочаровалась из-за отсутствия интереса к Крыму. Кажется, что украинская власть имеет очень много других дел.

– У них нет времени обсуждать Крым или то, как вернуть его. Это моя задача, задача, которую я поставила себе сама, добиться, чтобы этот вопрос не исчез с повестки дня. Крым –

это моя родная земля. И Крым – это не Россия. Я сделаю все, чтобы Крым не принадлежал России.

Лиза Богуцкая бежит к своему автомобилю, ей надо успеть на важную встречу. Я возвращаюсь на Майдан, покупаю несколько жетонов на метро в автомате, и еду по эскалатору вниз, к платформе. На станции «Дворец спорта» я перехожу на зеленую линию. Здесь, во Дворце спорта, состоялся музыкальный конкурс Евровидения в 2005 году, через год после Оранжевой революции. Тогда были огромные надежды – ведь Украина выбрала демократическое, европейское направление развития, – говорили тогда. Лауреат Евровидения Руслана участвовала в революции, а позже ее избрали депутатом парламента. Перед песенным конкурсом Украина временно отменила обязательные визы для всех граждан Евросоюза. И визы никогда не вводили вновь. Но сейчас ситуация примерно такая же, как и десять лет назад, только намного хуже. В прошлый раз победители после революции не могли сберечь свое согласие. На этот раз угроза поступила извне, с востока. И Крым уже потерян.

Шумный поезд метро выезжает на Южный мост через Днепр. Открывается вид на золотые купола Киево-Печерской лавры на вершине крутого склона, рядом Родина-мать – огромная, с металлическим блеском женщина с высоко поднятым мечом в правой руке и со щитом с изображением герба Советского Союза в другой. Чуть дальше на север, на том же берегу реки, стоит статуя Владимира Святого, который крестился в Крыму тысячу лет назад. А, может, в Киеве? Во всяком случае, он был киевским князем – именно здесь началось построение русского государства в начале 9-го века. Киевская Русь – так обычно называют великую державу восточных славян, – или Киевское государство. Но больше так не называют, по крайней мере в российских учебниках. Россия больше не дружит с Украиной, а значит, невозможно, чтобы в названии первого русского государства была столицы Украины. Нет, правильное название должно быть Древнерусское государство. Так ее называют новые учебники, и через три дня после того, как Владимир Путин торжественно подписал бумаги, сделавшие Крым частью России, Киевская Русь изменила свое название на Древнерусское государство даже в русскоязычной Википедии. Война в сети о переименовании длилась месяцами, но кремлевские патриоты – российские википедисты, были более настойчивыми, и в конце концов им удалось вычеркнуть Киев из названия древнего государства.

Настоящий Киев до сих пор стоит, однако, на том же месте, где он и стоял более тысячи лет назад. Поезд ускоряет движение, когда входит в тоннель на левом берегу. Сооружения здесь, на левом берегу реки, не тысячелетние, а построенные в основном в советское время. Строительство зеленой линии метро, да и самого Южного моста началось в последнее десятилетие Советского Союза. Я выхожу на станции «Осокорки», которая была открыта, когда Советский Союз прекратил существование, поднимаюсь вверх по эскалатору, и оказываюсь рядом с огромным массивом высотных жилых домов, рядом с автострадой, ведущей в аэропорт Борисполь. С другой стороны, за длинным рядом киосков и парикмахерской, предлагающей стрижку за 30 гривен (1,5 евро), видно торговый центр с огромной вывеской датского магазина товаров для дома «Jysk». Именно здесь снимает квартиру семья Эсмы Аджиевой.

Она крымская татарка, врач, я уже вспоминал с ней – она работала с международными проектами по улучшению ухода за новорожденными в Крыму. Когда Россия аннексировала полуостров, проекты были приостановлены, – рассказывает она.

– Мы не можем работать на оккупированной территории, есть такие правила. Мы закрыли один проект, потом другой. Мы недавно получили много оборудования для интенсивного

ухода за новорожденными, потратили много денег из швейцарского фонда. И все это мы должны были отдать. Но я передала оборудование непосредственно в больницу, так чтобы они не смогли перевезти его в Россию.

Пожалуй, можно было бы и остаться в Крыму, если бы не дети. Но то, что случилось в школе, это совершенно недопустимо.

– Это было ужасно для детей, они были шокированы. Когда они пришли в школу, то им пришлось увидеть, как учителя сдирали со стен символы Украины. Речь не шла о том, чтобы снять аккуратно, а нужно было все сбросить на землю. Когда моя дочь, которой десять лет, после школы спросила у меня: «Мама, я не понимаю. Когда мы приходили в школу 1 сентября, классная руководительница говорила нам, что Украина – это наша Родина, что Украина – это наша земля. А сейчас она говорит, что она россиянка, любит Россию, что Путин хороший, а украинцы – фашисты. Чему мне верить? Ты же говорила, что надо слушать учительницу».

Сын, который на год младше, не сказал ровным счетом ничего, он только молчал, когда Эсма забрала детей из школы.

– Он не хотел разговаривать, он закрыл за собой дверцу автомобиля и прикрыл голову курткой. И всю дорогу он сидел так. Наконец мне удалось разговорить его. «Так кто же врет? – спросил он. – Ты говорила, что украинцы хорошие, но сегодня я узнал, что они фашисты и убийцы».

После того дня дети оставались дома, семья паковала свои вещи и делала все, чтобы переселиться в Киев как можно скорее. Когда все было решено, Эсма пошла в школу, чтобы забрать документы своих детей.

– Когда я пришла туда, то увидела, что все символы Украины были действительно сорваны, на стене висел только флаг России. Я сказала, что хочу забрать детей из школы и получить их документы. Они там собирают документы, готовят их, а когда передают, спрашивают: «Зачем вы едете туда, в гнездо фашистов, уверены ли вы, что там безопасно?» Это они действительно сказали, дословно так. Я молчала, хотя на самом деле хотела высказать все, что думаю о них, но они такие, какие есть, и это ничего бы не изменило. «Это ваша точка зрения», – я только сказала и ушла.

Решение уехать было абсолютно правильным, – говорит Эсма. И она смогла продолжить свою работу в Киеве. Хотя было нелегко.

– Два месяца – в мае и июне – я была в полной депрессии, я только сидела дома, хотя должна была ходить на работу. Я выполняла свою работу дома. Для меня было трудно встречаться с людьми, однажды я начала истерически плакать во время встречи в министерстве здравоохранения.

И для детей, разумеется, было трудно покинуть знакомую среду и вдруг начать обучение в новой школе, в огромном городе с трехмиллионным населением. К тому же на новом языке.

– В Крыму школы русскоязычные. А здесь они украинские. Разумеется, существуют также и русскоязычные школы, но эта школа очень хорошая и совсем рядом с нашим жильем. В первом диктанте дочь сделала 24 ошибки. Конечно, она плакала. Она ведь хочет иметь лучшие оценки, а в Крыму они изучали украинский язык только несколько часов в неделю. Но мы приобрели для нее сборники упражнений, и уже в следующем диктанте она сделала только четыре ошибки.

Если бы даже Крым снова стал частью Украины, то очень маловероятно, что семья снова поселится там, – говорит Эсма.

– Я сама могла бы себе это представить. Но мой муж категорически против. Он так разочаровался в тех людях, а они останутся там в любом случае. Они просто в очередной раз изменят маску, они снова будут изображать из себя украинцев так же, как эта классная руководительница.

Вечером я еду на метро на север, на бетонную окраину Оболонь на западном берегу Днепра. Там я встречаюсь с Татьяной Курмановой и Александром Гундлахом, молодой журналистской парой, недавно переселившейся из Крыма, потому что уже не было возможности работать там. Они живут в однокомнатной квартире, которую снимают вблизи станции метро. В тот же день, когда я побывал у них, было включено отопление на зиму, а в кранах появилась горячая вода. Шикарно!

Они также не могут себе представить, что когда-нибудь смогут вернуться в Крым, – говорит Татьяна.

– Я не хочу чувствовать себя прислугой. Разумеется, в Украине существует коррупция и много огромных проблем. Но я хочу иметь шанс влиять на то, что происходит, я не хочу чувствовать себя крепостной, которую кто-то может просто взять и подарить кому-то другому. Я не хочу молчать, я хочу иметь возможность говорить то, что думаю. Я сама никогда не принимала участия в митингах, ведь я журналистка и моя задача – сообщать об этом. Но должна существовать возможность, это как воздух, которым дышишь. Поэтому я не смогла больше жить в Крыму, и поэтому почти уверена, что не вернусь туда.

Александр соглашается с ней:

– Нет, даже если все снова будет хорошо и Крым вернется в Украину, то горький привкус останется. Все те люди, которые так радовались аннексии, они же останутся, и они есть, – говорит он.

Татьяна говорит, что не смогла бы жить рядом с людьми, которые праздновали по поводу аннексии и закрывали глаза на то, что их соседей могут убить или похитить, если они будут выступать против этого.

– Они ничего не говорили, они только проглотили это. Крым – это же, очевидно, и моя родина, это также дом моих отправленных в ссылку предков. Но я никогда больше не хочу жить там, будь он русским или независимым, или еще каким-то, так как эти события открыли многое о подавляющем большинстве крымчан, и я просто не хочу быть одной из них. Вот такие дела.

Родители Татьяны Курмановой – крымские татары. Предки Александра Гундлаха – русские, хотя его фамилия больше напоминает немецкую.

– Мои предки были из Австрии, во времена Петра Великого они переселились в район Владимира, это к востоку от Москвы. Они там основали фабрику по производства стекла. Во всяком случае, так рассказывал мой дедушка.

Родители Александра больше поддерживают, чем осуждают аннексию, но они понимают его решение покинуть Крым, – говорит он.

– Хотя они и не были рады этому, но приняли. Но для них Россия кажется ближе, чем Украина. Они испытывают ностальгию по Советскому Союзу, и когда это все произошло, то они обрадовались. Возможно, что сейчас они несколько разочаровались, но того они мне не говорят.

Ваши родители связывают Россию с Советским Союзом, который они помнят?

– Да. Или, возможно, они не столько думают именно о России, а о Путине. Они надеются, что Путин вернет им Советский Союз, который они помнят с детства.

Но что они хотят вернуть назад, что является тем хорошим, которое они постоянно вспоминают?

– Что они хотят вернуть назад? Если посмотреть на это с философской точки зрения, то они, вероятно, хотят вернуть свою молодость. Но это невозможно. А если с практической, то многие на самом деле не знает Россию, они просто считают, что там все лучше. Высокие пенсии и зарплаты, более низкие цены, они думают, что Россия – это земной рай.

Но именно в это родители Александра, во всяком случае, не верят, они имеют достаточно реалистичную картину об уровне жизни в сегодняшней России, – говорит он.

– Мой отец – бывший военный, и я сам родился в России, недалеко от Чечни. Затем мы переселились на Камчатку, дальнее место на востоке, там я ходил в школу. В Крым мы переехали только в 1997 году. И мой отец никогда не скрывал своей любви к Советскому Союзу и к России, потому что там он провел свою юность. Но он не был врагом Украины из-за этого. Он был врагом коррупции и неограниченной власти бюрократов, которые существовали и существуют в Украине. Но они есть и в России, возможно, еще в большем количестве.

Для многих тех, кто сам не жил в России и верит российскому телевидению, однако, речь идет не только о мечте вернуться обратно в хорошую советскую эпоху, которая, вероятно, никогда не существовала, а о более богатой жизни, которая, как надеялись, наступит сразу после аннексии.

– Когда я говорил людям, что им следует самим поехать в Россию и увидеть, как там живут, или, по крайней мере, посмотреть об этом в Интернете, прежде чем голосовать за присоединении к России, то никто не хотел меня слушать. Нет, – говорили они, – все будет хорошо. Сейчас они сами видят, как есть. Это старая российская проблема, когда хотят, чтобы пришел кто-то другой и привел все в порядок, но сами не хотят ничего делать. Они ждут доброго дядю. Вот сейчас и пришел Путин.

Татьяна Курманова работала в Центре журналистских расследований в Крыму, в солидной организации, которую финансировали зарубежные фонды, в последнее время Дания. Ее критические репортажи публиковались в Интернете и на частном телевизионном канале «Черноморка», который сейчас закрыт российскими властями. Центр журналистских расследований был атакован бандой, подчиненной новым властям, всего через несколько дней после того, как российские боевики захватили парламент.

– Поскольку мы занимались журналистскими расследованиями, у нас была компрометирующая информация на всех с новой власти. Наша работа всегда беспокоила власть имущих, и вот они получили прекрасный повод избавиться от нас. Они напали уже первого марта, наше помещение штурмовали отряды самообороны. Но тогда мы еще не знали, кто они. Просто тяжеловооруженные мужчины в камуфляже. Сейчас мы знаем, что это были отряды самообороны Аксенова.

Так что не российские солдаты, а местные герои, нанятые новым премьер-министром, – уточняю я.

– Именно так, те российские солдаты не участвовали в подобных нападениях. Все конкретные уголовные преступления против прав человека связаны с собственными отрядами Аксенова. Российские солдаты на самом деле вежливы, как их обычно и называют. У них было свое задание, и они выполняли его, и ничего другого.

Чего не скажешь о людях нового премьер-министра.

– Они держали нас там шесть часов, нас четверых, которые были на месте, когда они пришли. Они даже организовали собственную пресс-конференцию в нашем холле. Но это, кажется, не было одобрено сверху. Мы пытались связаться с Аксеновым, и они наконец ушли оттуда. Но потом они регулярно возвращались, размахивали своими пистолетами и говорили, что мы должны освободить помещение.

После штурма парламента журналистские расследования стали невозможны. Татьяна Курманова и ее коллеги больше не могли получать объяснения или любую информацию из официальных источников. На пресс-конференции допускались только те журналисты, которые задавали некритические вопросы.

– Они просто не позволяли нам войти в парламент. Нам ничего не объясняли, просто перекрыли туда дорогу. Когда мы пытались задать вопрос председателю парламента на улице, он убежал от нас и прокричал, что не желает разговаривать с американскими шпионами.

Когда Татьяна Курманова вместе с оператором стояла перед домом правительства, чтобы задать несколько вопросов промосковскому премьер-министру Аксенову, их силой отбросили в сторону охранники Аксенова. И это не все.

– Эти отряды самообороны угрожали мне и говорили, что если я попробую войти, то они на месте изнасилуют меня, а потом вложат мне в руку гранату и скажут, что я планировала взорвать здание правительства.

По данным международной правозащитной организации «Human Rights Watch», так называемые отряды самообороны принимали участие в противозаконных арестах, похищениях и пытках многих крымчан, демонстрирующих свою поддержку Украине. Кроме того, согласно сообщениям «Human Rights Watch», отряды самообороны многократно силой разгоняли демонстрации и препятствовали работе журналистов. Всего по крайней мере пятнадцать крымских татар и проукраинских активистов исчезли или были похищены за первые шесть месяцев после захвата парламента. Шестерых похищенных позже отпустили на свободу, среди них проукраинских активистов Сергея Щекуна и Анатолия Ковальского, которых одиннадцать дней удерживали в нечеловеческих условиях в помещении, где было еще много других заключенных. Ковальского подвергали пыткам. Двое пропавших позже были найдены мертвыми: это – Решат Аметов и Эдем Асанов, оба – крымские татары. Согласно информации, полученной Центром журналистских расследований, приказ об аресте Щекуна и Ковальского отдал лично Аксенов. За эти и другие похищения людей никто не был наказан.

Несмотря на угрозы, Татьяна Курманова и ее коллеги из Центра журналистских расследований пытались продолжать работу в Крыму. Когда их выгнали из арендованного помещения в доме профсоюзов, они нашли временный приют на частном телеканале «Черноморка», который также передавал их репортажи. Но вскоре последовал еще один удар.

– Мы долго искали, но никто другой не решался сдать нам в аренду помещения. Очевидно, все получили сверху указание, что этого делать нельзя. Но «Черноморка» приютила нас. А в августе пришли ФСБшники и конфисковали все оборудование: как «Черноморки», так и наше. Все камеры, все микшерные столы, все компьютеры со всем нашим архивом были отобраны. Нам как-то удалось спасти одну камеру, вот и все. У нас не осталось ни оборудования, ни помещения, нас никуда не пускали.

Уже тогда Татьяна и Александр констатировали, что им больше нет смысла пытаться работать в Крыму журналистами. Поэтому они решили переселиться в Киев.

– Мы оставались в Крыму полгода, наблюдали за изменениями и все больше убеждались, что больше невозможно там жить. Мы на самом деле серьезно поссорились с несколькими нашими лучшими друзьями. Они не понимали нас, и сейчас мы не поддерживаем с ними никаких отношений. Думаю, что у всех в Крыму были подобные конфликты с друзьями. Но многие наши друзья соглашаются с нами, и многие из них действительно покинули Крым, – говорит Татьяна.

– Но мы вовсе не пытались убеждать других брать с нас пример, это было наше собственное решение, и они относились к нам как... не к предателям, а как к дуракам, убегающим от хорошей жизни, которая скоро начнется, от хорошей жизни в российском Крыму, – рассказывает Александр.

Весной, сразу после того как отряды самообороны Аксенова напали на помещение Центра журналистских расследований и шесть часов удерживали Татьяну вместе с другими, Татьяна с Александром участвовали в праздничной вечеринке с друзьями. Она пыталась тогда рассказать одной подруге о том, что случилось.

– Она слушала, слушала, казалось, что она была поражена тем, что я рассказывала. Но потом она говорит: «Но все-таки хорошо, что здесь российские военные, теперь я могу чувствовать себя спокойно». «Что ты имеешь в виду?» – спросила я. «Да, – сказала она тогда, – во всяком случае, эти бандеровцы не пришли сюда». «Какие бандеровцы?» – удивилась я. Но они смотрят российское телевидение, и она дальше стала болтать о поездах, заполненных кровожадными бандеровцами из Западной Украины, которые непременно бы напали на нас, если бы не пришли русские. Поэтому стало очень сложно общаться с людьми, вообще разговаривать с ними, они видят белое, а говорят, что это черное. Это очень тяжело.

Александр работал в русскоязычной редакции новостей крымскотатарского телеканала ATR, где все больше ограничивалась свобода слова. Поэтому было нетрудно принять решение уволиться с работы и переселиться, – говорит он.

– Конечно, нам было легче принять решение, чем многим другим, ведь у нас нет детей. Но нам хорошо жилось там. Если бы этого не случилось, мы бы предпочли остаться. Но мы также не боялись переселения, потому что это наша страна и у нас уже был достаточный опыт, чтобы здесь без особых проблем найти работу.

Еще одной причиной покинуть Крым был рост подозрительного отношения к крымским татарам. Мы снова начали чувствовать себя почти так, как в начале 1990-х годов, – говорит Татьяна.

– Тогда мы поселились в Крыму, и я хорошо помню, как это было. Я ходила в первый класс, и мы жили в Душанбе в Таджикистане, а затем переселились в Угловое под Севастополем. Мы были первыми крымскими татарами в селе, и крестьяне закрывали окна, когда видели нас. Теперь придут татары, скоро они будут есть наших детей, – говорили они. Я ничего не понимала, ведь была еще так мала. Единственным человеком, который согласился сдать нам комнату, была старая женщина, алкоголичка. И она очень удивилась, когда увидела, что мы порядочные люди. С тех пор я помню еще одну вещь: что я «черномазая», хотя у меня нет особо черных волос, так же как и у моих родителей – по нас не видно, что мы крымские татары. Я хорошо училась в школе, и мои родители просили, чтобы меня перевели в старший класс. «Нет, послушайте, вы должны быть благодарны, что вообще приняли вашу черномазую в нашу школу», – так сказал директор школы.

Так было в 1992-м. А сейчас чувствуется, что стрелки часов повернули назад, сейчас опять не доверяют крымским татарам. Сейчас из-за того, что они недостаточно громко кричат «Ура!» российской аннексии.

– С тех пор ситуация все время улучшалась, и в Крыму никогда не было серьезных этнических конфликтов. Но сейчас все изменилось. Я сама видела, как взрослые мужчины в Симферополе выталкивали из автобуса старушку, только потому что она крымская татарка. Многие крымские татары сейчас теряют свою работу, потому что они крымские татары. На стенах появились оскорбительные надписи, чтобы крымские татары убирались из Крыма. В городских районах, где жило много крымских татар, в марте околачивались какие-то люди и рисовали белые кресты на стенах, будто перед погромом, для устрашения. Люди, которые много лет мирно жили с соседями, стали бояться друг друга. Это ужасно. И было заметно, что это результат пропаганды, это одобрялось сверху. Поэтому я больше не чувствовала себя там, как дома, – говорит Татьяна.

Татьяна и Александр упаковали свои вещи, хотя большинство их осталось в Крыму, в том числе большая библиотека Татьяны. Сейчас даже нельзя отправлять посылки с книгами, это стало очень дорого и сложно, после того как украинские транспортные фирмы закрыли свои офисы в Крыму. И хотя они оставили многое, но почувствовали, что едут домой, когда поезд наконец пересек новую границу, – говорит Александр. Татьяна так рассказывает о своих ощущениях:

– Там, у границы, стоял танк, они копали траншеи. Когда мы прибыли на другую сторону, то проехали крымскотатарское село. Там мы увидели крымскотатарский флаг и украинский. Тогда я заплакала. Я почувствовала почти эйфорию, я чувствовала себя свободной, увидев флаг Украины, после всех тех российских триколоров. А через несколько дней, когда мы были в Киеве, праздновали День независимости Украины. Я купила флаг Украины и пошла на Майдан Незалежности. Я была очень рада. На Майдане я встретила Мустафу Джемилева и многих знакомых, чувствовала себя прекрасно.

Ее родители намерены оставаться, так же как и большинство крымских татар, и они пошли получать российские паспорта вовсе не потому, что радовались аннексии. Но как тогда складываются отношения между ее родителями и родителями Александра, могут ли они общаться, если у них такие разные взгляды, – спрашиваю я.

– Да, они время от времени разговаривают по телефону, но не касаются болезненных тем. Они живут в разных городах, поэтому у них никогда не было тесных контактов, иначе было бы не так легко избежать этого, – говорит она.

– Большинство людей в Крыму, видимо, предпочитает разговоры о повседневных проблемах, о росте цен или о чем-то подобном, так спокойнее, – говорит Александр.

Для родственников Татьяны в России трудно понять, почему аннексия может быть яблоком раздора. Они такие же крымские татары, но живут в России уже так долго, что полностью привыкли к российской перспективе, – говорит она.

– Моя мать серьезно поссорилась с ними, когда они разговаривали по скайпу и родственники поздравили ее с воссоединением. Она остро отреагировала на это, и люди из России совсем не поняли почему. Так же конфликтуют многие другие, у меня есть подруга, которая поссорилась с отцом, потому что он открыто выразил свою полную поддержку аннексии, тогда как у нее было иное мнение.

Сейчас большинство людей в Крыму поняло, что Путин врал, говоря, что не было российских войск, когда штурмовали парламент Крыма и окружали украинские военные базы, – говорит Александр. Ведь Путин сам позже признал, что использовались российские войска – хотя сейчас он утверждает, что никогда не говорил чего-то другого. Но многие считают, что это нормально – врать и обманывать других, если это во благо. И так думает большинство, – говорит Александр.

– Они рады и довольны, они говорят о «геополитике», что так нужно. «Да, ведь он обманул весь мир, ловко, не так ли!» Но они верят, что с ними он ведет себя честно. Они не понимают, что он собирается обмануть их таким же образом.

ИМПЕРСКИЕ МЕЧТЫ

Здесь все началось. В Москве Владимир Путин несколькими росчерками пера превратил Крым в часть российского государства. Но почему? Если ответ можно где-то найти, то именно здесь, в центральной точке империи.

Да, зато Крым наш! Это остается постоянной ответом на любые неудачи после аннексии. Прошло полгода, торжества немного приутихли, и все уже слышали это выражение о Крыме столько раз, что оно превратилось в небольшую шутку. Лифт испортился? Рубль обвалился? Да, зато Крым наш!

Но все еще для жителей российской столицы само собой разумеется, что нужно поддерживать «воссоединение».

Книжный магазин «Дом книги» – плоская бетонная коробка, построенная в 1967 году. Она стоит среди небоскребов в советском стиле на улице Новый Арбат. На витрине главное место занимает новый роман сторонника Сталина, радикального националиста Александра Проханова об отвоевании Крыма. Обложка в цветах российского флага, на ней изображены стилизованные военные корабли с красными звездами на носу. Проханов – это тот, кто в телевизионном интервью утверждал, что мировое еврейство приближает новый холокост своей поддержкой фашистского путча в Киеве. А ведущая согласно кивнула головой.

– Они первый приближали также, – добавила она от себя.

Такие высказывания на российском телевидении уже почти никого не удивляют. С другой стороны, было бы невероятно, чтобы к дискуссии привлекли кого-то, кто критикует аннексию Крыма.

В магазине, как можно ближе к кассам, стоит стол со стопками того, что в Киеве назвали бы «сепаратистской или антиукраинской литературой». На столе – только самые свежие добавления к потоку книг о том, почему Крым принадлежит к России и почему ЦРУ управляет фашистским еврейским режимом в Киеве. Большой плакат сообщает, что Николай Стариков, автор толстенной стопки «популярно-исторических» книг в желтых обложках, в конце недели встретится со своими читателями в кафе книжного магазина на втором этаже. Я не попаду туда, но на самом деле достаточно прочитать названия нескольких его книг на соседнем столе: «Украина. Хаос и революция – оружие доллара», «Россия. Крым. История», «Так говорил Сталин», «Спасение доллара – война».

На задней обложке последней книги Старикова напечатано его объяснения мира в кратком изложении: «США нужна война, чтобы ликвидировать свой огромный государственный долг. Сначала они занялись Ливией и Сирией. Теперь пришла очередь Украины. Целью Америка является многое. Разрушить Украину и распространить зону нестабильности из-за границы в Россию. Отодвинуть Россию от Черного моря, изгоняя наш флот из Крыма. Создать у наших границ абсолютно антироссийское государство, в котором все в совершенстве владеют русским языком». Но Америка не достигнет успеха в своем стремлении, – объясняет дальше Стариков короткими фразами: «Крым вернулся на Родину. Вместо «арабской весны» наступила «русская весна». В России мы наблюдаем взрыв патриотизма. Потому что мы можем объединиться в сложной ситуации. Россия вернулась к геополитике великих держав. Никакие санкции нас не запугают. Мы должны быть сильными, чтобы держать хаос за пределами «Русского мира». Чтобы Америка оставила в покое Украину, чтобы больше не проливалась кровь на наших улицах. Потому что мы – один народ. Потому что есть призыв России сохранить равновесие справедливости в мире».

За колонной я нахожу целый стеллаж книг о «Славянском мире». Толстые роскошные фолианты с названиями типа «Возникновение Российской империи» и «Государственная церемония как провозглашение программы могущества» выглядят весьма актуальными. Но недавно изданные тюремные заметки освобожденного олигарха Михаила Ходорковского не выставлены ни на одном столе. Я набираю фамилию «Ходорковский» на клавиатуре поискового терминала – и появляется окошко с информацией о нужном отделе и полке. Наконец я нахожу книжечку в неприметном месте, в отделе «Современная литература – художественная публицистика». Его книга, конечно, не продается так же хорошо, как сказки о тайном сионистском мировом правительстве. Особенно, если ее хорошо прячут.

В ста метрах от «Дома книги», на втором этаже одного из советских небоскребов, я вижу итальянский ресторан, который привлекает посетителей «Крымскими неделями». Ресторан называется «Ньокки», так пишут название итальянских клецок «gnocchi» по-русски, но вместо итальянской еды сейчас предлагают типично украинские блюда, в честь воссоединения. «Было ваше, стало наше» – это слоган «Крымских недель». Он написан большими буквами на окне ресторана и несколько меньшими – в буклете, который я получил, когда поднялся на второй этаж и сел у внутренней стороны окна, с видом на небоскребы с другой стороны Нового Арбата.

Этот буклет называется «Крымский вестник». Он украшен изображением трех советских пионеров в красных галстуках, играющих фанфары своими поднятыми горнами с красными флажками. На фоне виднеется крутая скала в море. Эта фотография показывает «Артек», легендарный пионерский лагерь на южном побережье Крыма. На большем фото, рядом с пионерами, партийный руководитель Никита Хрущев довольно улыбается, с четырьмя кочанами кукурузы у груди. «Мы вам покажем кузькину мать», – говорит текст под рисунком, именно так, как он говорил на Генеральной ассамблее ООН. Именно Хрущев в 1954 году передал российский до того времени Крым Украинской ССР как памятный подарок в связи с трехсотлетием Переяславского соглашения 1654 года. В советском и российском толковании истории этот год является годом «воссоединения» России и Украины. Портрет Хрущева – это типичное проявление московской иронии. Да, мы шутим о воссоединении, ведь нельзя вполне серьезно относиться к официальной патриотической риторике, но, разумеется, мы «за», не верьте ни во что другое! Ведь сейчас Крым наш!

Я в Москве, чтобы встретиться с Ириной Прохоровой, одним из немногих ведущих политиков в России, откровенно заявляющих, что они не поддерживают аннексию Крыма. Собственно из-за этого она была вынуждена оставить ведущую должность в либеральной оппозиционной партии «Гражданская платформа».

Эта партия изначально была основана ее братом, очень богатым финансистом Михаилом Прохоровым. На президентских выборах 2012 года он очень выразительно контрастировал с Владимиром Путиным, даже если его постоянно обвиняли в тайном сговоре с властью.

Перед президентскими выборами Путин, как всегда, отказался участвовать в теледебатах. Это было ниже его достоинства, и, кроме того, он мог бы и проиграть. Поэтому вместо себя он выставил на сцену своих доверенных представителей.

Михаил Прохоров решил сделать так же. Он послал свою сестру Ирину Прохорову, литературоведа и директора издательства. Ее спокойная логика и точнейшие знания моментально сделали ее знаменитой на всю страну. В дебатах она уничтожила представителя Путина, и, наверное, сделала бы то же самое с самим Путиным, если бы он осмелился принять

участие. «Она ведь та, кто должен стать президентом», – говорили многие после этих дебатов. В следующем году она была выбрана преемницей своего брата на посту руководителя «Гражданской платформы». Но в июле 2014 года она решила оставить эту должность, потому что большинство партийного руководства присоединилось к позиции правительства и поддержало аннексию Крыма. Этого она не могла принять.

Ирина Прохорова встречает меня в своем офисе в издательстве «НЛО», в нескольких сотнях метров от площади Пушкина, где десятки тысяч москвичей в конце сентября собрались на манифестацию против войны в Украине. Она шла во главе процессии рядом с другим руководителем оппозиции – Борисом Немцовым.

– Там я встретила многих своих друзей по университету, – смеется она.

На Пушкинской площади расположен также первый «Макдональдс» Советского Союза. Когда ресторан быстрого питания был открыт 30 декабря 1990 года, это событие выглядело как символ новой открытости в Советском Союзе Михаила Горбачева. Западная культура обслуживания с продавцами, которые не кричат на людей, была настоящей сенсацией для москвичей, и так же поражали современные, блестящие от чистоты туалеты. В первый день ресторан посетили 30 000 человек, и еще в течение нескольких лет, пока сфера обслуживания российской экономики не начала развиваться, люди стояли в длинных очередях перед этим самым крупнейшим в Европе «Макдональдсом». Но теперь здесь совсем безлюдно, лишь некоторые из тех, кто не знает, подходят к закрытой двери, чтобы увидеть, что там написано: «Предприятие общественного питания быстрого обслуживания по техническим причинам не работает. Приносим извинения за неудобства». Технические причины касаются санитарных властей Москвы, которые вдруг обнаружили, что нормы империалистического ресторана быстрого приготовления по вывозу мусора не соответствуют строгим российским правилам.

По мнению властей, это полное стечение обстоятельств, что многие предприятия быстрого питания «Макдональдс» вдруг подверглись молниеносным проверкам и должны были закрыться, после того как сам «Макдональдс» решил закрыть три ресторана в оккупированном Крыму.

Возле закрытого американского ресторана открыл свои двери маленький магазинчик одежды. В этом магазине, витрина которого украшена березами, по мнению россиян – наиболее русским из всех деревьев, продается только один вид товара – футболки с портретами президента. Магазинчик так и называется: «Футболки с Президентом – поддерживайте Россию!» – написано на вывеске. На футболках, развешанных в витрине, президент улыбается загадочно, он в военной форме, изображен на фоне российского флага или текста «Армия России». Он одет в темный костюм-тройку, он идет навстречу нам с одной рукой в кармане и словами «Крым наш» над его плечом.

Мускулистый президент одет в красную футболку с олимпийскими кольцами или в черных очках, и на нем толстая зимняя шинель российской армии. «They are patriots. You?» – написано на рубашке с портретом президента и министра иностранных дел. Оба идут решительным шагом, одетые в костюмы-тройки, белые рубашки и галстуки. На президенте черный костюм, министр иностранных дел должен удовлетвориться серым.

Еще один президент в черном костюме стоит непосредственно перед витриной. Это картонный манекен. Старомодный костюм-тройка и поза президента наводят на мысль об иконообразных советских портретах Ленина. Но президент без кепки.

Единственная футболка без изображения президента взамен показывает солдата в маске, в камуфляже, без знаков различия, с автоматом Калашникова в руках. «Вежливость города берет», – написано на этой футболке.

Офис Ирины Прохоровой, как уже было сказано, находится всего в нескольких сотнях метров от магазина с футболками, в помпезном советском банковском дворце в классическом сталинском стиле. Здание сейчас принадлежит финансовой империи ее брата. В том же помещении находится также фонд Михаила Прохорова, оказывающего финансовую поддержку культурной деятельности в разных местах России.

Работой фонда руководит Ирина Прохорова. Ее издательство, публикующее лучший литературный альманах в России, возможно, экономически зависит от финансовых предприятий ее брата: издание высококачественной литературы не является прибыльным делом в нынешней России. Но решения она принимает сама. Она – литературовед с университетским образованием, еще в Советском Союзе она работала редактором литературного журнала. Именно в культуре она находит воздух, чтобы дышать сейчас, когда псевдопатриотическая истерия сделала любую политическую деятельность почти полностью невозможной.

– Как человек, проживший больше половины жизни в Советском Союзе, могу сказать, что даже в советское время люди находили способы трансляции других ценностей. И я думаю, что через культурные метафоры общество лучше воспринимает какие-то, даже политические, идеи. Все-таки существует большое количество людей, которым это все неприятно.

Друзья по университету, участвовавшие в большой манифестации против войны в Украине, принадлежат к той группе. Но даже в некогда относительно либеральной Москве подавляющее большинство сейчас поддерживает политику президента в Украине и аннексию Крыма.

Ирина Прохорова решила уволиться с должности партийного руководителя, потому что она, в отличие от многих ее однопартийцев, считала, что аннексия Крыма только ведет Россию дальше по ложному пути, который выбрало нынешнее руководство страны.

– Я считаю, что эта история с Крымом будет иметь очень негативные последствия для всей нашей страны. Это и моя страна, и я люблю свою страну. Попытка показать всех противников аннексии как неких предателей, непатриотов очень грустна и неприятна. Я же считаю, что патриоты – это, собственно, мы.

Она отмечает, что международный статус и экономика России уже очень страдают от этой аннексии.

– Я хотела бы ошибаться, но мы видим, как меняется ситуация. Я понимаю, что политика – это искусство возможного, но этот вопрос был для меня очень принципиальным. Как относиться к Крыму и Украине – это краеугольный камень в политике. Партия, которая должна представлять альтернативу, партия, находящаяся в оппозиции к власть имущим, – такая партия должна иметь четкую позицию по этим вопросам.

Причина, по которой так много людей даже среди руководителей партии, одобрило аннексию Крыма, кроется в том, что страна и в дальнейшем, двадцать три года после распада Советского Союза, страдает от имперского синдрома, – говорит Ирина Прохорова.

– Людям не удалось создать иные принципы для своей идентичности. То, что произошло в Крыму, касается чего-то очень центрического в российском коллективном сознании и памяти. Крым всегда был особым, мифологическим местом для россиян.

Но имперский синдром сам по себе не является чем-то специфически российским, – добавляет Ирина Прохорова.

– Петер Энглунд прекрасно описал, как шведам нужно было почти два века, чтобы избавиться от своих имперских комплексов. Для каждой великой державы это огромная травма, и много лет продолжается освобождение от имперских мечтаний.

Россия все же пошла правильным путем в 1990-х годах, когда многие восприняли распад Советского Союза как освобождение от угнетения, шанс построить новую, лучшую страну. Но потом пришел Путин, – говорит Ирина Прохорова.

– Когда он получил власть пятнадцать лет назад, он полностью изменил направление. Он начал говорить о распаде Советского Союза как о трагедии, геополитической катастрофе. За свои пятнадцать лет он смог создать ощущение национального унижения, чувство, которого у нас не было в начале 1990-х годов. Но Путин ли создал это ощущение? Возможно, оно уже существовало, а он просто использовал его, – возражаю я.

– Да, понятно, что очень многие люди были в шоке от того, что произошло. Жизнь в последние советские годы было бедная, роскоши мы не имели, но, если сравнить со всеми катастрофами, постигшими нашу страну в течение предыдущих десятилетий, таки появилось где-то в середине 1960-х годов ощущение упорядоченного, мирного существования. Мы не пережили войны, широкомасштабных политических репрессий или голода. Жизнь стала лучше. И вдруг нас постигли революционные изменения, которые заставляют снова обдумывать всю стратегию выживания, когда все сбережения теряют свою стоимость. Это было трудно, особенно для пожилых людей, когда надо начинать все сначала, и, разумеется, это вызывает реакцию, начинают говорить о том, как хорошо все было раньше.

Кроме того, многие россияне, кажется, заболели выборочной амнезией после распада Советского Союза, – добавляет Ирина Прохорова.

– Даже у людей, проживших половину своей жизни в Советском Союзе, существует иллюзия, что все или хотя бы многое было лучшим в советские времена. Более того, все эти годы по телевизору показывали советские фильмы, которые, конечно, были пропагандистскими. Они никогда не говорили о реальных проблемах советской жизни. Это все политические картины. Поэтому реальность стала подменяться таким идеальным золотым веком, которого никогда не существовало. Будто все там были равны, была справедливость и так далее. Так что люди мыслят вот этими мифами, устремленными в прошлое. Когда люди начинают вспоминать какие-то мелочи, они вроде и помнят, но они забыли огромный пласт унизительного второсортного существования, осталась идеализированная картинка, на чем, собственно, и играет власть.

Начиная с осени 2013 года пропаганда была усилена, так что все труднее найти место для альтернативных взглядов. Но Ирина Прохорова считает, что величайший триумф после аннексии Крыма уже прошел, что все больше тех, кто сейчас начал сомневаться, действительно ли завоевание стоит той цены, которую все теперь должны платить. Но в то же время атмосфера дискуссии становится очень агрессивной, – говорит она.

– Я не считаю, что общество безнадежно, но, конечно, та тотальная пропаганда, которая идет последний год, людей сбивает с толку. Такой агрессии и истерии в обществе не было до недавнего времени, пока были хотя бы относительно независимые СМИ. Но когда все крупные каналы стали абсолютно подконтрольными, вот тогда началось. Просто потому, что уже никакого противоядия от этой истерии нет.

Когда вежливые солдаты в зеленой форме совершили свой путч и организовали референдум в Крыму, не только западные эксперты по делам России до последнего момента надеялись, что Россия все-таки не аннексирует полуостров. Так же считало и большинство окружения Ирины Прохоровой в Москве.

– Почти до последнего момента я верила, что должна же быть какая-то логика. Когда аннексия таки произошла, это было очень сильным ударом для нас. Возможно, даже не столько сама аннексия, как ненормальная экзальтация по поводу этого. Это было хуже, и это заставило нас еще раз взглянуть на состояние общества, подумать, как можно противодействовать этому имперскому синдрому, потому что он ведет всю страну очень опасным путем.

Но действительно ли гигантская волна эйфории после аннексии была полной неожиданностью?

– Прежде всего, я была поражена тем, как много было тех, кто поддался этому. Пожалуй, во всех странах существует определенное, даже относительно большое количество людей, которые всегда готовы радоваться военным победам. Но самым интересным было то, что, казалось, больше радовались работники органов государственной безопасности. У меня нет данных об этом, это лишь мои собственные наблюдения. Но те, кто не так зависит от государственных органов, придерживались более разнообразных взглядов, и многие рядовые, обычные люди удивлялись, зачем нам вообще вдруг понадобился Крым.

Существуют же данные по всенародной поддержке политики Владимира Путина. Сразу после победоносной войны в Грузии летом 2008 года, до начала экономического кризиса, эта поддержка достигла своего исторического пика. Тогда, по данным независимого института общественного мнения «Левада», до 88 процентов опрошенных говорили, что они скорее поддерживают, чем не поддерживают политику Путина. Затем эта поддержка медленно снизилась до своего исторически самого низкого уровня. В ноябре 2013 года – лишь 61 процент.

Такая народная поддержка, разумеется, была бы вершиной всех мечтаний для любого из ведущих политиков западной демократии, где существуют настоящие альтернативы и сильные критические голоса. Но все это отсутствует в России Путина.

Вся система построена на предпосылке, что никакие альтернативные решения проблем России не могут быть разрешены, никакие конкурентные политические силы – они сразу будут остановлены тем или иным способом, если покажется, что они могут угрожать властям. Единственной альтернативой стабильности Путина являются хаос и распад, – трубят государственные СМИ. Поэтому у власть имущих появляется проблема, если поддержка политики президента, политики единственной альтернативы, уменьшится и будет ниже, чем две трети. Это означало бы, что многие считают любого президента лучшим, чем Путин.

Но сразу после военной операции в Крыму все проблемы относительно данных опроса как ветром сдуло. События в Украине были ловко использованы государственной пропагандой. По телевидению все выглядело как согласованное нападение Запада на Россию и русских, нападение, которое надо остановить любой ценой. И в начале марта, после того как вежливые солдаты успешно штурмовали парламент в Симферополе, поддержка Путина выросла до 72 процентов. Все же знали, что это были российские солдаты, даже если российское министерство иностранных дел настойчиво это отрицало. В конце марта, когда аннексия было завершена, эта цифра достигла 80 процентов, а летом она продолжала расти. В октябре

поддержка Путина снова достигла исторического пика – 88 процентов – такой же величины, как сразу после войны в Грузии 2008 года.

Еще интереснее посмотреть, сколько людей хотело бы, чтобы Владимир Путин остался президентом и на следующих выборах, которые, согласно конституции, должны состояться в 2018 году. В октябре 2013 года многие россияне фактически считали, что уже хватит, даже если с политикой Путина, на их взгляд, в принципе, все нормально. Тогда только 33 процента опрошенных хотели бы, чтобы он остался на следующий шестилетний срок, согласно данным «Левада». Это число тогда почти в течение года было практически неизменным. Но после событий в Украине стабильность Путина вдруг снова стала очень популярной: в ноябре до 54 процентов опрошенных хотели, чтобы он остался президентом до 2024 года. Наиболее опасный альтернативный кандидат, коммунист Геннадий Зюганов, получил поддержку менее 5 процентов.

Однако можно спросить себя, действительно ли поддержка президента настолько выросла, или дело в том, что больше людей теперь осторожнее и уже не хотят публично заявлять, что они не очень-то и восхищаются президентом. У Ирины Прохоровой есть ощущение, что эта поддержка совсем не так уж стабильна, как это может показаться.

– Совершенно очевидно, что после такого совершенно невероятного энтузиазма этот восторг начинает потихонечку спадать, что естественно, а просто уже начинает всплывать тот негатив, который проявляется. Ассортимент продовольственных продуктов в магазинах уменьшился через российские контрсанкции, а цены выросли. У регионов изымаются деньги на поддержание Крыма, а бюджеты и так очень маленькие. Приходится закрывать социальные программы, люди начинают на себе постепенно ощущать результат. Ну, конечно, можно какое-то время кричать, что это американцы проклятые, и все прочее. И тем не менее мне кажется, что, с другой стороны, память о советском имеет не только эту идеальную сторону, но также и какие-то формы сопротивления этой пропаганде. Это тоже постепенно начинает включаться.

Оживают советские воспоминания, и это означает также, что многие не хотят откровенно говорить то, что думают, если эти мысли не совпадают с политикой правительства, – говорит Ирина Прохорова.

– Ведь включились механизмы советские, люди не всегда откровенны. Они стали осторожны в своих высказываниях. Поэтому я верю, что многие из тех, которые на словах поддерживают эту политику, не обязательно говорят правду. Этого мы не можем знать – они избегают риска. Даже если опросы должны быть анонимными, они думают, что все-таки можно вычислить, кто что ответил. У нас нет свободного общественного мнения, поэтому невозможно знать, какова картина на самом деле.

В Крыму те, чье поведение совпадало с политикой российского правительства, охотно рассказывали мне о своих мыслях, нередко теми же словами, которые употребляет официальная пропаганда. Но было гораздо труднее убедить людей с иным мнением откровенно поговорить с иностранцем, – рассказываю я.

– Именно так. Поэтому совершенно невозможно сказать, у скольких иное мнение. Но, как бы там ни было, многие испытывают дискомфорт из-за того, что происходит, и готовы слушать контраргументы. Чтобы заставить людей думать не пропагандистскими шаблонами, которыми их ежедневно кормят, надо перенести дискуссию на другой, более конкретный уровень, – говорит Ирина Прохорова. Вместо того чтобы говорить о геополитической и национальной

безопасности, можно, например, говорить о повседневной жизни, о том, как жить в согласии со своими соседями и друзьями.

– У меня самой был интересный опыт несколько недель назад, когда я участвовала в прямом радиоэфире. Это было на радиостанции «Говорит Москва», вполне лояльной, близкой к официальной политической линии. Я изложила свои мысли относительно Украины. Сначала многие слушатели звонили и жаловались, что я не патриотка России и так далее, тараторили что-то о национальной безопасности. Я сказала слушателям, что у них всех, наверное, есть много друзей. В России люди всегда как-то выкручивались, потому что они помогали друг другу. Они помогают вам, и вы помогаете им. Можно заботиться о собственной безопасности также иным способом, все время жалуясь на других, донося на них власти, заявляя, что тот подлец, то шумит по ночам, и так далее. Но ведь лучше пытаться находить компромисс и дружить со всеми. Для чего враждовать со всем миром, – спросила я, – действительно ли нужно, чтобы мы плевали в лицо всем вокруг нас? И тогда можно было увидеть, как я получала все большую поддержку в телефонном голосовании, закончилось тем, что 45 процентов слушателей были на моей стороне.

Часто именно те, кто громче поддерживает официальную линию, не уверены в том, что они сами на самом деле думают, – говорит Ирина Прохорова.

– Когда кто-то уверен в своем деле, он не испытывает потребности убеждать в этом самого себя и других. Но если он не уверен, это часто приводит к агрессивному поведению из-за чувства дискомфорта.

Я рассказываю, что в Крыму слышал о многих людях, которые сначала были лояльными украинскими гражданами, но вдруг полностью изменились и стали заядлыми патриотами России. Неуверенные в себе люди часто стремятся перейти на сторону победителя, а потом убеждать самих себя и всех остальных, что они сделали правильный выбор, – считает Ирина Прохорова.

– К сожалению, это общечеловеческая черта, люди хотят быть на стороне сильного, в этом нет ничего специфически русского. Но имперский синдром очень силен в России, поскольку травма после распада Советского Союза была такой глубокой. Нам нужно было бы перестать плакать за тем, что было прежде, но для этого необходимо время, необходимо образование, и необходимо, чтобы много ошибочных решений, которые были приняты после, были исправлены. Только тогда можно будет освободиться от имперского мышления.

Уже перед аннексией Крыма экономика России была в кризисном состоянии. Рост почти остановился, и прогнозы предполагали застой на ближайшие годы. Аннексия привела к быстрому росту проблем из-за увеличения опасности, что повлекло отток капитала из-за санкций окружающего мира, через собственные контрсанкции России и огромные затраты, необходимые для модернизации инфраструктуры в Крыму и вокруг него. Также повышенные социальные выплаты и заработная плата в бюджетной сфере Крыма – это тяжелые расходы из государственного бюджета России.

Когда одновременно падает цена нефти, а за ней природного газа, дающих вместе две трети экспортных доходов России, становится очевидным, что большинство россиян скоро почувствует экономические проблемы на своем кошельке. И в конце 2014 года российский рубль начал быстро терять свою стоимость. Президент Путин призвал к спокойствию и объяснил, что это уравновесит государственный бюджет, потому что государство сейчас будет получать по крайней мере столько же рублей за экспортируемую нефть, сколько раньше – ведь

нефть продают за доллары. Но это не очень радует рядовых россиян, когда их покупательная способность быстро снижается, тогда как все импортные и большинство российских товаров дорожают, а заработная плата не повышается.

Итак, возникает вопрос: хватит ли завоевания Крыма, или необходимы новые победы, чтобы отвлечь внимание от экономических проблем. Ирина Прохорова не уверена.

– Этого нельзя предсказать, но Крым – очень плохой пример. Если отказываются от цели развивать Россию экономически, использовать наши средства для построения современной страны, а вместо этого будут использовать все силы, чтобы восстановить старые границы империи, тогда они уже движутся совсем неправильным путем. И, что вполне логично, это означает также, что существует риск рецидива. Я очень хотела бы ошибаться, я хочу надеяться, что Крым и Украина были уроком, показавшим, что такие дела нельзя делать повторно. Но я не знаю. Уже нельзя быть уверенным ни в чем, потому что то, что произошло в Крыму, на самом деле было поворотным пунктом, последствия которого мы не можем знать. И эти события, разумеется, вызвали беспокойство во всех бывших советских республиках, в западноевропейских странах, в Финляндии, вообще во всех странах, имевших в какой-либо способ исторические связи с Россией.

Поведение России молниеносно разрушило то доверие, которое медленно строили после распада Советского Союза, – говорит Ирина Прохорова.

– Для меня лично это трагедия, потому что более двадцати лет я и мои коллеги старались создать действенные культурные связи с окружающим миром. Мы пытались убедить людей, что мы сейчас живем в другую эпоху, что Россия больше не хочет использовать насилие и принуждение против других стран. И нам удалось создать хороший обмен даже с Польшей, где недоверие была очень большим в 1990-е годы. Очень печально, что все это сейчас разрушается. Даже если политики позже найдут решение, снова посеяно недоверие, которое потом останется очень надолго, и это недоверие, прежде всего, повредит демократическим силам в России, оно повредит нам – тем, кто не хочет жить снова в изолированном обществе.

Но в то время как в соседних странах недоверие пробуждали действия России, многие в самой России убеждены, что именно окружающий мир ведет себя несправедливо и агрессивно против России. Многим здесь вообще трудно понять, что другие могут чувствовать угрозу со стороны России. Почему? – удивляюсь я.

– Чтобы понять это, нам нужно взглянуть на историю России. У нас были долгие периоды, когда Россия изолировалась от мира, и более короткие, когда Россия открывалась окружающему миру. Я полагаю, что период самоизоляции, в котором мы сейчас находимся, идет по старым схемам, старым стереотипам, которые использовал также Сталин. В советское время эта идея была важной частью описания мира: Россия окружена врагами, Россия большая и мощная, и это означает, что все завидуют нам, все ненавидят нас и так далее. Эта модель объяснения хорошо функционировала в сочетании с самоизоляцией. И именно это мы видим сейчас.

За последнее столетие Российская империя распадалась дважды. После Октябрьской революции 1917 года наступила кровавая Гражданская война, последние остатки белого правительства бежали в Крым, и лишь в 1920 году Красная армия смогла снова взять полуостров. После Второй мировой войны Сталин попытался склеить осколки, и снова основная часть бывшей Российской империи подчинилась правлению Москвы.

В 1991 году империя распалась во второй раз. Несмотря на ряд локальных конфликтов и местных войн в периферийных регионах империи, дезинтеграция прошла довольно мирно. Но именно этот распад был величайшей геополитической катастрофой века, – так считает, как известно, Владимир Путин, и многие вместе с ним. Многие хотели бы вернуться домой, в Советский Союз. Больше всего часто скучают россияне, которые после распада империи оказались за пределами новой Россия, и которые вместо большинства теперь принадлежат к меньшинству.

Когда великие империи терпят крушение, нельзя предсказать последствия. Большинство, возможно, достигнет берега. Кто-то утонет. Но многие стараются спастись, цепляясь за плавающие обломки и мечтая о золотых днях величия. Такие мечты опасны.

Учитывая, что Россия все-таки самая большая страна мира, действительно немного смешно утверждать, что Россия на протяжении всей своей истории была окружена коварными врагами, самым большим желанием которых было разорвать страну на куски, – считает Ирина Прохорова.

– Я могла бы понять такие рассуждения, если бы Россия была такого размера, как Дания. Но как же Россия смогла стать такой большой, если весь мир – наши враги?

Рассказы о враждебном окружении, которые можно услышать везде, хорошо гармонизируют с происходящей сейчас милитаризацией всего российского общества, – считает Ирина Прохорова.

– Сознание людей снова милитаризировано. В 1990-х годах у нас была демилитаризация, а приоритетом стало развитие, и вся эта идея о врагах, казалось, отошла в прошлое. Вместо этого работали над мирным сосуществованием, развивали экономические и культурные связи. И это действительно способствовало тому, что люди перестали везде видеть врагов. Но сейчас мы снова вернулись к тому старомодному мышлению.

Национальное унижение, которое многие пережили в 1990-х годах, требует возвращения национального достоинства, – так говорят. Но вместо того чтобы строить современную, хорошо обеспеченную Россию, где было бы хорошо жить, было принято решение, что надо усиливать армию и бряцать оружием, чтобы получить уважение окружающего мира. Но в таком случае все поняли неправильно, – говорит Ирина Прохорова.

– Спутали две совершенно разные вещи. Этот рецепт полностью старомоден. Мы хотим, чтобы Россию уважали, – говорят люди. Да, очень хорошо. Того же мы все хотим – уважения. Но почему-то продолжают путать уважение со страхом. Если грабитель ворвался в ваше жилище, вы, конечно, будете бояться его. Но будете ли вы уважать его? Уважение не получают, угрожая другим.

Во многом речь идет также о наследии советских времен, советской пропаганде, когда трубили, какой мощной военной силой является Советский Союз, – считает Ирина Прохорова.

– Для коллективного сознания важно, чтобы мы жили в большой, мощной стране. Для бывшей империи трудно быть скромной. Мы, возможно, не можем быть лучшими в мире, когда речь идет об экономике, но мы, во всяком случае, более духовны, чем люди на Западе, и кроме того, у нас более мощное оружие, – так думают. Речь идет о своеобразном посттравматическом синдроме после распада империи. Это синдром, от которого страдали все империи, распавшиеся в двадцатом веке, в той или иной степени. Это непростая задача – помочь обществу освободиться от этого. Но это важный вопрос, стоящий сейчас на повестке дня для российской интеллигенции.

Когда спрашиваю литературоведа Ирину Прохорову, есть ли российские авторы, уже описавшие происходящее в современном российском обществе, ей не надо долго думать. Но книга, которую она называет, не нова. Она была написана в 1970-х годах. Возможно, действительно Россия мысленно возвращается к поздней советской эпохе?

Эта книга – роман «Остров Крым» высланного из Советского Союза писателя Василия Аксенова, та самая книга, о которой я сам думал во время моего путешествия в Крым.

– Странно, но никто другой не смог так же точно описать это притяжение к центру, эту имперскую мечту, которая притягивает людей к себе. В этой книге речь идет именно о том, как люди сумели создать маленький остров свободы, хотя бы только в Крыму, но их захватили. И многие из нас думали, что Москва была таким островом свободы в постсоветской России. Но людей переманили обратно, они были готовы отдать драгоценности, потому что эта империя так важна для них. Они дают соблазнить себя идеей объединенной империи.

Но опьяняющая мечта об империи уже вызывает серьезную головную боль России.

Когда Владимир Путин в феврале 2014 года решил послать свои войска в Крым, Россия казалась сильной. Страна только что организовала успешные зимние Олимпийские игры в Сочи, бюджет был уравновешен, доллар стоил всего 35 рублей, а цена нефти, главного экспортного товара России, была на более чем удовлетворительном уровне – 110 долларов за баррель. Маленькую аннексию Россия легко могла предпринять.

За год все изменилось. Экономика России переживает большие трудности, и страна ответила на экономические санкции Запада запретами импорта, что, прежде всего, ударило по собственному населению, когда количество предлагаемых продуктов было ограничено и цены выросли. Цена на нефть снизилась вдвое за несколько месяцев, и почти такая же судьба постигла российский рубль. В конце февраля 2015 года доллар стоил более 60 российских рублей.

Это в свою очередь привело к повышению цен почти на все. Крымчане, которые только что смогли радоваться своим удвоенным зарплатам, теперь замечают, что за российские деньги так много уже не купишь. Кроме того, уже говорят, что якобы повышенные заработные платы в бюджетной сфере в Крыму скоро, возможно, снова будут снижены. В российском федеральном бюджете просто нет денег.

Надежда на лучшие времена под российским правлением так и не осуществилась и в Симферопольском медицинском университете. Несмотря на письмо, которое, возможно, попало к Путину, судьбой университета сейчас руководят местные бюрократы. Ректор был уволен, и, несмотря на протесты студентов, независимый медицинский университет присоединен к новому федеральному университету Крыма.

Служба безопасности провела тщательный обыск на крымскотатарском телевизионном канале ATR и изъяла компьютеры, содержащие архивные фильмы о митингах, которые происходили возле парламента в Симферополе в феврале 2014 года. Из-за этого обыска были временно приостановлены передачи, и будущее ATR под угрозой. Конфискованные архивные фильмы будут использованы в уголовном расследовании, которое имеет целью возложить на оставшихся руководителей Меджлиса всю ответственность за манифестацию 26 февраля 2014 года. Они могут быть осуждены российским судом к большим срокам лишения свободы, хотя в Крыму в то время еще было действительным законодательство Украины.

Изоляция от окружающего мира все более возрастает. В конце декабря 2014 года Украина прекратила все железнодорожное и автобусное сообщение через крымскую границу, как

говорят, по причинам безопасности. С начала 2015 года из-за международных санкций больше нельзя платить или получать деньги с помощью карточки «Visa» в Крыму. Даже американская фирма электронных выплат «Paypal» перестала обслуживать предприятия и частные лица, находящиеся в Крыму. «Apple» и «Google» запретили продажу своей продукции и услуг на полуострове, что, между прочим, означает, что официально теперь нельзя купить приложения для мобильных телефонов.

Российские власти в свою очередь прикрутили политические гайки еще на несколько оборотов. Многие неудобные общественные организации были официально провозглашены «иностранными агентами», среди них также «Солдатские матери» из Санкт-Петербурга, которые обнаружили, что многие российские солдаты погибли в Восточной Украине, хотя Россия официально не участвует в боях. Даже Комитет против пыток был объявлен «иностранным агентом» – значит, борьбу против пыток сейчас понимают как способ внедрения интересов враждебных сил в России.

Брат лидера оппозиции Алексея Навального Олег был приговорен к трем с половиной годам лишения свободы – это очевидная попытка заставить замолчать самого Алексея Навального. Был убит другой ведущий оппозиционный политик Борис Немцов, остро критиковавший аннексию Крыма и войну в Украине.

Блокировка интернет-сайтов, которые публикуют критические материалы, была усилена, телевизионный канал «Дождь», выступающий с критикой, потерял свое помещение, а на государственных каналах гиперпатриотическая антизападная риторика достигает все новых степеней паранойи. Началась последняя битва между телевизором и холодильником, – иронизируют россияне в Интернете и в немногих оставшихся свободными средствах массовой информации. Когда в холодильнике больше не видно экономической стабильности, на которой долго базировалась популярность Владимира Путина, тогда телевизор должен убеждать народ, что во всем виновато враждебное окружение и все сейчас должны объединиться и встать на борьбу против общего врага, делающего все, чтобы разрушить Россию.

В конце концов, разумеется, всегда побеждает холодильник. Если будет нечего есть, ни один телевизор в целом мире не сможет убедить россиян, что они не голодают. Но до этого еще далеко: большинство людей в России продолжает жить сейчас гораздо лучше, чем в советское время. И, если цена на нефть хоть немного снова возрастет, Владимир Путин сможет предложить зрителям длинный, бережно ретушированный повтор передачи о стабильных советских 1970-х годах. Именно по этому времени многие, кажется, тоскуют.

ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ

1783 – Россия завоевывает и присоединяет Крым. У российского черноморского флота теперь имеется своя база в Севастополе.

1853-55 – Крымская война. Франция, Великобритания, Османская империя и Сардиния стремятся остановить расширение российского влияния. Севастополь завоеван, и российский флот уничтожен.

1917-20 – Революция и Гражданская война в России. Остатки Белой армии эвакуированы из Крыма в конце 1920 года.

1942 – Нацистская Германия завоевывает Крым.

1944 – Советская армия отвоевывает Крым. Весь крымскотатарский народ обвинен в сотрудничестве с врагами и изгнан в Среднюю Азию.

1954 – Крым, который до сих пор принадлежал РСФСР, передан Украинской ССР.

1991 – Советский Союз распадается. Крым теперь принадлежит независимой Украине.

2004 – Оранжевая революция в Украине. Победитель президентских выборов Виктор Янукович обвиняется в фальсификации выборов, и массовые протесты приводят к новым выборам. Виктор Ющенко избран президентом, Юлия Тимошенко получает должность премьер-министра.

2010 – Украина стала жертвой серьезного мирового финансового кризиса и пережила большое разочарование после Оранжевой революции. Виктор Янукович выигрывает выборы президента. Другой кандидат, Юлия Тимошенко, приговорена к заключению якобы за злоупотребление властью после политически мотивированного судебного процесса.

2013

Ноябрь – Виктор Янукович не придерживается своего обещания о сближении с Евросоюзом, в последний момент отказывается подписать объемное соглашение о сотрудничестве с Евросоюзом и вместо этого хочет углубить сотрудничество с Россией. В Киеве начинаются протесты.

Декабрь – Сотни тысяч демонстрантов в Киеве требуют от Виктора Януковича подписания соглашения о сотрудничестве с Евросоюзом. Демонстранты захватывают мэрию города. Владимир Путин обещает Виктору Януковичу большой пакет экономической поддержки.

2014

Январь – Протесты усиливаются. Люди строят баррикады. Премьер-министр Николай Азаров вынужден уйти в отставку.

18.2.2014 – Столкновения между силами безопасности и демонстрантами приводят к гибели 18 человек.

20.2.2014 – Бои между силами безопасности и протестующими приводят к гибели по меньшей мере еще 88 человек, когда снайперы в форме направляют свое оружие против протестующих. Поздно вечером парламент решает, что силы безопасности должны покинуть центр Киева, и запрещает им стрелять в протестующих.

21.2.2014 – Президент Янукович подписывает соглашение с лидерами оппозиции, но это соглашение теряет свое силу, когда президент бежит.

22.2.2014 – Президент Янукович убегает из Киева, сначала в Восточную Украину, а оттуда с помощью российской службы безопасности далее в Крым. Через несколько дней он прибывает в Россию. Парламент в Киеве констатирует, что Янукович покинул свой пост и провозглашает, что выборы президента состоятся 25 мая. К тому времени председатель парламента Александр Турчинов будет исполнять обязанности президента.

23.2.2014 – Десятки тысяч жителей флотского города Севастополь в Крыму протестуют против смены руководства в Киеве и освобождают от должности мэра города, верного новому правительству.

26.2.2014 – Большой протест у здания парламента Крыма в Симферополе. Двое протестующих умирают, раздавленные толпой во время столкновения пророссийских и проукраинских групп.

27.2.2014 – Солдаты в зеленой форме без знаков различия штурмуют дом местного парламента Крыма и дом правительства в Симферополе. Правительство Крыма свергнуто, к власти пришел новое, пророссийское правительство.

28.2.2014 – Солдаты в форме без знаков различия окружают международный аэропорт Симферополя. В то же время Россия проводит крупные военные маневры на восточной границе Украины.

1.3.2014 – Российский парламент дает президенту Владимиру Путину разрешение применять российские военные силы в Украине. В течение следующих дней начинается введение российских войск паромом через Керченский пролив. Военные продолжают использовать форму без знаков различия, и Россия официально не признает своей роли в событиях в Крыму.

16.3.2014 – происходит референдум о статусе Крыма. По официальным данным, 97 процентов голосуют за присоединение к России.

17.3.2014 – Парламент Крыма провозглашает Республику Крым независимой и сразу направляет петицию, чтобы эта республика была принята в состав Российской Федерации.

18.3.2014 – Владимир Путин и представители новой Республики Крым подписывают соглашение о вхождении новой Республики Крым в состав России.

23.3.2014 – Последняя украинская военная база, оставшаяся в Крыму, авиабаза Бельбек на окраине Севастополя, захвачена российскими войсками.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Прежде всего, я хочу поблагодарить тех, у кого брал интервью в Крыму, в Киеве и Москве, появление этой книги – это их заслуга, по меньшей мере в той же степени, что и моя.

Эсперантисты: Павел, Ефим и Женя – каждый по-своему воспринимал, что происходило в Крыму и почему, но все они были любезными и готовыми помочь. Без их участия и местных контактов было бы гораздо труднее найти нужных людей для опроса и это заняло бы больше времени.

Стипендия фонда памяти Петера Мелина финансировала мое путешествие в Крым, Киев и Москву, за что я выражаю отдельную благодарность.

Учитывая деликатность темы, я решил писать только имена большинства людей, с которыми я встречался в Крыму. Исключением стали несколько человек, которые занимают высокие должности в названных организациях, или те, которых по иным причинам все равно могут быть легко идентифицированы.

В немногих случаях я изменил имена или другие незначительные детали, чтобы усложнить идентификацию опрашиваемого.

Я особенно хочу поблагодарить свою супругу Марию Санделин, которая тщательно перечитывала то, что я писал, и давала полезные советы во время моей работы.

Алекс Воронов прочитал всю, почти готовую, рукопись и высказал много дельных предложений по ее улучшению.

Юхан Седербек из шведского издательства «Atlas» снова, в духе Антона Чехова, помог мне вычеркнуть плохо написанные или ненужные фрагменты и в более понятной форме изложить ход событий, которые на бумаге были не такими понятными, как мне казалось.

Эсперантскую версию книги просто, смело и непоколебимо перелопатил Иштван Эртл, его многочисленные исправления и замечания очень помогли мне. Благодарю также Ионела Онеца и Ли Миллера, которые в последний момент помогли избежать некоторых неточностей. Очень благодарен также Ульриху Беккеру из «Mondial» за молниеносную, но бережную подготовку книги к изданию.

Все ошибки, которые остались в этой книге, разумеется, мои.

Калле Книйвиля

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие Председателя Меджлиса
крымскотатарского народа

к русскоязычному изданию…..... 3
Предисловие автора к русскоязычному изданию…..... 7
Тоска по Советскому Союзу..... 9
Вторжение ниоткуда..... 13
На аннексированной земле..... 30
Русскоязычный череп..... 39
Предатель всегда останется предателем..... 55
Наверное, Сталин все-таки был прав..... 77
Город русской славы..... 98
История нас оправдает..... 127
Запрещенные слова..... 142
Изгнанники..... 158
Имперские мечты..... 177
Хронология событий..... 200
Благодарность..... 204

Документально-публицистическое издание

Калле КНИЙВИЛЯ

КРЫМ НАШ

Возвращение империи

Авторизованный перевод с эсперанто
Петра Паливоды

Автор фото на титульной странице ***Павел Можаев***

Редактор ***Петр Паливода***
Технический редактор ***Николай Волошин***

Формат 60x84 1/16. Ум. друк. арк. 12,1.
Зам 01. Наклад 500.

ВОРВП «Надстир'я»
43016 м. Луцьк, вул. Лесі Українки, 7.
Тел. (0332) 72-20-13.

Свідоцтво про державну реєстрацію ДК № 349 від 02.03.2001.

УДК 327.5(477)
П 34
ISBN 978-966-517-910-8
Калле Книйвиля. Крым наш. Возвращение империи. *Переклад з есперанто.* Луцьк : Надстир'я, 2020. 208 с.

Калле Книйвиля – шведский журналист финского происхождения. Гражданин Швеции и Финляндии. Корреспондент «Сюдсвенска Дагбладет», крупнейшей ежедневной газеты юга Швеции. Несколько месяцев работал советником посольства Швеции в Москве, после чего занимал такую же должность в посольстве Швеции в Киеве.

Через полгода после аннексии автор посетил Крым, Киев и Москву, чтобы попытаться понять, что произошло и почему аннексия Крыма вызвала такой энтузиазм в России, хотя она поставила страну в положение международного изгоя.
«Крым наш» – вторая книга автора из четырех, написаных им о странах бывшего Советского Союза. Она была издана в 2015 году, в первую годовщину аннексии Крыма.